

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Александр Иванов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

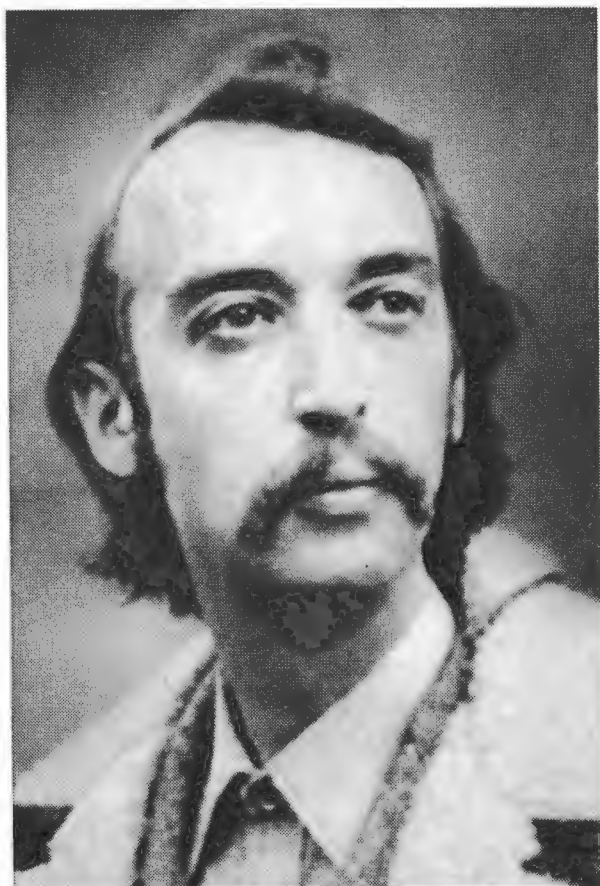
Чингиз Айтматов Николай Алешков
Евгений Антонкин Михаил Анчаров Ар
Астафьева Белла Ахмадулина Эдуард
Василий Белов Виктор Боков Юрий Бон
Аркадий Вайнер Георгий Вайнер К
Петр Вегин Ирина Велембовская Евгений
Волгин Александр Володин Владимир Висо
Инна Гофф Анатолий Гребнев Николай Д
Сергей Давыдов Владимир Дворянсков
Николай Дмитриев Вероника Долина
Юлия Друнина Евгений Евтушенко А
Тамара Жирмунская Василий Журавлев
Фазиль Искандер Александр Исполюнов
Валентин Катаев Игорь Кобзев Яков
Корни Владимир Костров Димид
Кузнецов Евгений Кулькин Станислав Ку
Виль Липатов Евгений Лучковский Иван
Сергей Макаров Новелла Матвеева
Юнна Мориц Александр Москвитин Р
Окуджава Лев Ошанин Николай Па
Парфентьев Константин Паустовский
Григорий Поженян Надежда Полякова

Елена Андреева	Лев Аннинский
Аркадий Арканов	Эдуард Асадов
Балахов	Наталья Бек
Юрий Беличенко	Майя Борисова
Анатолий Брагин	Константин Ванженкин
Лариса Васильева	Винокуров
Игорь Вознесенский	Андрей
Игорь	Людмила Гончарова
Владимир Гордейчев	Грибачев
Григорий Горин	Лидия Григорьева
Андрей Дементьев	Николай Денисов
Николай Доризо	Евгений Долматовский
Николай	Александр Еременко
Михаил Жванецкий	Василий Захарченко
Анатолий Заяц	Римма Казакова
Геннадий Касимов	Козловский
Григорий	Виктор
Конецкий	Костерин
Юрий	Анисим
Кронгауз	Николай Курицын
Александр Кушнер	Лисцов
Игорь Ляпин	Сergeй Михалков
Сergeй Минакаваня	Юрий Никончев
Лев Озеров	Буллат
Виктор	Анатолий Парпара
Анатолий	Передреев
Михаил Пляцковский	Борис
Пчелкин	Примеров
Анатолий	

Чингиз Айтматов	Николай Алексеев
Евгений Антошкин	Михаил Анчаров
Наталья Астафьева	Белла Ахмадулина
Василий Белов	Виктор Боклов
Аркадий Вайнер	Георгий Вайнер
Петр Вегин	Ирина Велембовская
Александр Володин	Владимир Высоцкий
Илья Говф	Анатолий Гребнев
Сергей Давыдов	Владимир Дворянский
Николай Дмитриев	Вероника Долгих
Юлия Друцкая	Евгений Егупов
Шарара Жиряевская	Василий Журавлев
Филипп Искандер	Александр Испоианов
Валентина Катан	Игорь Кобзар
Владимир Касторов	Диомид Касторов
Юрий Кузнецов	Евгений Кузьков
Виль Липатов	Евгений Лучинский
Сергей Мавров	Наталья Матвеева
Юлия Морин	Александр Мокшанов
Бурлат Окудзев	Виктор Перфильев
Лев Ошанин	Константин Паустовский
Григорий Поженкин	Наталья Полякова

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Archie Campbell Wheat.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Александр Иванов

Москва «ЭКСМО» 2006

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-7
И 20

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Александр Иванов

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта *Юрий Кушак*

Дизайн обложки *Ахмед Мусин*

На обложке использован шарж *И. Висогорского*

Иванов А.

И 20 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 46 /
Александр Иванов. — М.: Эксмо, 2006. — 304 с.: ил.

УДК 82-7
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7

ISBN 5-699-14551-6 (т. 46)
ISBN 5-04-003950-6

© Александр Иванов, наследники, 2006
© Ю. Н. Кушак, составление, 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Содержание

Алексей Пьянов. Александр Второй 13

ПАРОДИИ 19

Айтматов Чингиз 21

Алешков Николай 24

Андреева Елена 25

Аннинский Лев 26

Антошкин Евгений 28

Анчаров Михаил 30

Арканов Аркадий 32

Асадов Эдуард 34

Астафьева Наталья 36

Ахмадулина Белла 37

Балашов Эдуард 39

Бек Татьяна 41

Беличенко Юрий 42

Белов Василий 44

Боков Виктор 46

Бондарев Юрий 47

Борисова Майя 50

Брагин Анатолий 51

Вайнер Аркадий, Вайнер Георгий 52

Ваншенкин Константин	55
Васильева Лариса	56
Вегин Петр	58
Велембовская Ирина	60
Винокуров Евгений	62
Вознесенский Андрей	64
Волгин Игорь	66
Володин Александр	68
Высоцкий Владимир	69
Гончарова Людмила	72
Гордейчев Владимир	73
Горин Григорий	74
Городницкий Александр	76
Гофф Инна	77
Гребнев Анатолий	79
Грибачев Николай	80
Григорьева Лидия	81
Грудев Игорь	82
Давыдов Сергей	83
Дворянсков Владимир	85
Дементьев Андрей	86
Денисов Николай	87
Дмитриев Николай	88
Долина Вероника	89
Долматовский Евгений	91
Доризо Николай	92
Друнина Юлия	96
Евтушенко Евгений	98

Еременко Александр	100
Жванецкий Михаил	101
Жирмунская Тамара	103
Журавлев Василий	105
Захарченко Василий	108
Заяц Анатолий	110
Искандер Фазиль	111
Испольнов Александр	113
Казакова Римма	114
Касмынин Геннадий	115
Катаев Валентин	117
Кобзев Игорь	119
Козловский Яков	121
Конецкий Виктор	122
Корин Григорий	123
Костров Владимир	124
Костюрин Диомид	125
Кронгауз Анисим	126
Кузнецов Юрий	129
Кулькин Евгений	131
Куняев Станислав	132
Курицын Николай	134
Кушнер Александр	135
Липатов Виль	136
Лучковский Евгений	138
Лысцов Иван	140
Ляпин Игорь	141
Маканин Владимир	142

Макаров Сергей	144
Марков Сергей	146
Матвеева Новелла	147
Михалков Сергей	148
Мнацаканян Сергей	149
Мориц Юнна	150
Москвитин Александр	153
Никонычев Юрий	154
Озеров Лев	155
Окуджава Булат	156
Ошанин Лев	158
Панченко Николай	160
Парпара Анатолий	162
Парфентьев Виктор	163
Паустовский Константин	164
Передреев Анатолий	166
Пляцковский Михаил	167
Поженян Григорий	169
Полякова Надежда	170
Примеров Борис	172
Пчелкин Анатолий	174
Рабинович Вадим	175
Радзинский Эдвард	176
Распутин Валентин	178
Реброва Татьяна	180
Ревич Александр	182
Рейн Евгений	183
Рождественский Роберт	184

Рощин Михаил	186
Ряшенцев Юрий	188
Самойлов Давид	189
Семенов Юлиан	191
Сидоров Валентин	193
Сикорский Вадим	194
Слуцкий Борис	195
Смирнов Дмитрий	197
Смирнов Лев	198
Смирнов Сергей	199
Снегова Ирина	201
Солоухин Владимир	202
Сорокин Валентин	204
Суворов Владимир	205
Станич Михаил	207
Стараканова Лариса	208
Старасова Марина	209
Токарева Виктория	210
Трифонов Юрий	212
Тряпкин Николай	214
Уварова Людмила	216
Урусов Владимир	218
Успенский Эдуард	219
Фархади Раим	221
Федоров Василий	223
Фокина Ольга	225
Фоняков Илья	226
Хелемский Яков	228

Холендро Дмитрий	229
Храмов Евгений	230
Цыбин Владимир	232
Цивилихин Владимир	233
Цуев Феликс	235
Цухонцев Олег	236
Шевелев Александр	238
Шевелева Екатерина	239
Шестинский Олег	241
Шефнер Вадим	243
Шкляревский Игорь	245
Шукшин Василий	246
Шуплов Александр	248
Эренбург Илья	250
Юдахин Александр	252

ЭПИГРАММЫ 255

Аркадию Адамову	257
Сингизу Айтматову	257
Ираклию Андроникову	257
Владимиру Арро	257
Эдуарду Асадову	258
Виктору Астафьеву	258
Белле Ахмадулиной	258
Олегу Басилашвили	258
Юлии Борисовой	259
Георгию Вицину	259

Всеволоду Вишневскому	259
Игорю Волгину	259
Расулу Гамзатову	260
Валентину Гафту	260
Илье Глазунову	260
Григорию Горину	260
Николаю Доризо	261
Юлии Друниной	261
Александру Жарову	261
Рине Зеленой	261
Михаилу Зощенко	262
Людмиле Зыкиной	262
Валентину Катаеву	262
Иосифу Кобзону	262
Евгению Лебедеву	262
Валерию Леонтьеву	263
Георгию Маркову	263
Сергею Михалкову	263
Юрию Никулину	263
Сергею Образцову	264
Булату Окуджаве	264
Раймонду Паулсу	264
Майе Плисецкой	264
Борису Полевому	265
Алле Пугачевой	265
Эдварду Радзинскому	265
Роберту Рождественскому	265
Юрию Сенкевичу	266

Вячеславу Тихонову	266
Георгию Товстоногову	266
Михаилу Ульянову	266
Теннадии Хазанову	267
Михаилу Цареву	267
Мариэтте Шагинян	267
Владимиру Шаинскому	267
Виктору Шкловскому	268
Сергею Юрскому	268
Евгению Ясину	268
Владимир Новиков. Александр Иванов, или «Полезный волк»	269

Александр Второй

Скажу сразу: этот заголовок придумал, увы, не я.

Он принадлежит Зиновию Паперному. Но не спешите обвинять меня в плагиате. К сожалению, автору так и не пришлось увидеть свою остроумную и абсолютно точную по отношению к предмету исследования находку. Потому что...

Потому что на дворе стояли совсем другие времена, в кои положительное упоминание российских государей императоров стоило иным писателям и редакторам карьеры, места, партбилета. И названная так откровенно рецензия Зиновия Самойловича на книгу литературных пародий Александра Иванова, которую Паперный принес в журнал «Юность», была зарублена, что называется, на корню. Вернее не текст, а именно название.

Наш мудрый и добрый главный редактор Борис Полевой, увидев рецензию на своем рабочем столе и еще не прочитав ее, замахал руками:

— Вы что, братцы?! Какой второй? Какой Александр? Про Китайский проезд забыли? В общем, текст берем, заголовок меняйте.

Мы пытались спасти понравившееся всем название, объясняли, что Александр Первый в на-

шем случае совсем не тот, что «взял Париж и основал Лицей», не гонитель Пушкина, а Александр Архангельский, советский поэт-сатирик, великолепный пародист, классик. Александр Второй — опять же не царь-батюшка, а Саша Иванов, унаследовавший — и по праву — лиру Александра Архангельского. Именно и поэтому он — Второй. По счету. Но с большой буквы в данном случае лучше, ибо это — юмор...

Наше красноречие было напрасным.

— Братцы, — сказал, лукаво улыбнувшись, Борис Николаевич, — да не знают они там никакого Архангельского! Поговорите с автором. Я его знаю — он человек изобретательный, да еще и доктор наук, придумает что-нибудь не хуже. Только уж без вторых и третьих, пожалуйста.

Словом, заголовок был отвергнут. Новый — я его, к сожалению, не помню — придуман, рецензия напечатана. И только сегодня, когда, как это ни горько осознавать, нет их обоих: ни того, кто дал знаменитому пародисту столь высокое и «крамольное» имя, ни автора этой (и многих других) «крамол», я счел своим долгом перед ними, с кем меня связывали годы искреннего дружества, вспомнить эту историю.

Конечно, можно было бы обойтись и без нее: с именем Александра Иванова связано множество других — веселых и грустных — историй. Но та, с которой начал я свои заметки, мне представляется наиболее значимой в разговоре об одном из лучших наших поэтов-сатириков, пародистов, эпиграмматистов. Ибо в ней устами авторитетнейшего старейшины нашего цеха сказано главное о своем собрате.

Но достоинство и значение творчества Александра Иванова не только в том, что он наследовал и развил прекрасные традиции русской литературной пародии, создал блистательные не только по остроумию парафразы именитых и безвестных «серьезных поэтов», хотя и этого хватило бы для вполне заслуженного лидерства. Он практически из почти полного забвения вернул на поэтический Олимп в каждодневный литературный обиход сам жанр литературной пародии. Придал ему утраченный (после Архангельского) блеск, демократизировал его, привел на большую, поистине всесоюзную (в ту пору) эстраду, сделал любимым для миллионов людей.

Скажете: ну хватил товарищ краю! Да нисколько! Ибо видел, знал все это не со стороны, а изнутри. И мои литературные пристрастия, как и десятков моих товарищей и коллег, сдетонированы творчеством Александра Иванова.

Это во многом его стараниями, трудами, успехами пародия в те годы собирала многотысячные залы, ибо вместе с его именем звучали такие имена, как Хмара, Филатов, Завадский, Орлов, Брайнин, Ефимов...

Общими усилиями в литературный быт вернулся «сей род шуток» (Пушкин), который был традиционно присущ нашей словесности в образцах многообразных, ярких, общественно значимых.

Конечно, не стоит абсолютизировать одно имя, пусть даже редкостно талантливое. Были и после Александра Архангельского мастера. Были Раскин и Слободской, Масс и Васильев, Лифшиц и Бахнов, Лазарев, Рассадин, Сарнов (отличная

троица!). И все-таки Александру Иванову принадлежит здесь особая заслуга. Дело в том, что многие из названных выше мастеров со временем ушли в более «основательные» жанры. Он же оставался верен пародии до конца. Он привел ее и на телеэкран, в свою знаменитую передачу «Вокруг смеха», без которой наш юмор не был бы в ту пору так доступен человеку у домашнего экрана. И в этом важном и очень нужном деле заслуга Александра Иванова (или Сан Саныча, как звали его близкие) столь же очевидна, как и в главном его деле.

Знаю, меня могут упрекнуть в апологетике, завышенных оценках и прочее, и прочее. Да, могут. Но я не ставил перед собой задачи в этом кратком предисловии дать портрет сложного, противоречивого человека и писателя. Не собирался анализировать его произведения, которые, как и у любого писателя, удачны и неудачны. Мне далеко не все нравилось в его поздних текстах — стихотворных и прозаических. Но я — не критик. Я пишу о товарище и коллеге, который оставил яркий след в нашей литературе. И уж коли начал свои заметки с истории, историей и закончу.

Как-то зашел Саша в «Крокодил». Принес новые пародии. Когда я прочел их и сказал, что берем и ставим прямо в номер, он улыбнулся своей бритвенно-острой улыбкой, чуть сдобренной тенью от уже посеребренных усиков, и сказал:

— А теперь — подарок. Говорят, у тебя сегодня день рождения, — и протянул конверт.

Я раскрыл его, вынул вчетверо сложенный лист бумаги и прочитал... пародию на мое стихотворение из недавно подаренной Александру

Александровичу книжки! Подаренной, естественно, без всякого умысла на использование в «производственных целях». И вот...

Я оценил не только его мастерство и дружелюбие, но еще и деликатность и щепетильность: он вручил «подарок» только после того, как я прочитал и одобрил (как редактор) все, что он принес, дабы подношение не было истолковано мною превратно.

— Не обиделся? — спросил Саша, когда я прочитал «пасквиль».

— Знаешь, — ответил я ему, — что сказал Маршак твоему тезке Александру Архангельскому, прочитав пародию на себя? Он сказал: «Портретироваться у такого мастера — большая честь». Это мне Валентин Берестов рассказал, прочитав мою пародию на его стихи. Так что круг замкнулся.

Саша, которого иные, задетые его пародиями, считали заносчивым и высокомерным, застенчиво улыбнулся и сказал:

— Спасибо. Напечатаешь, если захочешь. А нет — оставь на память.

Я оставил. Хотя, признаюсь, очень хотелось явить миру это сочинение, утверждающее, уже пером нашего классика, меня среди «избранных».

Вот и вся история. В ней — ничего особенного. Но она добавляет живой штришок к образу человека, чью книгу вы держите в руках. Хорошую, настоящую книгу. И мне было бы жаль, если бы в ней не оказалось еще одного текста, который написан не Александром Ивановым, но, может быть, является лучшей рецензией на все, что написал он. Восполню же этот пробел и приведу

стихи Риммы Казаковой, которые он слышал из ее уст.

Саша Иванов, творец пародий,
Вредное, признаться, существо:
Заявил при всем честном народе,
Что поэты пишут для него.

У меня стихи иного рода,
Я грехом всеобщим не грешу.
Я пишу, однако, для народа,
А для Иванова не пишу.

Знаю, к пародистам жизнь сурова,
И из них отдельных я щажу.
Я пишу, местами, для Пьянова,
А для Иванова не пишу.

Ну а если уж признаться честно,
Все никак вопроса не решу:
Неужели я пишу так пресно,
Что для Иванова не пишу?!

Такое откровение делает честь поэту. Ибо далеко не все пишущие столь откровенны по отношению к себе, любимым. А для пародиста подобные «мадригалы» важнее, нужнее и дороже всяких рецензий и критических признаний.

Александр Второй заслужил эти строки.

Алексей Пьянов
13. 9. 2005

Пародии

Дорога на эшафот

(Чингиз АЙТМАТОВ)

Часть первая

После бойни, учиненной в Мокункумской долине деклассированными элементами ради выполнения скорректированного плана мясопоставок, в этих уже не девственных местах появился Авгий Конюшников.

Мыслитель-дилетант, изгнанный из семинарии за вольнодумство, он прибыл с гоп-компанией гонцов за анашой, дабы обратить души этих заблудших в лоно истинной веры, изобретенной им на скамейке вокзала города Кызыл-Орда бессонной зимней ночью.

Задача была сложной. Алкоголики и бандиты, существа с интеллектом инфузорий, обращению не поддавались. Зато их обращение с Авгием поддавалось описанию, но читать это детям до 16 лет, престарелым, слаонервным, беременным женщинам, а также всем без исключения читателям на ночь не рекомендуется.

Лежа связанный, избитый в кузове грузовика на окровавленных тушах антилоп, Авгий смотрел на небо с бегущими облаками, и вдруг показалось ему, что некто в белом плаще...

Часть вторая

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Он долго всматривался в стоящего перед ним босого оборванца, молча вздыхал, стуча сандалией о сандалию, думал.

— Ну, — спросил наконец Пилат, переминаясь с ноги на ногу и проклиная иудейскую жару, — упорствуешь, Назаретянин?

— Упорствую, батюшка.

— Так ведь распнут тебя. Не боишься?

— Боязно, — помялся Иисус, — и неохота. Да куда ж деваться? Надо мне. Иначе христианство не возникнет.

— Ну, гляди, — огорчился Пилат, — жаль мне тебя. Я ведь тоже лицо историческое. И мне деваться некуда. Историю не перепишешь... Ты бы подумал еще маленько... Я бы тебя, если одумаешься, из страны выслал — и все дела! А так — умываю руки!

— Думал уже, — хмуро сказал Иисус. — Поздно. Идти надо.

— Ладно! — вздохнул Пилат и махнул рукой, не замечая Авгия Конюшниева, появившегося на Арочной террасе, но невидимого потому, что предстоит ему возникнуть на земле в далеком двадцатом веке...

Часть третья

Дальнейшие события по законам новейшего романа не имеют к предыдущему ни малейшего отношения.

Известной пословице вопреки погибли голодные волки, но при этом и овцы не остались целы...

А единственное светлое пятно в романе — репутация автора, да продлит бог его дни во славу убиваемой, но никак не умирающей русской литературы, что возрождается, кипя и стеная, сама из себя...

Семя жизни

(Николай АЛЕШКОВ)

Кто, скажите, в землю бросил
семя жизни на бегу?
Задаю себе вопросы,
а ответить не могу.

Что в мужчине потрясает?
Он у жизни не в долгу.
И, бывает, что бросает
семя жизни на бегу.

Я и сам успеха ради
то бегу, то семеню...
И, бывает, что, не глядя,
землю-мать осеменю.

Что потом — плевать мужчине:
дескать, милая, рожай!..
Не по этой ли причине
все у нас неурожай?

Но порой чешу я темя,
стихотворец-эрудит;
если каждый бросит семя,
от кого земля родит?

А поскольку член Литфонда,
примириться не могу
с разбазариваньем фонда
семенного на бегу.

Вложение

(Елена АНДРЕЕВА)

Я до тебя не понимала,
Какой недожинный запас
Тепла, душевного накала
Вложил завод когда-то в нас.

Я мало в жизни понимала,
Тепло надежд в душе храня.
В меня родной завод немало
Вложил накала и огня.

Но в жизни счастья я искала,
Вдоль по течению гребя...
Еще какого-то накала
Мне не хватало без тебя.

Клянусь, что без объятий милых
Мне не прожить теперь и дня.
Да весь завод вложить не в силах
Того, что ты вложил в меня!

Ядро огреха

(Лев АННИНСКИЙ)

Я часто думаю о том, что случилось бы, если бы Лев Толстой свой роман с такой фразы: «Все смешалось в доме Аннинских»?

Так вот. Не ищите в моей книге того, чего в ней нет.

Это необходимое замечание. Хотя я и не намерен перечислять, чего **НЕТ** в моей книге. Это не входит в мою задачу и заняло бы слишком много времени.

Задача вдумчивого читателя — найти то, что в этой книге **ЕСТЬ**. А это очень нелегко.

...Рассмотрим некоторые произведения нашей поэзии, прозы, а заодно и драматургии. Что мы увидим?

Мы увидим властно-стальные линии сюжетов, врезающиеся в аморфные тела псевдоноваций, которые по рецепту адептов бесстильно-массовидных абстракций выдаются за аксессуары полифонических, раздробленно-обессиленных и орнаментально-додекафонических категорий, но и те представляют собой лишь одну грань пунктирно-экспроприативной субстанции, опирающейся на высшую зеркально-хаотическую

альтернативу, создающую всепобеждающе-расслабленный, понятийно-эллипсообразный, интуитивно-сдублированный, расплавленно-конкретизированный и неповторимо-интерпретированный антураж.

Так что же представляется мне основным в современном развитии литературного процесса?

Лабардан-с и эпатаж!

С кем поведешься...

(Евгений АНТОШКИН)

Меня не так пугают психи —
Они отходчивы,
Смелы.
Боюсь восторженных и тихих:
Одни глупы,
Другие злы.

Не всем дано понять, возможно,
Полет
Возвышенных идей.
И мне тоскливо и тревожно
Среди
Вменяемых людей.

Совсем другое дело — психи.
Порой буйны,
Порой тихи.
С каким они восторгом тихим
Бормочут вслух
Мои стихи!

Их жизнь близка мне и знакома,
Я среди них
Во всей красе!
Я им кричу: «У вас все дома?»
Они в ответ кричат:
— Не все!

Да разве выразить словами
То, как я
Удовлетворен.

Ведь я и сам — но между нами!
С недавних пор
Наполеон!

Смешенье и сплетенье

(Михаил АНЧАРОВ)

Мой дядя, самых честных правил, когда не в шутку занемог животом, позвонил и попросил непременно зайти. Я пошел. Вот парадный подъезд, в котором не только по торжественным дням, а всегда пахнет водкой, кошками и еще чем-то.

Дядя напоминал собой утопый труп мертвого человека.

Свеча горела на столе. Свеча горела, потому что как раз перед моим приходом выключили электричество.

Я понял все. Хотя его пример другим наука, но какой же русский не любит острой еды! Какой-то повар-грамотей накормил сегодня дядюшку не иначе как щами со свиной головизной или еще какой-нибудь дрянью.

— Скажи-ка, дядя, — сказал я, — ведь недаром говорил тебе доктор, чтобы ты на диете сидел. Умер вчера сероглазый король от заворота кишок. Да, были люди в наше время, да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами, но ты же прекрасно знаешь, что мясо в твоём возрасте противопоказано!

Я сидел и говорил. Дядя лежал и молчал. Мы были с ним, как два берега у одной реки.

Вышел я от дядюшки поздно ночью один на дорогу. Сквозь туман милиционер блеснит. Ночь, как вы сами понимаете, тиха, а поскольку бога нет, то пустынная улица внемлет исключительно его гулким шагам. Звезда с звездой говорит о конфликте дядей и племянников.

Мисюсь, я взбесюсь!

Пессимистическая комедия

(Аркадий АРКАНОВ)

В детстве, не знаю почему, я ужасно любил приврать. Я врал всем, во всем, всегда и везде. Причем без всякой пользы для себя.

Потом я заметил, что все люди тоже врут на каждом шагу неизвестно почему и зачем.

Когда я вырос, то стал писать смешные рассказы, в которых со свойственным мне оптимизмом описывал собственную кончину.

Как сейчас помню свои последние похороны.

Перед тем как меня вынесли из Малого зала Центрального дома литераторов, состоялась легкая непринужденная панихида.

— От нас ушел великий, замечательный писатель, — врал по бумажке один из секретарей Союза, который сделал все для того, чтобы я преждевременно покинул этот свет.

— Мы потеряли величайшего драматурга поистине шекспировской мощи, — врал второй, который при жизни называл мои пьесы «собачьим бредом».

— Перед его талантом бледнеют такие корифеи драматургии, как Штейн, Шток, Крон, Прут, Тур, Зак, Крепе, Минц и Радзинский, — врал третий, который периодически путал Брехта с Крахтом.

— Он был нашей национальной гордостью, — врал четвертый, который считает и по сей день, что русскую литературу погубили интеллигенты, евреи и франкмасоны.

— Дружить с ним было редким счастьем, его дружба согревала меня всю жизнь, — врал пятый (кстати, это был Григорий Горин), который меня всегда недолюбливал. Впрочем, я его тоже недолюбливал.

— Это был глубоко порядочный человек, — врал шестой, у которого, погорячившись, я соблазнил жену, и, как выяснилось впоследствии, совершенно напрасно.

— Его душа и помыслы были чисты, как горный снег, — врал седьмой, который при жизни называл меня не иначе как «гнидой».

Потом принесли венок, перевитый траурной лентой с надписью: «Незабвенному Аркадию Шморканову от ЦК профсоюза обделочного комбината им. Клары Цеткин».

...А я лежал с закрытыми глазами и слушал речи. Потом мне все это надоело, и я уснул навсегда.

Поэтому у меня ко всем огромная просьба: я никакой не писатель, я никогда ничего не писал, вы ничего моего не читали, и вообще — идите вы все и не оглядывайтесь...

Душа в теле

(Эдуард АСАДОВ)

...Как возможно с гордою душой
Целоваться на четвертый вечер
И в любви признаться на восьмой?!
Пусть любовь начнется. Но не с тела,
А с души, вы слышите, — с души!

Девушка со взглядом яснозвездным,
День настанет и в твоей судьбе.
Где-то как-то рано или поздно
Подойдет мужчина и к тебе.

Вздрогнет сердце сладко и тревожно,
Так чудесны девичьи мечты!
Восемь дней гуляйте с ним, и можно
На девятый перейти на «ты».

Можно день, допустим, на тридцатый
За руку себя позволить взять.
И примерно на шестидесятый
В щеку разрешить поцеловать.

После этого не увлекаться,
Не сводить с мужчины строгих глаз.
В губы — не врасос! — поцеловаться
В день подачи заявления в загс.

Дальше важно жарких слов не слышать:
Мол, да ладно... ну теперь чего ж...
Так скажи: — Покуда не запишут,
И не думай! Убери... Не трожь!..

А лишь потом, отметив это дело
Весело, с родными, вот теперь
Пусть доходит очередь до тела.
Все законно. Закрывайте дверь.

Суп С Котом

(Наталья АСТАФЬЕВА)

Я никогда не изменю.
Я не обижу даже кошки,
я напою котят из плошки,
я утоплю тоску мою.

Соть свет и не в одном лукошке,
хоть как сестра я их люблю,
я уведу котят от кошки
и, горько плача, утоплю.

Я зарыдаю:
— Кошки, крошки,
не обижайтесь, —
а потом,
верна себе, я понарошке
сварю на кухне суп с котом.

Я похлебаю суп из плошки,
тем самым дав урок котам,
и мясо съем.
А ушки, ножки
на суп читателям отдам!..

Приключение в комиссионном магазине

(Белла АХМАДУЛИНА)

Сшит колпак не по-колпаковски,
Надо колпак переколпаковать.

Затормозил изящный лимузин,
в пути не сбившись с усложненной трассы,
и я, дитя сомнений и пластмассы,
вошла в комиссионный магазин.

Среди партикулярного старья
нашла колпак, которого алкала
душа моя. С изяществом бокала
у зеркала остановилась я.

Он выглядел, как старый баклажан,
в нем было что-то от орды татарской,
от благовоний шашлыка по-карски,
карающих безумных горожан!

В углу рыдал гриппозный продавец...
— Вы говорите, шил колпак художник?
Помилуйте! — А кто? — Да он сапожник,
моральный разложенец, наконец!

Печальна сущность злых полутримас!
Изящен хор больных столпотворений!
Оплаканы сюрпризы повторений,
хрустально изнуряющие нас...

Я молвила: — Колпак упаковать!
Мне ненавистны нити канители,
заняться надо им на той неделе
и горестно переколпаковать.

С тех пор, томясь сознанием вины,
взывал во мне нездешний голос мрака.
Я, наконец, устала, как собака,
и продала колпак за полцены!

Занос

(Эдуард БАЛАШОВ)

Я бросился в тебя, как в реку,
С того моста,
Куда заносит человека
Его мечта.

*М*ой путь причудлив чрезвычайно,
Мой путь непрост.
Меня мечтой необычайной
Внесло на мост.

Не исключение из правил
И не каприз.
Я огляделся, грудь расправил
И глянул вниз.

Там все искрилось и сверкало, —
Текла река.
Там ты, раздевшись, загорала
Среди песка.

Что еще надо человеку?
Зовет мечта.
Я бросился в тебя, как в реку,
С того моста.

Лечу и думаю: давненько
Я не летал...
Но, к сожалению, маленько
Не рассчитал.

Летел я правильной кривою
Под плеск волны.
Но приземлился головою
На валуны.

Должно быть, слишком разогнался,
Устал парить...
Встал, отряхнулся, причесался
И сел творить.

Знак судьбы

(Татьяна БЕК)

...При рождении мальчика Глинки
На дворе засвистал соловей.

...Я люблю твои трюки, Природа,
Твой лукавый и точный замах!

Без мистического наважденья
(Для меня чертовщина — табу!)
Происходит в минуту рожденья
То, что впредь обозначит судьбу.

Знак лукавой Природы — немало!
Получил от нее — и владей...
Так всегда, мне сказали, бывало
У прославленных в прошлом людей.

Видно, не миновать испытаний
Мне, которой Природа не враг...
При рождении девочки Тани
Соловей промолчал — свистнул рак!

Вот такая...

(Юрий БЕЛИЧЕНКО)

На Лубянке не стреляют,
на Литейном — тишина.
Эмиграция гуляет,
как неверная жена.

.....
Высока была затея,
да в кармане ни копыя, —
большевицкая идея
опросталась под себя.

Стинул призрак коммунизма,
жить по «Правде» не велят.
А теперь капитализма
приближение сулят.

Не прожить, коль не обманешь,
всюду воры — это факт.
И везде, куда ни глянешь,
половой, простите, акт.

А народ уж так старался,
труд беднягу ох уел!
Умный Ленин о...я,
глупый Брежнев о...л.

Где родимые таланты?!
В подворотне да в пивной...
Разгулялись эмигранты
по стране моей родной.

Тот носатый, этот рыжий
и с тугой мошной притом.

Из нью-йорков и парижей
указуют нам перстом.

Не робеть, единоверцы!
Час придет, дадим ответ.
А войновичи и терцы
шиш получают (масла нет).

А пока — какая ж пьянка?
Не хватает и на квас...
Эх, Литейный и Лубянка,
вся надежда лишь на вас!

А того, что не случилось,
не помянем всеу тень...
Вот такая получилась
в государстве х...ь.

Молько хвост позади

(Василий БЕЛОВ)

Нарколог Васисуалий Бедов, интеллигент из крестьян, всю жизнь боролся. Он боролся с алкоголизмом, завезенным в Россию иноземными корчмарями, с Пугачевой и джинсами, сексологами и французской косметикой, книгой «Аз и я» (эту гадость он не читал) и Сальватором Дали, генетикой и кибернетикой, экстрасенсами и коньяком «Апшерон», аэробикой и прочей омерзительной дребеденью.

Однажды он выехал с туристической группой в Париж. Группа была разношерстной. Десять дней промучился Бедов во Франции. Разврат и разложение обступали его со всех сторон. От витрин магазинов его тошнило. Циничная и отвратительная картина Тулуз-Лотрека преследовала неотступно. Все статуи в музеях были голые!

А тут еще это!

В их группе выделялась красотой и статностью Люба Ведмедева, жена его друга. Но около нее постоянно вертелись два похабных субъекта — ее одноклассник Миша Бреш и плешивый журналист Аркадий без отчества и фамилии.

Бедов однажды в холле гостиницы случайно подслушал их разговор. Они поспорили на бутыл-

ку виски «Белая лошадь», что журналист Любу трахнет.

Доказательств у Бедова не было, но он твердо решил по приезду все рассказать ее мужу. Это был его долг!

...Митя Ведмедев жутко страдал. «Смотрела Люба в Париже порнографические фильмы или нет? А если смотрела, поняла ли, как это гнусно, омерзительно, подло?»

Научная деятельность Ведмедева летела под откос. «Она изменила мне или изменит, какая разница», — билась в голове, терзала душу, разрывала сердце страшная мысль.

От сознания мерзостности всего происходящего нарколог Бедов напивался до бесчувствия. Его терзали апокалипсические кошмары. В редкие минуты просветления он продолжал бороться... Отстаивал славянское происхождение Иисуса Христа, отвергал компьютеры и моделирование конца света, пел по ночам песни Пахмутовой на слова Добронравова.

Прошло десять лет.

Нарколог Васисуалий Бедов женился на своей бывшей жене. Люба ушла к Мише Брешу. Все остальные женами поменялись. Ведмедев бросил науку, отпустил бороду и навсегда ушел в исконно-посконное, а также кондовое...

Восьмимиллионный город продолжал смрадно жить, разъедаемый метастазами, непрерывно жевал, глотая пепси-колу и фанту, содрогаясь в конвульсиях и испражняясь.

А Мишу Бреша все чаще видели в Колпачном переулке...

Половинчатое решение

(Виктор БОКОВ)

Люди! Я с вами! Я ваш до кровинки,
Нет в этом позы и жалких прикрас.
Вот оно, сердце, в нем две половинки,
Обе работают только на вас!

Врач-кардиолог, в лице ни кровинки,
Начал беседу себе на беду:
— Вы написали про две половинки,
Что вы имели при этом в виду?

Истины ради, не ради усердия,
Лишь потому, что наука права,
Два, уверяю вас, в сердце предсердия
И, уж поверьте, желудочка — два!

Факт, в медицинском доказанный мире.
Значит, желаете вы или нет,
Но «половиною» не две, а четыре,
Вы обсчитались, товарищ поэт...

Я растерялся, в лице ни кровинки,
Но замечательный выход нашел:
Я показал ему две половинки
И, не простившись с невеждой, ушел.

Укра

(Юрий БОНДАРЕВ)

Официант Никита поставил на стол вазочку с черной икрой.

Москва буквально плавилась от жары. Даже говорить было трудно, но острый идеологический спор между кинорежиссером Ялтовым и его американским другом продюсером Кичманом разгорался не на шутку.

— И все-таки, — осторожно, чтобы не обидеть друга, говорил Ялтов, — в достижениях Соединенных Штатов что-то есть...

— Нет! — оглушительно орал Кичман. — Тысячу раз нет! Когда-то вы ставили перед собой задачу догнать и перегнать Америку. Это безумие. Нам не о чем мечтать — у нас все есть. Мы — общество потребления и отчуждения. Мы каждый за себя. Никому ни до кого нет дела. Мы не общаемся друг с другом — нет времени да и незачем... Мы лишены полета мечты. Ваша жизнь — это сплошная мечта! Вы мечтаете куда-то попасть, что-то раздобыть, наконец, просто хоть что-нибудь поесть... Мы лишены всего этого. У нас все покупается и продается! У вас ничего нельзя купить, все надо достать. Достал — счастлив... Боже, как это прекрасно! Приезжая к вам, я отдыхаю душой. Я сразу же становлюсь в очередь.

Наученный вашим прекрасным опытом, я занимаю сразу несколько очередей. Вот где люди по-настоящему сближаются! Они становятся родными. По моим наблюдениям, ваши люди рождаются и умирают в очередях. Это счастье! Впрочем, ты можешь этого не знать, ты принадлежишь к элите...

— В спецраспределителях тоже очередь, — полемически заметил Ялтов.

— Да неужели? — радостно изумился Кичман. — Значит, у вас все счастливы...

Он выпил рюмку экспортной «Столичной» и намазал черную икру на белый хлеб.

Друзья помолчали. Американец с аппетитом жевал.

— Но вашу кинолентку не сравнить с нашей, — воспользовался паузой Ялтов.

— Возможно, — страдальчески скривился Кичман. — Но что мы на ней снимаем?! Стыдно смотреть! Я помню, ты показал мне в Госфильмофонде «Падение Берлина» и «Кубанские казаки». Я плакал. Если бы это видел Хичкок, он бы умер от зависти. Вот где настоящий ужас!.. А Голливуд — это фабрика грез. Но ваши чистые слезы дороже наших глицериновых грез.

— А ваши автомашины лучше наших, — гнул свое Ялтов.

— Да! — кричал Кичман. — Да! Но куда мы на них едем? Мы едем на них в пропасть... На ваших машинах не доедешь даже туда... Мы вам так завидуем!

Слушая друга, Ялтов вдруг поймал себя на мысли, что его захлестывает бурный поток гордости за свою страну, которую этот американец, по-

хоже, знал лучше чем он, Ялтов, проживший здесь всю свою жизнь и ставший здесь душеприказчиком своего народа. «Мы, в сущности, даже не понимаем, как нам хорошо», — растроганно думал он.

И с отвращением вспомнился ему нью-йоркский отель, в котором, что бы ему ни захотелось, все было к его услугам раньше, чем он успевал об этом подумать. Перед его мысленным взором возникло вдруг все это фальшивое изобилие, безвыходное благополучие, этот оскорбительный комфорт и беспросветное процветание.

И он с нежностью смотрел на Кичмана и официанта Никиту, который принес новую порцию икры.

Икра продолжалась.

Кризис жанра

(Майя БОРИСОВА)

Мой друг, вас нет в моих стихах,
и это очень странно:
ведь между нами было — ах! —
подобие романа.

Нисала я в своих стихах
об этом постоянно,
что между нами было — ах! —
подобие романа.

Но не снискал роман успех,
хоть создан был на совесть.
Возникла между нами — эх! —
взамен романа повесть.

Но повесть испустила дух,
и долго я ревела.
Возникла между нами — ух! —
короткая новелла...

И вот пишу, скрывая вздох,
не радуясь нисколько:
была, была меж нами — ох! —
пародия — и только.

Поток приветов

(Анатолий БРАГИН)

И взрослым, вероятно, баловство
Присуше. Вот свечу я зажигаю...
Недаром вдохновенно Пастернак
Свечу воспел. От Пушкина привет
Она ему, колеблясь, посылала...

Беру свечу. Конечно, баловство
В наш сложный век — подсвечники, скандалы,
Гусарский пир, дуэльные скандалы...
Но в этом все же есть и волшебство.
Минувший день — сверканье эполет,
Порханье дам... Но как не верить знаку
Свечи зажженной? Это ж Пастернаку
От Пушкина таинственный привет!..

Но вот свеча и мною зажжена.
И новый труд в неверном свете начат.
Свеча горит... И это что-то значит...
Внезапно понял я: да ведь она
Горит не просто так, а дивным светом
От Пастернака мне — ведь я поэт! —
Шлет трепетный, мерцающий привет!..
Так и живу. Так и пишу. С приветом.

На карачках к истине

(Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР)

I

ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО!

МУР. Начальнику отдела Шарашкину.

Записка по «ВЧ» №1001.

Сообщаю, что братья опять кого-то убили. Расхлебывать придется вам. Форсируйте вызов всех опергрупп. Примите меры для обеспечения всего живого состава.

— Странно, — бормочет Ефремов. — Очень странно... Фантастика какая-то! Прямо Бредбери.

— Бред бери себе, — лениво шутит Шарашкин. — А чего странного? Обыкновенные братские штучки.

— Не пойму я чего-то, — задумчиво говорит Ефремов. — Опять они... Вроде бы совсем недавно мы ими занимались. Опять, значит?

— Правильно понял задачу! — говорит Шарашкин. — Действуй! А то интеллигентным стал очень... Скоро тебя опять путать будут со знаменитым однофамильцем. МУР — это тебе не МХАТ...

2

ВЕСЬМА СРОЧНО!

Шифротелеграмма

Москва, Петровка, 38, Ефремову

Относительно братьев. В картотеке значатся: братья Гонкуры, братья Лаутензак, братья Майоровы, братья Гримм, братья Монгольфье, братья Стругацкие, братья Карамазовы, сестры Пресс.

Ст. оперуполномоченный г. Чугуева
Х. Иванов

Ефремов потер ладонями лицо. Он делал это всегда, если не успевал умываться. Ох, как устал! Ноги отваливаются, руки дрожат, глаза слипаются. Из носа капает вода. Смертельно хочется спать. В воспаленном мозгу плавают что-то рваное, бесформенное, безобразное и бессмысленное. Сердце проваливается в пустоту, сохнет во рту, екает селезенка, свистит под лопаткой, болит горло, свербит в носу, знобит и хочется плакать. К тому же пистолет давит на плевру, звенит в ушах, стреляет в затылок.

Ефремов в который раз вытряхнул из стола документы и вещественные доказательства, попробовал читать, но не смог. «На экспертизу надо отдать», — успел подумать он, снял телефонную трубку и заснул.

...Для комплексного исследования представлено два объекта: А 00352 и А 00353.

1. А 00352. Под. к п. 20.III. 1969 г. Фор. б. 70×108 ¹/₃₂. Об. 2,10 усл. п. л. 2,85 уч.-изд. л. Т. 100 750. И. № 611. Зак. № 304. Ц. 6 к.

2. А 00353. Под. к п. 20.III.1969 г. Фор. б. 70×108 ¹/₃₂. Об. 2,10 усл. п. л. 2,79 уч.-изд. л. Т. 100 750. № 812. Зак. № 305. Ц. 6 к.

Эксперты Кац, Валаамова

3

— Ну? — спросил Шарашкин.

— Ну и ну! — спросил Ефремов.

— Ты хороший человек, — сказал Шарашкин, — но валенок. У меня таких, как ты, тридцать тысяч. И я за всех думать должен. А я старый. Тебе ведь что надо? Взять быка за рога! Вот и бери.

— Закручено очень, — пожаловался Ефремов. — Просто не знаю, с чего начать.

— Загляни в конец и не морочь мне голову, — посоветовал Шарашкин. — Чай пить будешь?

...Читательская конференция работников МУРа по новой повести братьев Вайнеров «На карачках к истине» началась ровно в восемнадцать ноль-ноль. Там и застал Шарашкин Ефремова спящим со счастливым лицом.

Обидно

(Константин ВАНШЕНКИН)

Всю жизнь пишу стихи.
Поэтом стал московским.
Должно быть, неплохи:
Отмечены Твардовским.

Кто пишет на века,
Того не сразу видно.
Точь-в-точь как я пока...
Но все-таки обидно.

Два посвящения

(Лариса ВАСИЛЬЕВА)

...я оставляю это дело,
верней, безделицу — стихи.
Вот только пародист в убытке,
а он с меня не сводит глаз...
Но он утешится, неверный,
с другим, а может быть, с другой.

«Посвящение Александру Иванову»

Увы, сатиры нет без риска,
с годами множатся грехи...
Ужель Васильева Лариса
перестает писать стихи!..

Неужто буду я в убытке
и пробил мой последний час?..
И впрямь ее творений слитки
дороже золота подчас.

Прощай, создание дорогое,
мы были вместе столько лет!
С другим, тем более с другою
вовек я не утешусь. Нет,

я жить могу и дальше смело,
мне не пристала роль скупца:
того, что ты создать успела,
с лихвой мне хватит до конца!

Роман с неэстетичным концом

Ах, тишина — мгновенье передышки!
Он женщину, сгорая от любви,
ухватит за лохматые подмышки,
поднимет к небу, а другой — лови!

*Л*юбимец женщин всех без исключения,
пленивший сердца имел он дивный дар.
Не мог он дня прожить без увлечения,
красавец, бог, поклонник женских чар.

Она была — богиня, совершенство,
в ее очах мерцал волшебный свет,
ее призывный взор сулил блаженство...
Могли они не встретиться? О нет!

Ее заметив, он без передышки
пошел на штурм нездешней красоты,
но увидал лохматые подмышки
и — не сдержал внезапной тошноты...

Феерическая фантазия

(Петр ВЕГИН)

Но во Флоренции
фонари — словно реплика в споре фокусника
и философа.

.....
Флоренция. Фонарь. Фортуна. Фанты.

Жи! Фонтан фраз
на фронтоне филиала Флоренции
как фото франта Фомы во фраке философа,
как фальцет форели,
фетр в футляре флейты,
фунт фольги, филателия фарфора.
Фехтование ферзем,
как филе из филина с фруктами
для фарисея, фараона, феодала
и фанфарона Франца-Иосифа.

Флора. Фауна. Фортуна. Фонари.
Фигли-мигли. Фокус-покус. Формализм.
Фисгармония фатальных Фермопил.
Факты. Фанты. Фрукты. Федор Фоломин.

Фиакр фанаберии фосфоресцирует фиестой
в сфере флюидов фисгармонической феерии
на фуникулере фестиваля фиалок.
Флюс Люцифера, фимиам Бонифация,
фиги Нафанаила —
фарс марафона, нафталин на патефоне,
сифон фаворита из Карфагена...

Фату фата —
фифти-фифти фунт фикции
фантазирующему под Франца Кафку в
феврале
на файф-о-клоке
на пуфе с туфлей Франчески.

Но фот
из сфер фальцетом Фантомас:
— О, Фегин, фы фелик! Я поздрафляю фас!
Но я за фас трефожусь — фдруг
Андрюфа Фознесенский фыркнет:
«Фу-ух!...»

Быть с балкона

По мотивам повести «Вид с балкона»

(Ирина ВЕЛЕМБОВСКАЯ)

Авель Петрович был человек застенчивый.

Жена ему изменила и уехала с другим, после чего Авель Петрович стал мыть руки чуть ли не ежедневно, а ноги — два раза в неделю. Но чувство брезгливости не проходило.

Жил он со своим сыном Геней, который скорее всего был не его сын, и он его не любил, но однажды вскоре после войны купил ему носки и ковбойку.

Женщин у него было мало — две-три в год, не больше. Но контингент отборный, интеллигентный — массовички, малярши, кастелянши, маникюрши. Одеваясь, они пели «Все выше, и выше, и выше...». Он тогда уже работал в министерстве и хорошо получал.

Сын рос и мужал. Однажды Авель Петрович застал его читающим Дос-Пассоса в подлиннике. И у него заколотилось сердце. Ведь он помнил, что до девятого класса Гена читал по складам и мог считать только до двадцати двух...

...Вскоре она пришла к ним домой. Гена смотрел на Лялю влюбленными глазами, хотя она была косая, рябая, мучилась от подагры и припадала на левую ногу. Вскоре они поженились.

У Ляли было трое детей от первых браков, все не похожие друг на друга, но милые и застенчивые. Но развитые — когда они начинали щебетать о своем, Авель Петрович густо краснел и уходил на кухню.

Теща, Зося Викторовна, в прошлом была певичкой, а стала шизофреничкой. Спала она на рояле, не гася света, а при виде Авеля Петровича заползала под диван.

Ляля пошла в мать, такая же беззаботная и веселая.

Дети ее были кто где. Она не работала, среди зимы доставала чайные розы и вручала их собственноручно Муслиму Магомаеву.

Авель Петрович страдал и не знал, что делать. Он вдруг понял, что любит сына и невестку, и даже к Зосе Викторовне его тянуло, как тянет человека, страдающего суицидальным бредом, прыгнуть с балкона вниз головой.

А потом у Ляли родилась тройня. Все трое были похожи друг на друга и не похожи на Гену.

Авель Петрович совсем потерялся от радости. Позвонил мужу своей малярши и попросил, чтобы она сегодня не приходила. Купил три килограмма конфет «Южная ночь» и голубенького «Москвича».

И зарыдал впервые в жизни. Которая, собственно говоря, уже кончилась.

В плену ассоциаций

(Евгений ВИНОКУРОВ)

Я видел раз в простом кафе нарпита,
как человек корпел над холодцом,
трагическую маску Эврипида
напоминая сумрачным лицом.

Я видел, как под ливнем кошка мокла,
хотел поймать ее, но не поймал...
Она напоминала мне Софокла,
но почему его — не понимал.

Я видел, как из зарослей укропа
навстречу мне однажды вылез крот,
разительно напомнивший Эзопа
и древний, как Гомер и Геродот.

А раз видал, как с кружкой Эсмарха
старушка из аптеки шла к метро.
Она напоминала мне Плутарха,
Вольтера, Острового и Дидро.

Я мог бы продолжать. Но почему-то
не захотел... Я шницель уминал,
сообразив — но поздно! — что кому-то
кого-то же и я напоминал!

Завязка с развязкой

Бросил пить человек.
Ну и что ж! Завязал...
Не войдет он вовек
в переполненный зал,
не пригубит пивка,
не махнет стопаря,
не поднимет рука
рюмку,
в дымке паря!..

Неизбывнее мук
не бывает вовек...
Так случается вдруг:
бросит пить человек!
Он уже не войдет
в переполненный зал...
Огорчится народ:
«Вот беда... Завязал!»

Но ведь то не навек...
День пройдет. Два пройдет.
Снова — слаб человек! —
в ресторан он пойдет,
а верней, не войдет,
а вползет в дымный зал...
Улыбнется народ,
говоря: «Развязал!..»

Андрей-70

(Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ)

Беру трагическую тему
и окунаю в тему темя,
дальше начинается невероятное.
Вера? Яд? Ной? Я?
Верую!
Профанирую, блефуя!!!
Фуй...

Чихая нейлоновыми стрекозами,
собаки планируют касторкой на вельвет,
таракашки-букашки кашляют глюкозой.
Бред? Бред.
Пас налево. Семь треф. Шах!
Мыши перламутровые в ушах.
— БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД —

Троллейбус заболел кессонной.
Изоп уполз. Слон — «элефант».
И деградируют кальсоны,
обернутые в целлофан.
БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД —

Хаос. Хвост. Хруст. Пруст. Вуз. Туз.
Загораем. От мертвого осла уши. Кушай!
(Чревоугодник в чреве червя.)
Шпрот в рот. А идиот — наоборот.

БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД —
Джаз-гол! Гол зад! Гол бюст!
Холст. Герлс. Хлюст.
Я опууупеваю...
А опууух...

Вкусно порубать Ге!

Фетиш в шубе:
голкипер фаршированный
фотографируется в Шуе,
хрен хронометрирует на хребте Харона
харакири. Хррр!!
«Ау, — кричу, — задрыга, хватит, финиш!»
Фигу!
(Это только часть задуманного мною
триптиха.)

P.S.

Сам уйду, покуда не умыли,
но, клянусь, что бредил я не зря,
ведь еще никто в подлунном мире
не пускал
такого пузыря!

Не спится, няня...

(Игорь ВОЛГИН)

Нет у меня Арины Родионовны,
И некому
Мне сказки говорить.
И под охрипший ящик радиоловый
Приходится обед себе варить.

Нет у меня Арины Родионовны,
И я от бытовых хлопот устал.
Не спится, няня.
Голос радиоловый
Мне заменил магический кристалл.
Грущу, лишенный близости старушкиной,
От этого
недолго захандрить.
Нет у меня того, что есть у Пушкина,
И нечего об этом говорить.
Нет Кюхли, нет Жуковского, нет Пущина,
Нет Дельвига!
Не те пошли друзья.
В Большой энциклопедии пропущена
Красивая фамилия моя.
Мои рубашки
в прачечной стираются,
Варю обед, сажусь чайку попить.
Никто меня, видать, не собирается
Обнять и, в гроб
сходя, благословить.
Поэтому-то я готовлюсь к худшему,

К тому, что не оценят,
не поймут...
А впрочем,
что ни делается — к лучшему:
Меня, по крайней мере, не убьют!

Летающая бутылка

(Александр ВОЛОДИН)

Как будто мы жители разных планет.
На вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю,
но я на другой проживаю. Привет!

На вашей планете я не проживал.
Конечно, вселенная наша огромна,
я жил на своей, незаметно и скромно —
чуть-чуть выпивал и чего-то жевал.

А друг проживал на планете иной.
Не все ли равно, на какой проживаешь...
Но вдруг донеслось: — Ты меня
уважаешь?
Я понял, что это — контакт внеземной.

Мой друг объявился, он жив и здоров!
Я так далеко от него проживаю...
Мой радостный вопль: — Я тебя
уважаю! —
пропал в бесконечности звездных миров.

И, видимо, чтобы я не загрустил,
у самого дома, где я суетился,
тарелки летающей диск опустился...
Я в космос бутылку в ответ запустил.

Рассказ новобрачного

(Владимир ВЫСОЦКИЙ)

Туляет в юбочке бордо
Кассирша Вера.
И занимается дзюдо
Она, холера.

Ее в магазине у нас
Все опасались.
Но в понедельник с пьяных глаз
Мы расписались.

Во вторник, в среду и в четверг
Я продержался.
Наш дворник Федя Розенберг
Все поражался.

И в пятницу курам на смех
Был трезвый вроде...
А Зинка, стерва, мне при всех:
«Гляди, Володя...»

Все говорили: «Баба — страх!»
Но я уперся.
И вот в субботу на бровях
Домой приперся.

Я трезвым драться не люблю,
Скажите, братцы...

Но ежели я во хмелю,
Куда ж деваться?

Само собой пошел скандал
Промежду нами.
И тут я что-то ей сказал
Об ейной маме...

Ведь как-никак во мне семьсот
И пива сколько...
А я гляжу — ее трясет,
Ну смех, и только.

Тут как-то я ее назвал,
Но не обидно.
А дальше в памяти провал —
Заснул, как видно...

Очнулся в гипсе, как святой,
Хужей медведя.
А был когда-то холостой.
Ты помнишь, Федя?..

ДИАЛОГ У ТЕЛЕВИЗОРА ПЕРЕД ВЫБОРАМИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Подражание Владимиру Высоцкому

— Ой, Вань, гляди-ка, наш-то Борюшка
Сидит, насупился как сыч.
Знать, доконал, на наше горюшко,
Его какой-нибудь Кузьмич.
А депутаты, Вань, ты глянь,
Хоть приоделись, хоть не рвань,
Но так орут, как наша пьянь,
Погибнем, Вань...

— Ты, Зин, давай не трогай Ельцина,
Какой ни есть, он за людей.
Встал бы у власти он, на хмель цена
Была б не как у тех б...й.
А то, что пьем, так это, Зин,
От большевистских образин,
Нас так и тянет в магазин,
Пойду я, Зин...

— Ой, Вань, гляди, на кандидатиков
Уж набралось неупророт.
И Макашова и Бакатина
Да и Рыжкова чтит народ!
Куда теперь их всех девать?
Теперь бы нам не прозевать...
А за кого голосовать,
Едрена мать?..

— Ты, Зин, во мне разбудишь Герцена,
Не раздражай меня, прошу.
Проголосуешь не за Ельцина,
Так я ж тебя и придушу.
Он Президентом станет, Зин,
Забуду я про магазин,
Куплю японский лимузин,
Нет, правда, Зин...

22 мая 1991 г.
Москва.

На полпути к полудраме

(Людмила ГОНЧАРОВА)

Как же вышло, что вдруг
мне хватило любви половинной,
полумуж, полудруг,
полудевочка, полужена.

Мы пуловер надел,
а в глазах у тебя полувера,
я тебя полюбила,
но ты оказался — не то.
Ты мне лишь полумуж,
и твоей головы полусфера
нежно полулежит
на ратиновом полупальто.

В полудреме сидим,
расплывается грусть в полумраке,
и мерцает в глазах
у обоих у нас полусвет...
Не родился бы вдруг
в непонятном таком полубраке
полубог знает что —
полудевочка, полупоэт...

Стоеросовый дубок

(Владимир ГОРДЕЙЧЕВ)

...Днем весенним таким жаворонистым
я на счастье пожалован был.
Колоколило небо высокое...
Раззеленым дубком стоеросовым
возле деда я выстоял год.

Лягушатило пруд захудалистый,
булькотела гармонь у ворот.
По деревне, с утра напивалистый,
дотемна гулеванил народ.

В луже хрюкало свинство щетинисто,
стадо вымисто перло с лугов.
Пастушок загинал матерщинисто,
аж испужно шатало коров.

Я седалил у тына развалисто
и стихи горлопанил им вслед.
На меня близоручил мигалисто
мой родной глухоманистый дед.

— Хорошо! — бормотал он гундосово,
ощербатя беззубистый рот. —
Только очень уж стоеросово,
да иначе и быть не может...

Письмо гражданина
В.П. Кравцова
первому секретарю
Союза писателей СССР

(Григорий ГОРИН)

Уважаемый товарищ секретарь!

Проживает в нашем доме некто Горин Григорий (не хочу упоминать его отчество), личность в высшей степени подозрительная. Он распускает слухи, будто бы он писатель, хотя я лично такого писателя не знаю, так как вообще никогда ничего не читал. Правда, мой сын рассказывал, что Горин выступал у них в школе на вечере смеха (причем тут смех?), но я ему не поверил и Вам верить не советую — он весь в свою мамашу Кравцову Е.Т., так что не дорого возьмет соврать.

Так вот этот Горин 17-го числа ушел из дому в 3 часа дня играть на бильярде и вернулся домой в 18.30. А на следующий день ему пришел почтовый перевод на 11 руб. 27 коп.

21-го числа Горин повел жену в кино, а через пару дней ему перевели 44 руб. 02 коп.

26-го числа Горин вообще никуда не ходил, и, по его собственному признанию, целый день спал. Каково же было мое возмущение, когда 28-го он получил по почте 29 руб. 96 коп.

Эти безобразные факты я мог бы приводить до бесконечности.

Дорогой товарищ секретарь!

Я очень уважаю наших славных писателей, наших замечательных инженеров человеческих душ, но как же можно так безответственно разбазаривать государственные средства?! Со всей ответственностью заявляю, что если так будет продолжаться и дальше, то я — в знак протеста — буду пить не запоями, как обычно, а ежедневно, и буду под его окном петь, как наш замечательный певец и композитор Полад Бюль-Бюль оглы. У меня это здорово получается, особенно когда я выпивши. И пусть тогда мне тоже платят безумные деньги шалей-валяй, бог знает за что, как и Горину Григорию (не хочу упоминать его отчество), который на самом деле никакой не писатель, а врач, злостно уклоняющийся от исполнения своих прямых обязанностей.

Гонорар за это письмо прошу выслать мне до востребования.

Совет Гамлету

(Александр ГОРОДНИЦКИЙ)

Любезный принц, корабль вас ждет
внизу —
Знакомиться спешите с мирозданием.
Оставьте же постылый серый Зунд,
Где все вам горло перегрызть готовы.

Но принц от ожидания устал:
Зло для него — лишь венценосный
Каин.

Я не могу на Гамлета смотреть.
Я плачу, глядя на него, поверьте.
Мне кажется, он хочет умереть,
Он, очевидно, просто ищет смерти!

Не надо, боже мой, сходить с ума!
Кто спорит, ситуация серьезна...
Ну а поскольку Дания — тюрьма,
Так, может быть, пора, пока не поздно...

Корабль вас ждет. Вздывается волна.
Ваш путь далек — транзитом через
Плимут.
Вас ждет обетованная страна.
К тому же там намного лучше климат!

Оставьте же постылый серый Зунд,
Для вас все зло — лишь венценосный
Каин...
Вперед, мой принц! Короче, зай гезунд!
Пусть ветер дует в паруса! Лэ хайм!

Пароходная постель

(Инна ГОФФ)

Все началось с того, что Миша разошелся с Иришей, Гриша бросил Маришу, а Сима ушла от Фимы.

Когда-то все мы учились в одном классе. И жили в одном дворе, где пахло свежевыстиранным бельем, баклажанами и бескорыстной дружбой.

Жизнь прекрасна. Но она в тысячу раз прекраснее, когда приходит любовь.

Одна за другой в нашем дворе бушевали свадьбы. И казалось, что это — навсегда.

А потом была жизнь длинная, как путь от Кинешмы до Антананариве и обратно...

Прошло столько лет!..

И вот сейчас мы все вместе случайно оказались на теплоходе «З. Горыныч».

Но мы уже не друзья.

Больше всех переживаю я. Во-первых, если переживать красиво, получается премиленькая проза! А во-вторых, я так привыкла, что они счастливы! Миша с Иришей, Гриша с Маришей, а Фима с Симой...

Течет река Волга. «З. Горыныч» — классный теплоход. Вода, вода, кругом вода... Где-то там внизу плавают осетрина с лососиной. Под майоне-

зом это вкусно. Медленно проплывают берега. Один правый, другой левый.

Миша с Иришей стоят на корме. Пятнадцати суток они не размыкают объятий. Пугая чаек, целуются на носу Гриша с Маришей. А Фима с Симой не выходят из Фиминого люкса. Сима — генетик, Фима — склеротик, им есть о чем поговорить и что вспомнить.

А я неприкаянно брожу по теплоходу и думаю.

Первая любовь не забывается. Она светла, как стосвечовая лампочка. И я понимаю, почему мои друзья ищут уединения. И не хочу судить их за это. Хотя я знаю, что Миша теперь женат на Симе, Ириша замужем за Гришей, а у Фимы и Мариши недавно родился внук.

Труд без помех

(Анатолий ГРЕБНЕВ)

Наливная, как яблоко осенью,
Грудь была и нежна, и туга.
А на том берегу сенокосили,
До потемок метали стога.

Нам едва ли они помешали бы —
Да и что нам могло помешать.

Вот и кончились увеселения,
Над страной прозвучали гудки.
На работу пошло население,
Мы с тобою — на берег реки.

Торопливо одежду мы сбросили,
Вся была ты, как тот ананас...
А на том берегу сенокосили,
Злые взгляды бросали на нас.

Небеса улыбались нам просинью,
Облака продолжали свой путь...
Колыхалась, как яблоки осенью,
Наливная и спелая грудь...

Вот и кончен наш труд специфический,
Я вздохнул и достал папирос...
Государственный, демографический
Мы решали с тобою вопрос.

Спи, ласточка

(Николай ГРИБАЧЕВ)

Спи, ласточка. День шумный кончен.

Спи!

И ничего, что ты со мной не рядом...
Мир в грохоте событий, в спешке дел,
Глаза воспалены, и плечи в мыле.

Спи, деточка. Спи, лапочка. Усни.
Закрой глаза, как закрывают пренья.
Головку на подушку урони,
А я сажусь писать стихотворенья.

Я не скрываю, что тебя люблю,
Но дряни на земле еще до черта!
Вот почему я никогда не сплю,
И взгляд стальной, и губы сжаты твердо.

Нет, девочки! Нет, мальчики! Шалишь!
Нет, стервецы,
Что яму нам копают!
Я знаю, что они, пока ты спишь,
Черт знает что малюют и кропают!

Ты отдыхай.
А я иду на бой,
Вселенная моим призывам внемлет.
Спи, кошечка. Спи, птичка. Я с тобой.
Запомни, дорогая: друг не дремлет!

Неспетый роман-с

(Лидия ГРИГОРЬЕВА)

Я полая внутри, как контрабас,
могу гудеть чуть нервно, но солидно,
и сверху не заметно и не видно,
что я молю о снисхожденье вас.

Он был блестящ. По имени — Кларнет.
И в голосе его звучала тайна.
Однажды я ему как бы случайно
через друзей передала привет.

«Ну, здравствуйте, — сказал он, —
Контрабас!
Вы полая внутри, и это видно...
Но полым в наше время быть не стыдно
и между нами мог бы быть роман-с!»

Кларнет в делах любовных ведал толк.
Но только я застенчиво зарделась,
во мне внезапно что-то разгуделось,
и мой Кларнет на полуноте смолк...

С Кларнетом, очевидно, не судьба,
она, как шанс, не выпадет повторно...
Мое, к несчастью, дело — не валторна,
не саксофон, не флейта, а труба!..

Миниатюры

(Игорь ГРУДЕВ)

*М*ебя не будут упрекать,
Поймут — произошло несчастье.
Но только перестань икать
И убедишься: это — счастье.

Реплика пародиста

(Сергей ДАВЫДОВ)

Очень остроумного и злого
жаль мне пародиста записного,
лучшего эстрадника Москвы.

...есть в нем что-то грустное
и даже
что-то есть еще от тети Даши,
не заведшей
собственных детей.

Пародист немало озадачен,
что-то вдруг случилось,
не иначе:
вдруг да пожалел его поэт!..
Он сравнил беднягу с тетей Дашей,
видно, осознал,
что в жизни нашей
горше доли пародиста — нет.

Пародист усталости не знает,
пишут все!

А он один читает
горы графоманской чепухи.
Легче быть, наверно, землекопом,
сутками сидеть над микроскопом,
нежели всю жизнь
читать стихи...

Пародист, конечно, пишет мало.
Что и говорить,
душа устала,
и бумагу портить ни к чему...

Да, не вышло из него поэта!
И, конечно, за одно за это
можно ставить
памятник ему!

Родословная

(Владимир ДВОРЯНСКОВ)

Чтоб не было каких-то кривотолков:
Мол, прадед твой, наверно, из дворян,
Я древо родовое за проселком
Нашел вчера среди лесных полян.

Суровая штукавина — анкета.
В моей, к примеру, найден был изъян:
Фамилия Дворянсков — что же это,
Никак из недорезанных дворян?

Лишился от обиды я покоя,
Хотелось крикнуть: да избави бог!
Кому могло взбрести на ум такое?!
Но доказательств привести не мог.

Своею родословной с интересом
Занялся я. И вот однажды шел,
Насвистывая Пахмутову, лесом
И древо родовое вдруг нашел.

Его узнал я. Размахнулись ветки,
Я прислонился к дереву плечом...
На нем мои недавно жили предки.
Дворяне здесь, конечно, ни при чем.

Слово

(Андрей ДЕМЕНТЬЕВ)

Спускалась женщина к реке,
красива и рыжеголова,
Я для нее одно лишь слово
писал на выжженном песке.

Я помню девочку одну,
мы с ней учились вместе в школе.
Я ей писал, чего же боле?..
Готов признать свою вину.

Я слов на ветер не бросал,
не огорчался при отпоре.
Я ей застенчиво писал
одно лишь слово на заборе.

С тех пор прошло немало лет,
жаль, повторить то слово,
право,
сегодня не имею права
как гражданин, отец, поэт...

Чем усмехался Маркс?

(Николай ДЕНИСОВ)

И заря умерла...
Только Маркса усмешка густая —
Над планетой, над Русью,
как банный, как фиговый лист.

Так сложилась судьба,
не пришлось мне учиться в Европе,
Но, однако, я знаю (в наличии живость ума):
Банный лист прилипает
обычно к... да, именно к этой
Части тела, которую
я уважаю весьма.
Ну а фиговый лист...
Здесь не может быть даже двух мнений,
Колебания — прочь!
Здесь я в смысле сомнения чист.
Знает каждый дурак и поэт, и финансовый
гений,
Что за орган скрывает
на статуях фиговый лист.

И придя к этой истине,
тотчас, я вас уверяю,
Заклубились вопросы — как, что, почему и
зачем...
И бессонницей маясь,
я времени зря не теряю,
Все решаю проблему:
Карл Маркс усмехался, но — чем?!

Божья благодать

(Николай ДМИТРИЕВ)

Я — добрый бог. Без чванства божьего
И всем понятен до конца.
И ты люби меня, хорошая,
Как человека и творца.

Спасибо доброму издателю,
Я доказать хорошей смог,
Что я — родимый брат создателю,
А это значит, тоже бог!

Она сначала мне не верила,
Смеялась, голову склоня,
Пока однажды не проверила
И нынче верует в меня.

Ведь вот когда без чванства божьего
Стихи я миру подарил,
Воскликнула моя хорошая:
«О боже, что ты натворил?!...»

К вопросу о гениях

(Вероника ДОЛИНА)

В Лутовинове — Тургенев.
И в Карабихе — поэт.
Я не гений. Нету гениев!
Прежде были — нынче нет.

Чехов в Мелихово едет.
Граф гуляет по стерне.
Только мне ничто не светит.
Скоро я остервене...

Я возьму свою гитару
Да спую на целый свет.
Прогуляться бы на пару,
Жаль, что нынче пары нет!

Все фигуры из картона,
Все банальные слова...
Нет Ивана, нет Антона,
Нету Федя, нету Льва.

Все Андреи да Евгеньи,
Все Булаты среди нас...
Нету гениев! Где вы, гении?
Одиноко мне без вас!

Поспевает земляника,
Дамы ходят по земле.
Говорят, что Вероника
Совершенно обнагле...

Но известно, что без гениев
Гаснет наша красота...

Ведь Андреев, и Евгеньев,
И Булатов не хвата...

И хотя я иронична —
Понимают это все —
Ситуация трагична:
По мадамам — и месье...

О пользе скандалов

(Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ)

Что делать со стихами о любви,
Закончившейся пошленьким скандалом?
Не перечитывая, разорви,
Отдай на растерзание шакалам.

И ни разу малодушно не винил
Я жизнь свою за горькие уроки...
Я был влюблен и как-то сочинил
Избраннице лирические строки.

Скользнула по лицу любимой тень,
И вспыхнул взгляд, такой обычно
кроткий.
Последнее, что видел я в тот день,
Был черный диск чугунной сковородки.

Скандал? Увы! Но я привык страдать,
Поэтам ли робеть перед скандалом!
А как же со стихами быть? Отдать
На растерзанье критикам-шакалам?

Насмешек не боюсь, я не такой;
Быть может, притвориться альтруистом,
Свои стихи своею же рукой
Взять и швырнуть гиенам-пародистам?

Но я мудрей и дальновидней был,
Я сохранил их! И в тайник не спрятал.
Не разорвал, не сжег, не утопил,
Не обольщайтесь — я их напечатал!

Он может, но...

(Николай ДОРИЗО)

Нет, жив Дантес,
Он жив опасно,
Жив
вплоть до нынешнего дня.
Ежеминутно,
ежечасно
Он может выстрелить в меня.

Санкт-Петербург взволнован очень.
Разгул царизма.
Мрак и тлен.
Печален, хмур и озабочен
Барон Луи де Геккерен.
Он молвит сыну осторожно:
— Зачем нам Пушкин?
Видит Бог,
Стреляться с кем угодно можно,
Ты в Доризо стрельни,
сыннок! —
С улыбкой грустной бесконечно
Дантес
взирает на него.
— Могу и в Доризо,
конечно,
Какая разница,
в кого... —
Но вдруг
лицо его скривилось
И прошептал он
как во сне:

— Но кто тогда,
скажи на милость,
Хоть словом
вспомнит обо мне?!

Писание и дыхание

Не писал стихов
И не пишу,
Ими я,
как воздухом,
Дышу.

Не писал стихов
И не пиши!
Лучше погуляй
И подыши.
За перо
поспешно
Не берись,
От стола
подальше
Уберись.
Не спеши,
не торопись,
Уймись,
Чем-нибудь,
в конце концов,
Займись.
Выброси к чертям
Карандаши.
Полежи,
в затылке почеси.
Суп свари,
порежь на кухне лук.
Выпей чаю,
почини утюг.
Новый телевизор
разбери —

Посмотри,
что у него
Внутри.
Плюнь в окно
И в урну попади!
В оперетту вечером
Пойди.
Вымой пол.
Прими холодный душ,
Почитай
на сон грядущий
Чушь...
Что-нибудь,
короче,
Соверши!
Не писал стихов
И не пиши!

Лодка-молодка

(Юлия ДРУНИНА)

По улице Горького, — что за походка!
Девчонка плывет, как под парусом лодка.

По улице Горького — вижу я, — ах ты! —
Девчонки плывут, как под парусом яхты.

Одна-то, одна... Не сойти бы с ума,
Вот это форштевень! Вот это корма!

Такой не опасны ни буря, ни штиль.
Какой у нее, представляете, киль?!

Плывут... Я себя вспоминаю девчонкой.
В их годы была я простой плоскодонкой.

Неструганной, грубой, но крепко смоленной,
Не очень красивой, насквозь просоленной.

В ту пору, однако, любили и нас.
Был, помню, один симпатичный баркас.

Он был неуклюжий, похожий на гроб.
Мы долго дружили. Потом он утоп.

Ухаживать начал за мной мотобот.
Ему я дала от ворот поворот...

Веселые годы, счастливые дни,
Как вешние воды промчались они.

Александр Иванов. Начало 1960-х годов

Члены клуба «12 стульев» на одесском пляже. Виктор Веселовский со товарищи: Эдуард Медведкин, Александр Иванов, Аркадий Арканов, Александр Курляндский — и лучшая половина Владимира Владина

Виктор Коклюшкин, Александр Иванов и Аркадий Арканов в редакции «Литературной газеты»

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ОКТЯБРЬСКИЙ * 3,4 апреля *

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

КЛУБ

12

СТУЛЬЕВ
НА БЕРЕГАХ
НЕВЫ

проект - День смеха в 1 апреля - День смеха в 1 апреля - День смеха в 1 апреля - День смеха в 1 апреля

ВЕЧЕР
ЮНИ

3,4
1 апреля
день сме
ха

Выступают, как правило, артисты **ЗОЛОТОЙ ЦЕЛЁНОК**

ГОРИН **ТОКАРЕВА** **ВЛАДИН**

писатели **Аркадий АРКАНОВ** **Владлен БАХНОВ**

композитор **Никита БОГОСЛОВСКИЙ**

администраторы клуба **Виктор БЕСЕЛОВСКИЙ** **Натя СУСЛОВ** **Виталий РЕЗНИКОВ**

а также

известный писатель **людовед**

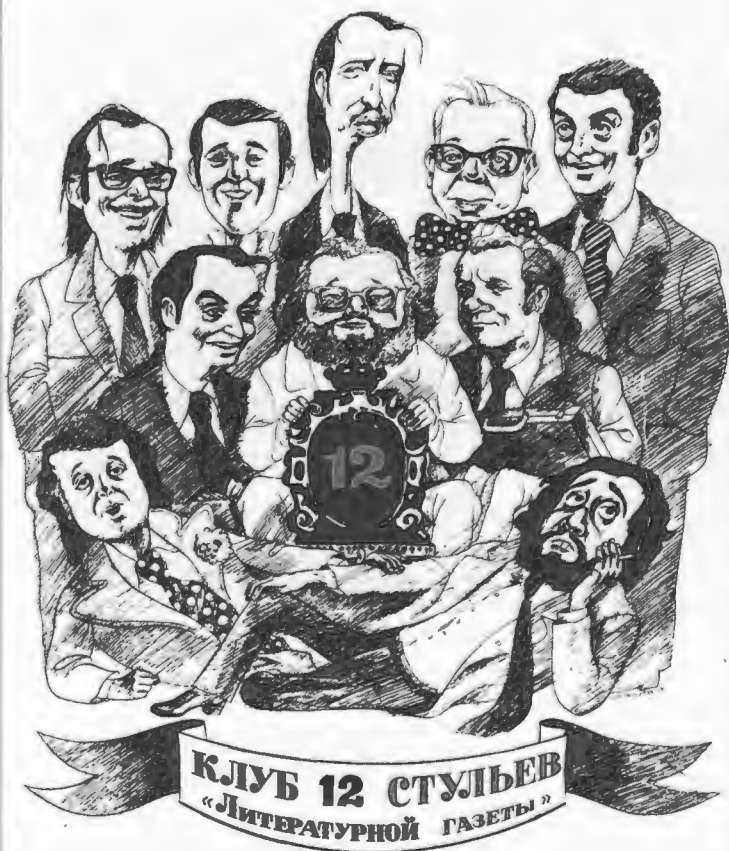
Евг. САЗОНОВ!

ВХОД ПЛАТНЫЙ

ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА

Коллективный шарж (с обложки пластинки).

В верхнем ряду: Марк Розовский, Аркадий Хайт, Александр Иванов, Никита Богословский, Григорий Горин.

В центре: Владилен Бахнов, Виктор Веселовский, Виталий Резников.

Внизу: Лион Измайлов, Владимир Владим.

Леонид Утесов учит Александра Иванова писать пародии

Кажется, научил...

Жена и муза Александра Иванова —
актриса Ольга Заботкина

Григорий Горин и Александр Иванов учат Александра Филипенко актерскому мастерству

Давно это было. А нынче — беда.
Во все мои щели струится вода...

Эх, славное время волнений и вахт!
Такие, как я, драгоценнее яхт.

Вопрос без ответа

(Евгений ЕВТУШЕНКО)

Лучше сгнить в яме смерти,
зато непритворной,
чем прожить в позолоченной яме
придворной.

Все несчастья поэта —
лишь к счастью поэта.
Если в яму столкнут,
не вершина ли это?

Тод за годом меня
подозрение гложет:
у поэта судьба
быть счастливой не может...
Понял я,
в комфортабельной сидя машине:
если в яме гниешь —
значит, ты на вершине!
Почему ж я не гол,
не гоним, не увечен,
почему так трагически всем обеспечен?
Почему я не в яме,
не в смрадной темнице,
почему же я снова
в английской столице?
Почему я, как зверь,
не в железном вольере,
почему ж я опять
на французской Ривьере?
Нет чтоб с шапкою рваной
стоять побираться,

мне приходится вновь
на Кавказ собираться.
Ведь и дача моя,
под Сухуми бунгало,
на застенок сырой
не похожа нимало...
Значит, что-то не так,
в чем-то я заблуждаюсь,
если жизнью доволен,
собой наслаждаюсь...
Где ж та яма, в которой
мне гнить полагалось,
разве что-то чего-то
во мне испугалось?..
Горблю спину я
над золоченым корытом.
Почему?!
Но вопрос
остается открытым.

Вступление в поэму

(Александр ЕРЕМЕНКО)

Я мастер по ремонту крокодилов.
Окончил соответствующий вуз.
Хочу пойти в МГИМО, но я боюсь,
Что в эту фирму не берут дебилов.

Я покупал пломбир и эскимо,
кормил ночами нильских крокодилов.
Поэтому решил пойти в МГИМО,
но в эту фирму не берут дебилов.

Совсем я было растерялся тут,
подумать только — экая досада...
Пошел в Литературный институт.
И оказалось, это то, что надо!

С тоб вы так жили

(Михаил ЖВАНЕЦКИЙ)

Слушайте, вам не говорили, что вы очень красивы? Странно... В дни моей молодости был такой знаменитый артист в кино — Арон Наварро. В паспорте американец. Э, они там все американцы... Похож на вас. Вылитый вы. Как две капли.

Мне почему-то кажется, что вы грустный. Так нельзя, вы же в Одессе. По моему мнению, вы холостой. Неужели нет? Не молчите, я знаю. Правильно, что приехали в Одессу и встретили меня. Куда же еще ехать и на кому опереться?.. У меня для вас кое-что есть. Только для вас!

Я думаю, она вам подойдет. Она всем подойдет, но сначала мы должны туда подойти. Не женщина — чудо! Папа — профессор, мама — профессор. Профессор или провизор? Провизор. Бездна обаяния, хозяйка, королева Привоза... Немного хромает. А вам нужна жена или Пеле? У нее одышка. Но кто сейчас легко дышит? Засорение среды... Среда! А четверг, а пятница? А, наконец, суббота и воскресенье? А чистюля! Когда она обчистила своего первого из Ростова, с него смеялась вся Одесса... Впрочем, это не важно.

Нет женщин без недостатков. А вы без недостатков? Есть два «но». Младшему — двенадцать. Не волнуйтесь, вы его и не увидите. Мальчик пре-

лесть, лежит парализован, отец алкоголик, нет, вы мне скажите, когда мы избавимся от этого несчастья?

Старшему, смешно сказать, скоро семнадцать. Пойдите, куда же вы? Две судимости, на носу третья, вы с ним не встретитесь лет пятнадцать!

Не надо говорить сразу «нет». Что вы делаете? Я же старше вас лет на сорок. Нет, вы соображаете?! Это же знаменитая одесская лестница. Если мне будет надо, я сам спущусь... Вы же не Эйзенштейн. Где вас воспитывали? Тихо, тихо, дедушка не может быстро...

Куда ни кинь

(Тамара ЖИРМУНСКАЯ)

Ты пахнешь, как охотники в лесу
наутро после дымного ночлега.
Мне кажется, я скоро понесу
не от тебя —
от пороха и снега.

Жуляла я в заснеженном лесу,
где все вокруг — безмолвие и нега.
И поняла, что скоро понесу
не от тебя —
от холода и снега.

Идя весной, любуясь на красу
природы юной, слыша птичьи трели,
почувствовала: скоро понесу
не от тебя —
от ветра и апреля.

Бродила летом, видела росу,
в грозу попала далеко от дома.
И показалось: скоро понесу
не от тебя —
от ужаса и грома.

А осенью, когда свербит в носу
и в небе птиц печальных караваны,
мне стало ясно: скоро понесу
не от тебя —
от мрака и тумана.

Вот так всегда... Ну, право, отчего
куда ни кинь — интимные моменты?..
Одно лишь непонятно: на кого
я буду подавать
на алименты?

Для того ли?

(Василий ЖУРАВЛЕВ)

Для того ль
Мичурину
усталость
не давала роздыха в пути,
чтобы ныне
вдруг такое случилось:
яблока в Тамбове не найти?!

Нету яблок!
Братцы, вот несчастье!
Мочи нету взять такое в толк.
Где-то слышал я,
что в одночасье
яблоки пожрал тамбовский волк.

Для того ль
ловили наши уши
песню молодых горячих душ
«Расцветали яблоки и груши»,
если нет
ни яблок
и ни груш?!

Для того ль
Мичурин,
сын России,
скрещивал плоды в родном краю,
чтобы
из Марокко апельсины
оскорбляли
внутренность мою?!

Нету яблоч!
Я вконец запутан,
разобраться не могу никак.
Ведь за что-то
греб зарплату
Ньютон,
он же, извиняюсь, Исаак!

И от всей души землепроходца
восклицаю:
«Надо ж понимать,
что-то нынче
яблочка мне хотца —
очередь
не хотца
занимать!»

ГИМН КОРОВЕ

Мне бы
в дебри судеб деревенских,
чтоб искать,
ночь возя на возах,
сокровенное
если не в женских,
то хотя бы в коровьих глазах.

Я не то
чтобы с бычьим здоровьем,
но и, как говорится, не слаб.
Потянулся я
к чарам коровьим,
хоть корова — а тоже из баб!

Мне с коровою очень бы надо
для начала
хотя бы дружить.
Чтобы жить интересами стада,
по-простому,
по-честному жить.

От сомнений избавиться мрачных,
чтоб увидеть себя наяву
среди парнокопытных и жвачных
самым первым поэтом
в хлеву.

Мне бы с ней,
если быть откровенным,
постоять бы хоть рядом, молчком.
Поделиться бы с ней сокровенным,
получить от нее —
молочком.

Возле куч прогуляться навозных,
научиться родную доить...
И намерений —
очень серьезных! —
от любезной своей не таить.

Чтобы те,
кто от благ не вкусили,
говорили, косясь на сарай:
ну устроился этот Василий,
ах, корова его забодай!

Майна жизни

(Василий ЗАХАРЧЕНКО)

Я часто замираю перед тайной,
Ей имя — жизнь.
В разрядах молний, в грохоте грозовом,
В рассоле огнедышащей планеты
Родился крохотный комочек жизни —
Икринка, сгусток...

Я часто замираю перед тайной,
Я бы назвал ее — преображение.
Загадочнее тайны нет нигде.

... Немыслимо бывает пробужденье:
Глаза разлепишь — что за
наважденье? —
Лежать лежишь, но неизвестно где...
А в голове — все бури мироздания,
Да что там бури — просто катаклизмы,
Как написал бы Лавренев — разлом!
Глаза на лбу, в них молнии сверкают,
Язык шершавый, в членах колотун,
Ни встать, ни сесть,
Во рту бог знает что,
Не то Ваала пасть, не то клоака,
Выпрыгивает сердце из груди,
И что вчера случилось — помнишь
смутно...
И тут, я вам скажу, одно спасенье,
Верней сказать, единственное средство.
Берешь его дрожащими руками

В каком-нибудь вместительном сосуде,
Подносишь к огнедышащему рту!..

Струится он, прохладный, мутноватый,
Грозиво жгучий, острый, животворный!..
Захлебываясь, ты его отведал,
И к жизни возвратился, и расцвел!
Есть в жизни тайна!
Имя ей — рассол.

Болезнь века

(Анатолий ЗАЯЦ)

В серьезный век наш,
Горла не жалея,
Махнув рукой на возраст и на пол,
Болеет половина населянья
Болезнью с кратким именем футбол.

В серьезный век наш,
Сложный, умный, тяжкий,
Весь наш народ — куда ни погляди —
Болеет нескончаемой мультяшкой
С названием дурным «Ну, погоди!..».

Я возмущен.
Готов орать и драться,
Я оскорбления не прощу вовек.
Какой-то Волк, мерзавец, травит Заяца,
А может, Заяц тоже человек?!

Ну, погодите!
Мы отыщем средство,
И крепко злопыхателям влетит.
И вам, апологеты зайцеедства,
Поэзия
Разбоя не простит!

«Ну, погоди!..» — учебник хулиганов,
Считаю я и все мои друзья,
Имейте совесть, гражданин Папанов,
Ведь вы же Анатолий,
Как и я!!

Приморский дракон

(Фазиль ИСКАНДЕР)

Рефлексирующий доцент Аггей Псабашкаров поймал барабульку.

Потом он поймал себя на мысли, что думает не о барабульках, а о женщинах.

Женщины занимали в жизни Аггея Псабашкарова огромное место. Он и на исторический пошел потому, что запутался в историях с женщинами. Он не понимал, что с ним происходит, а когда понял, то перестал понимать все остальное.

Он стал думать о своей жене, которая его не понимала, а если понимала, то ночью, да и то редко. У нее были восхитительные ноги, точеный носик, коралловый ротик, перламутровые зубки, грудь напоминала два нежных персика, кожа пахла айвовым вареньем, глаза цвета спелого инжира излучали волнующий матовый блеск, а бедра были такие, что сравнить их в окрестностях Хусума было не с чем...

Первая встреча с женщиной произошла у Аггея Псабашкарова, еще когда он учился. Завалив ботанику, он шел по родному Хусуму и вдруг увидел ее. Она была старше, у нее были восхитительные ноги... (см. выше), она спросила, как пройти к морю. Он не ответил, бросился на нее и поцеловал, она ответила на поцелуй, он увел ее к морю, и

уже после всего, уходя и прощаясь, она дала ему рубль.

Вторую он увидел уже в Москве в Сокольниках. Она побежала, он побежал за ней, они пробежали мимо трех вокзалов, пересекли Садовое кольцо, потом мимо памятника Минину и Пожарскому добежали до площади Ногина и побежали дальше. В районе Химок он потерял ее, тосковал восемь минут, после чего увлекся следующей.

Он вспомнил свою третью девушку. У нее были восхитительные ноги... (см. выше), он погнался за ней недалеко от общежития университета и догнал. И уже когда все случилось, она лукаво улыбнулась ему и, убегая, крикнула:

— Я тебе завтра историю сдаю! Пока!

Аггей был потрясен ее цинизмом.

Почему мне попадают такие, думал он, в сотый раз находя в толпе восхитительные ноги... (см. выше), почему моя душа и тело, созданные для целомудрия и покоя, вечно бродят в поисках этих лживых, порочных, алчных, глупых, но таких соблазнительных созданий...

Он понимал, что никогда не поймет причину своего непонимания, и понимание этого делало его непонимание понятным.

...Поставив последнюю точку в своей исповеди, Аггей скушал барабульку и отправился в редакцию журнала. Его встретила редактор, совсем еще молодая женщина, хорошенькая, кокетливая, очаровательная...

У нее были восхитительные ноги!..

Космическая неудача

Александр ИСПОЛЬНОВ

И некуда себя девать,
И одного хотелось мне бы —
Лежать на крыше и плевать
В астрономическое небо.

Поэт — венец природы, бог.
Не оскандалиться и мне бы.
Лежу на крыше, шлю плевков
В астрономическое небо.

Где звезд сверкает череда,
Летит плевков мой, как ракета...
Родится новая звезда
По имени «Плевков поэта».

Взлет был рассчитан, точен, крут.
Казалось, будет все в порядке,
Но через несколько минут
В плевке возникли неполадки.

Небесных не достигнув тел,
Сойдя с орбиты, очевидно,
Плевков обратно прилетел,
На место старта, что обидно...

Утерся... Размышлений нить
Трагично рвется... Ум мой скован.
А главное, кого винить
За то, что я лежу оплеван?!.

Разговор

(Римма КАЗАКОВА)

Бесконечными веками —
есть на то причина —
разговаривал руками
любящий мужчина.

Новстречался мне нежданно
и лишил покоя.
И что я ему желанна,
показал рукою.

Молча я взглянула страстно,
слова не сказала
и рукой, что я согласна,
тут же показала.

Образец любовной страсти
нами был показан.
Разговор влюбленным, к счастью,
противопоказан.

А потом горела лампа,
молча мы курили,
молча думали: «И ладно,
и поговорили...»

Так вот счастье и куется
издавна, веками...
Всем же только остается
развести руками.

Все путем!

(Геннадий КАСМИНИН)

Льды на реке ломает март.
Апрель как вор в законе,
И льдины стаяй битых карт
Разбросаны в затоне.

В свои права вошла весна,
Вокруг светлей и чище.
И стаи воробьев, шпана,
Спешат на толковище.

Грачи, как крестные отцы,
Глаза свои таращат,
Везде домушники-скворцы
Уже чего-то тащат.

Барыга-мерин погорел —
Мужик его треножит.
А голубь, фраер, ожирел,
Взлететь и то не может.

Лохматый пес сидит как вор
И пайку ест из плошки.
Крадется кот, как сутенер,
На тротуарах — кошки...

Ворона, словно человек,
Разинула едало.
Сорока, падла, будто век
Свободы не видала.

Всех обогрел весенний свет,
Длинные, как сроки, тени...
И вот уже сидит поэт.
И ботает по фене.

Игра забвения, или Последний бог Ланжерона

(Валентин КАТАЕВ)

ПОРОХ

...мне было тогда примерно шесть лет девять месяцев и восемнадцать дней. Утром девятнадцатого дня я узнал, что порох изобрели китайцы. И еще я узнал, что порох взрывается.

Забыл имя, отчество и фамилию того велико-возрастного гимназиста, который сообщил мне, что порох делается из манной каши, селитры, медного купороса и касторки. За эти сведения он взял с меня полтинник.

Анархисты.

Содрогаясь от ужаса, медный купорос я украл у папы, касторку — у младшего брата Женечки, манной кашей меня ежедневно кормила тетя, а селитру подарили анархисты, которых в ту пору у нас в Одессе было великое множество.

Старушка.

Кажется, ее фамилия была фон Студебеккер-Буонапарте. Впрочем, если даже ее звали как-то иначе, то теперь это не имеет уже никакого значения.

Она жила около нас в маленьком флигеле. Взрывать этот флигель было мечтой моего детства. Теперь я понимаю, как это бесчеловечно... Добрая

старушка часто угощала меня халвой «Иоганн Себастиан Бах», утирала мне нос ветхим батистовым платочком и пела колыбельную песню «Ужасно шумно в доме Шнеерсона».

...и вот бомба готова...

Сделанная из старого микроскопа, клистирной трубки с электрическим взрывателем, набитая первосортным порохом, она была великолепна! Я закопал ее в снег, направив дулом в окно старушки фон Студебеккер-Буонапарте.

Я вам не скажу за всю Одессу, но я ночью спал плохо. Мне снились бегущий за мной дюк Ришелье и смертная казнь через повешение.

Разочарование.

...до сих пор не могу понять, почему она не взорвалась. Догадываюсь, что всему виной манная каша. Ее, очевидно, склевали воробьи, привлеченные запахом касторки. А микроскоп с электрическим взрывателем выбросил на свалку дворник Макдональд, двадцать девятый поклонник моей незабвенной тетушки.

Мужчина на проверке

(Игорь КОБЗЕВ)

Ну так чем же мужчину проверить:
Юбкой? Брюками? Краской ТЭЖЭ?
Или тем лишь, что ходите в двери,
Где написано «М», а не «Ж»!...

Ах, если б я любил людей помень-
ше.
Мне не было б так в жизни тяжело.

Все мои беды — из-за альтруизма,
Из-за наивной веры в красоту.
Я подорвал две трети организма,
Воюя против зла за доброту.

Девчонка без любви поцеловалась
И глазками кокетливо косит.
Я видел это! Сердце оборвалось
И с той поры на ниточке висит.

Не оборвите ниточку, злодеи!
Я хоть и рыцарь, но не юн уже...
Не опошляйте голубой идеи
О чистой дружбе между «М» и «Ж»!

Люблю людей. Люблю мужчин и
женщин,
Детей и стариков, и даже тещ.
Ах, если б я любил людей поменьше,
Я не был бы так бледен, зол и тощ...

Я в брюки не засовываю руки,
Рукам я с детства воли не даю.

**Я на мужчинах уважаю брюки,
На девушках лишь юбки признаю.**

**Я телом и душою чист, поверьте,
Держусь лишь на моральном багаже.
Я буду в «М» ходить до самой смерти,
Хотя меня и посылают в «Ж» ...**

Стрась охоты

(Яков КОЗЛОВСКИЙ)

Стрась охоты, подобная игу,
И людей покорила и псов...
Занеси меня в Красную книгу,
Словно редкого зверя лесов.

Вижу ряд угрожающих знаков,
В мире зло громоздится на зло.
И все меньше становится яков,
Уменьшается племя козлов...

Добротой в наше время не греют,
Жизнь торопят — скорее, скорей!..
Жаль, что люди все больше звереют,
Обезлюдело племя зверей.

Век жестокий, отнюдь не толстовский.
Скоро вовсе наступит конец.
Лишь останется Яков Козловский,
Красной книги последний жилец.

Соленый кот

(Виктор КОНЕЦКИЙ)

Все началось в море. Мы тоже вышли из моря, но забыли об этом.

Я сидел на клотике и думал о Фидии. Мидии плавали где-то внизу и не обращали на меня внимания.

Я думал о том, что обязательно буду писателем. Было ясно, что настоящим писателем, как Виктор Гюго или Юлиан Семенов, мне никогда не стать, но желание было огромным.

В жизни все относительно. Прав был старик Эйнштейн. Я с ним совершенно согласен. Эйнштейн — это голова. Наш старпом дядя Вася — тоже голова. Сидя в гальюне, он читает Метерлинка в подлиннике.

И тут я вспомнил о Крузенштерне. Он был адмиралом и проплыл вокруг света. Он не писал путевых заметок, поэтому у его команды никогда не вяли уши.

Корабельный кот смотрел на меня из трюма зеленым глазом. Мы не любили друг друга. Он был соленым, как моя проза. К тому же он презирал психоанализ и вечно путал экзистенциализм с акселерацией. За время плавания он облысел, чем вызывал во мне глухое раздражение.

Я сплюнул вниз, застегнул бушлат и стал думать о вечности.

Что-то стало холодать.

Призыв

(Григорий КОРИН)

Ты кроши,
кроши,
кроши
Хлебушек на снег,
Потому что воробей
Ест, как человек.

ты пиши,
пиши,
пиши,
Сочиняй весь век,
Потому что пародист
Тоже человек.

Он не хочет затянуть
Туже поясок,
Для него
твои стихи —
Хлебушка кусок.

Ты пиши
и мой призыв
Не сочти за лесть,
Потому что пародист
Тоже
хочет
есть!

Душевный разговор

(Владимир КОСТРОВ)

Ах, все-таки душевные ребята,
едрена мать, в России слесаря!

Я не люблю поэзии эстрадной,
отравы для неискушенных масс,
крикливой, стадионной,
стыдно-стадной,
едрена корень, это не для нас!

Не надо мне поэзии витийской,
не публику ценю я, а народ!
С каких же пор
в поэзии российской,
едрена лапоть, все наоборот?!

Губами, пересохшими от жажды,
собравшись с духом,
стойк и упрям,
забуду ль, как стихи читал однажды,
едрена вошь, российским слесарям!

Они плевали смачно и курили,
чумазые, но к слову не глухи,
как слушали они,
как говорили:
едрена мать, отличные стихи!

Свое и мое

(Диомид КОСТИУРИН)

И вот я иду дорогой,
Не чьей-нибудь, а своею,
К друзьям захожу под вечер.
Не к чьим-нибудь, а своим.

Я меряю путь шагами,
Не чьими-то, а моими,
Ношу я с рожденья имя,
Не чье-нибудь, а свое.
На мир я смотрю глазами,
Не чьими-то, а своими,
И все, как поется в песне,
Не чье-нибудь, а мое.

Вожу я знакомство с музой,
Не с чьей-нибудь, а моею,
Бывает, стихи слагаю,
Не чьи-нибудь, а свои.
Иду в ресторан с женою,
Не с чьей-нибудь, а своею,
Друзья меня ждут под вечер,
Не чьи-нибудь, а мои.

Я потчую их стихами,
Не чьими-то, а своими,
Я им открываю душу,
Не чью-нибудь, а свою.
Стихами по горло сыты,
Не чьими-то, а моими,
Они вспоминают маму,
Не чью-нибудь, а мою...

После сладкого сна

(Анисим КРОНГАУЗ)

Непрерывно,
С детства,
Изначально
Душу непутевую мою
Я с утра кладу на наковальню.
Молотом ожесточенно бью.

Многие
(Писать о том противно;
Знаю я немало слабых душ!)
День свой начинают примитивно —
Чистят зубы,
Принимают душ.

Я же, встав с постели,
Изначально
Сам с собою начинаю бой.
Голову кладу на наковальню,
Молот поднимаю над собой.

Опускаю...
Так проходят годы.
Результаты, в общем, неплохи:
Промахнусь — берусь за переводы,
Попаду —
Сажусь писать стихи...

Кое-что о потолке

Выпью вечером чаю,
в потолок посвищу.
Ни о ком не скучаю,
ни о чем не грущу.

Я живу не скучаю,
сяду в свой уголок,
выпью вечером чаю
и плюю в потолок.

От волнений не ежусь,
мне они нипочем.
Ни о чем не тревожусь
и пишу ни о чем...

Выражаю отменно
самобытность свою.
Посижу вдохновенно
и опять поплюю.

Наблюдать интересно,
как ложатся плевки...
Да и мыслям не тесно,
да и строчки легки.

Чтим занятия те мы,
что пришились по нутру.
Есть и выгода: темы
с потолка я беру.

И плевать продолжаю
смачно,
наискосок.
Потолок уважаю!
К счастью, мой — невысок.

Змеи в черепах

(Юрий КУЗНЕЦОВ)

Я пил из черепа отца
За правду на земле...

— Скучное время, — поморщился Гёте
и встал,
Взял хворостину и ею меня отстегал.

Один, как нелюдь меж людьми,
По призрачным стопам,
Гремя истлевшими костями,
Я шел по черепах.

Сжимая том Эдгара По,
Как черный смерч во мгле,
Как пыли столб, я мчался по
Обугленной земле.

Еще живой, я мертвым был,
Скелет во тьме белел...
Из чашечек коленных пил,
Из таза предков ел.

Блестя осками зубов,
Зловещи и легки,
Бесшумно змеи из гробов
Ползли на маяки.

Я сам от ужаса дрожал
(Сам Гёте мне грозит!)
И всех, естественно, пужал
Загробный реквизит.

Я шел, магистр ночных искусств,
Бледней, чем сыр рокфор...
Прочтя меня, упал без чувств...
Знакомый бутафор...

Экологический этюд

(Евгений КУЛЬКИН)

Пахнуло чем-то непонятным
На вкус, на запах и на цвет.
Пахнуло чем-то необъятным:
И вышел на берег поэт.

В природе было первозданно,
В дубраве соловей дерзал.
Природа пахла несказанно,
Благоухала, я б сказал.

Короче, запах был приятный,
Но наступил внезапно шок.
Возник какой-то непонятный,
Какой-то странный запашок.

Вообще-то неоткуда вроде,
И стадо вроде не прошло...
Но бедной матушке-природе
Понятно, что произошло.

И отчего не стало рая,
Померк как будто белый свет.
В кустах, природу обзирая,
Сидел задумчивый поэт!

Кое-что о собчекистах

(Станислав КУНЯЕВ)

...рать призраков
и образов Чека —
пенсне Лаврентия,
Ежова рукавица,
скелет Ягоды, челюсть Собчака.

История палачеством богата.
Мы помним их, предавшихся греху,
в те дни, когда вставали брат на брата,
на свекра тесть, золовка на сноху.

Пытали нас, зверея год от года,
Дзержинский, Яков Мовшевич Свердлов,
Еврей грузинский Берия, Ягода,
и Лейба Троцкий и троцкист Ежов.

Их много, вурдалаков, в ус не дувших,
сажавших на кол вместо стульчака...
Но среди всех сатрапов лет минувших
всплывает жуткий образ Собчака.

Вокруг роятся «демократов» лица,
но главный он — я повторяю вновь:
Собчак — палач, садист, детоубийца,
младенцев православных пьющий кровь.

Способен распознать его не всякий,
он может — вот его «демократизм»! —
Невзорова добить, взорвать Исаакий,
Фонтанку повернуть в капитализм.

...Но не успел я вникнуть в глубь кошмара,
скрип тормозов раздался со двора.
Вошли четыре дюжих санитаров
и врач, сказавший: «Все. Готов. Пора!..»

Предчувствие

(Николай КУРИЦЫН)

...печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...

А.С. Пушкин, 1829

Печаль моя легка,
Как дым костра над полем.

Николай Курицын, 1979

Лежит ночная мгла.
Разлука грусть наводит.
«Печаль моя светла», —
Его перо выводит.

Он в горнице не спит.
Уж близок час рассвета.
Предчувствие томит
Великого поэта.

Наш классик сам не свой,
В тревоге шепчет часто:
Что будет, боже мой,
Лет через полтораста!

Опальный исполин
Вздыхает, ставя точку:
«Не Курицын ли сын
Мою испортит строчку?..»

Делай как я

(Александр КУШНЕР)

Когда, смахнув с плеча пиджак, —
Ложисься навзничь на лужок, —
Ты поступаешь, как Жан-Жак,
Философ, дующий в рожок.

Когда пьешь кофе натошак
И забываешь о еде,
Ты поступаешь как Бальзак,
Который Оноре и де.

Когда в тебе бурлит сарказм
И ты от гнева возбужден,
Ты просто вылитый Эразм,
Что в Роттердаме был рожден.

Когда, освободясь от брюк,
Ложисься навзничь на диван,
То поступаешь ты, мой друг,
Как мсье Гюи де Мопассан.

Когда ты вечером один
И с чаем кушаешь безе,
Ты Салтыков тире Щедрин
И плюс Щедрин тире Бизе.

Когда ж, допустим, твой стишок
Изящной полон чепухи,
То поступаешь ты, дружок,
Как Кушнер, пишущий стихи.

Савва Олегович

(Виль ЛИПАТОВ)

Савва Олегович Огольцов, молодой тридцатилетний заместитель главного, разлагался со вкусом.

Природа одарила его красотой и мощным телом культуриста, интеллектом и положением. Но Савве Олеговичу все надоело — деньги и женщины, особняки и машины, отдельные кабинеты в ресторанах и любимая работа, верная жена и жена товарища.

Страх, липкий страх преследовал его днем и ночью.

За глаза его называли «шизик», хотя на самом деле он был параноик.

Савва Олегович родился в деревне, и это обстоятельство наложило на его облик отпечаток изысканного аристократизма.

Обладая возможностью иметь все, Савва Олегович все и имел. Он брал, имел, пользовался, но как он не любил брать! Как он страдал от того, что имеет! Как он мучился, когда пользовался!

Савва Олегович ненадолго выздоровел лишь однажды, спутав лосины с лососиной. Смеялся весь трест, Савва Олегович аристократически высморкался, вытер пальцы батистовым платочком и убил одного из весельчаков. Смех прекра-

тился. А заместитель главного заболел снова. И вовсе не потому, что за это ему дали выговор с занесением в учетную карточку. Безотчетный страх возник снова.

Савва Олегович совсем опустил свой породистый нос, сдвинул соболиные брови и однажды бессонной ночью дал по лебединой шее любимой жене Биplane, дочери знаменитого на весь мир начальника жэка.

Как директор сплавной конторы, а теперь и заместитель главного, Савва Олегович имел дело с лесом и, конечно, наломал дров. Справить дело не удалось, и Савва Олегович заскучал. Ему даже в тюрьму не хотелось.

«Ладушки!» — бормотал он, страдальчески морщась, натягивал на широкие плечи дубленку, с отвращением садился в черную «Волгу», с гримасой гадливости ел икру, с ненавистью овладевал падающими на него со всех сторон самыми красивыми женщинами Ломска и боялся! Смертельно боялся только одного — как бы все это не кончилось...

Поэт, няня и кружка

(Евгений ЛУЧКОВСКИЙ)

Барин щиплет бакенбарды,
Вьюга воет на дворе.

Голубой шлафрок притален,
Пушкин брови сводит злей...
— Батюшка, пошто печален?
— Родионовна, налей...

Черт, опять пропала кружка...
Или это — неспроста?

Вьюга воет, сердце ноет,
Знать, зима идет к концу.
Буря мглою небо кроет,
Как весной баран овцу.

Ручки зябнуть, ножки зябнуть, —
Пушкин няне говорит, —
Не пора ли нам дерябнуть,
У меня душа горит!

По годам лицейским тризна,
Неизвестно, где друзья...
— Побойсь алкоголизма! —
Плачет няня в три ручья.

Под сугробом стонет крыша,
Пушкин брови сводит злей,
Бормоча:
— Ништо, Ариша!
Плюнь три раза да налей!

Ищет бедная старушка,
Заглянула аж во двор.
— Что за черт, пропала кружка.
— Неужели Пущин спер?

— Черта с два,
Он не таковский,
Ты кручину бы унял...
Это, батюшка, Лучковский
Ерунду насочинял!..

В это лето

(Иван ЛЫСЦОВ)

Падают груши в саду августовском,
Глухо стучат о траву...
В тихой усадьбе совсем по-толстовски
Я это лето живу.

Мтворческим духом я нынче питаюсь,
Тихою радостью пьян.
В славной усадьбе, где я обретаюсь,
Множество ясных полян.

В теплых лучах золотится деревня,
Нежится речка и дол.
Добрая баба, как Софья Андревна,
Мне собирает на стол.

С рани землю пашу я не сдуру,
Круп вытираю коню.
Скоро, видать, про Каренину Нюру
Роман большой сочиню...

Парад бессмертных

(Игорь ЛЯПИН)

Такое утро светлое, погожее,
Речушка убегает за село.
На Льва Толстого облако похожее
По небосклону медленно взошло.

Деревня под лучами солнца греется,
Какое утро — просто чудеса!
А в небесах такое нынче деется —
Парад бессмертных, а не небеса!

Из леса песня слышится кукушкина,
Речушка убегает далеко.
Вот облако, похожее на Пушкина,
Плывет недостижимо высоко.

Вот слышу грохотанье грома близкого,
Была погодка, да, глядишь, сплыла...
То туча — просто копия Белинского, —
Сердясь, на тучу Гоголя нашла.

Но туча уплыла вослед за тучею,
И снова чист и ярок горизонт.
Вот облака поменьше, но бегучие —
Поделков, Вознесенский, Доризо...

Все небеса великими заляпаны,
И лишь одно гнетет и душу рвет,
Что ничего похожего на Ляпина
По небосклону что-то не плывет.

Ключкин и Горемыкушкин

(Владимир МАКАНИН)

Ключкину безумно везло. А Горемыкушкина, наоборот, преследовали одни неудачи.

Ключкин ужасно переживал от своего везения. Он жутко мучился. Стыдно было, что ему так хорошо, Горемыкушкину так плохо.

Началось с того, что Ключкин нашел на улице три рубля. А Горемыкушкин в тот же день потерял пять.

Потом Ключкина сделали начальником отдела, а Горемыкушкин что-то там напутал, что-то такое потерял, и с работы его выгнали. На что жить — неизвестно.

Ключкину квартиру дали, Горемыкушкина жена бросила, разменялись они, и попал бедняга в конуру без окон и с тараканами.

Сын Ключкина, юный спортсмен, завоевал золотую, серебряную и бронзовую медали сразу, бездетного Горемыкушкина разбил паралич.

Разрывалось сердце у Ключкина, и отнес он однажды с полочки невезучему коллеге бутылку молока и булочку за семь копеек.

Через месяц не выдержал, снова навестил. Решил хоть чайку с ним попить, утешить человека, ободрить. Да в конуре, кроме тараканов, ничего не оказалось. Ни щепотки чаю! Не с тараканами же

чай пить... Страшно не любил Ключкин чай с тараканами. Сыграл он с Горемыкушкиным в шахматы, поставил ему детский мат, подождал, пока тот не то уснул, не то сознание потерял, и ушел с тяжелым сердцем.

Ему продолжало везти.

Позвонил тогда Ключкин Богу.

— Товарищ Бог, — сказал он, — отчего одним везет, а другим нет?

— Все от Бога, — ответил Бог. — Не веруете вы в меня, черти, а у меня счастья на всех не хватает. Дефицит!

— Да не могу я счастливым быть, когда у другого горе! — закричал Ключкин. — Я, чтоб меня разорвало, литературный герой. Понимаешь! Литература наша нынче все больше нравственные проблемы решает. А стало быть, меня совесть мучает! Мне — все, другим — ничего! Не согласный я. Как жить-то! Все, что мог, я уже совершил, а душа болит. Такая она субстанция... Самого себя известно... Что делать?

— Терпеть надо, — решил Бог. — Я терпел и вам велел. Такая, брат, планида. Не расстраивайся. А твой Горемыкушкин — что ж... Я с ним. А ты плюнь, родимый. Не думай. Живи себе.

Ключкин так и сделал.

На днях его в замы произвели. Оклад опять повысили.

Живет он и радуется. Недавно кошелек нашел.

А в нем двадцать пять рублей, не считая мелочи.

Обучение устному

(Сергей МАКАРОВ)

Шел вчера я в толпе городской.
Показалось мне, трезвому, грустному, —
В разношерстице речи людской
Разучился я русскому устному...

Сердцем чувствую: что-то не так.
Стало ясно мне, трезвому, грустному, —
Я по письменной части мастак,
Но слабее по русскому устному.

В кабинетной работе я резв
И заглядывал в энциклопедии,
Но далек от народа и трезв —
Вот причина подобной трагедии.

Нет, такого народ не поймет!
Не одарит улыбкою теплою...
И пошел я однажды в народ
С мелочишкой в кармане и воблюю.

Потолкался в толпе у пивной,
Так мечта воплотилась заветная.
И, шатаясь, ушел: боже мой,
Вот где устная речь многоцветная!

Что ни личность — великий знаток,
И без всякой притом профанации.
Слов немного — ну, может, пяток.
Но какие из них комбинации!

Каждый день я туда зачастил,
Распростиась с настроеньями грустными,
Кабинетную речь упростил
И украсил словами изустными.

У пивной мне отныне почет,
А какие отныне амбиции!
И поставлен уже на учет.
На учет в райотделе милиции.

Случай в Коп-Чик-Орде

(Сергей МАРКОВ)

Жирный лама Жамьян-жамцо,
Погрязший в смертном грехе,
Всем говорил, что видел в лицо
Богиню Дара-ехэ.

И в Эликманаре и в Узнези,
В ущельях горных — везде
Я слышал хвалы тебе, Ээзи,
Живущему в бурной воде.

Нахла ночь, как голландский сыр,
Когда, прожевав урюк,
Ушел искать красавец Тыр-Пыр
Красавицу Тюк-Матюк.

Сто лет искал он ее везде,
На небе и под водой.
Нашел он ее в Коп-Чик-Орде,
Что рядом с Кишмиш-Ордой.

Она вскричала: «Бэбэ, мэмэ!
Полундра! Мизер! Буза!»
Хотя он не понял ни бе ни ме,
Сверкнули его глаза.

Призвал к себе их абориген,
Владыка Туды-Сюды.
И жирный лама Глотай-Пурген
Сказал им: «Алаверды!»

Еще сказал он: «Пардон, батыр,
Битте-дритте Утюг!»
И пала в объятия красавцу Тыр-Пыр
Красавица Тюк-Матюк.

О да всякой всячине

(Новелла МАТВЕЕВА)

«Все едино?» Нет, не все едино:
Пламя, например, отнюдь не льдина...

Все едино? Нет, не все едино:
Детский самокат не гильотина.

Все едино? Нет, не все едино.
Волк не голубь. Жаба не сардина.

Все едино? Нет, не все едино:
Хорь не корь. Конец не середина.
Семга не сапог. Балет не драма.
Кобзев не Кобзон. Валет не дама.

Все едино? Нет, не все едино:
Соль не соло. Утка не Ундина.
Хвост не хобот. Басня не новелла.
И Новелла, например, не Белла.

Все едино? Нет, не все едино:
Бутерброд с икрой не Буратино.
Где-то я об этом говорила:
Сок не сук. Горилка не горилла.

Все едино? Нет, не все едино.
И ночной сосуд не концертино.
Кот не повар. Чепчик не чернила.
Что и с чем еще я не сравнила?

Все едино? Нет, не все едино.
Мне сказали: что за чертовщина?
Шпроты в масле не ребенок в люльке,
Быть поэтом — не играть в бирюльки.

Поэт и козел

(Сергей МИХАЛКОВ)

На рынке корову старик продавал.
Никто за корову цены не давал.

— А много ль корова дает молока?
— Да мы молока не видали пока...

Поэт на базаре козла продавал.
Козел, паразит, молока не давал.

Доил он козла — аж устала рука.
Козел все равно не давал молока.

Поэту козла надоело доить.
Хотел он сначала его удавить.

А после решил: загоню дурака
И в магазине куплю молока!

Путь к истине

(Сергей МНАЦАКАНЯН)

Неверные друзья. Слепые домочадцы.
Трансляция орет... Чу, милые, молчок!
До истины нельзя, однако, домолчаться,
трагически присев с «Вечеркой» на толчок.

Я в поиске всегда. В сомнениях не грешен.
Исканиям моим альтернативы нет.
Чтоб истину познать и поиск был успешен,
трагически вхожу в отдельный кабинет.

До истины хочу в тиши я домолчаться,
что должен сделать сам — не перепоручить...
И верные друзья, глухие домочадцы
немедленно спешат трансляцию включить.

Я действую всегда продуманно и четко,
с газетою — она незаменима тут;
нет, не «Советский спорт» и даже не
«Вечерка»,
в них истину искать — увы, напрасный труд.

Тут важно не спешить и с мыслями бороться,
свершая скорбный труд, к познанию ведом.
Дабы, дав мыслям ход, до истины добраться,
я лично на толчке всегда сижу с «Трудом»!

День в Гиперборее

(Юнна МОРИЦ)

Как у нас в Гиперборее,
Там, где бегают кентавры,
Соблазнительные феи
Днем и ночью бьют в литавры.

Там лежит раскрытый томик,
Не прочитанный Сатиром.
Там стоит дощатый домик,
Называемый сортиром.

Одиссей свое отплавал,
Греет пузо под навесом.
Перед богом хитрый дьявол
Так и ходит мелким бесом.

Едут музы в Сиракузы,
Не убит еще Патрокл.
На Олимпе в моде блюзы,
Гоголь-моголь и Софокл.

Зевс в объятиях Морфея,
Вельзевул песочит зама.
Незаконный сын Орфея
Спит, наклюкавшись бальзама.

Сел Гомер за фортепьяно,
Звон идет на всю катушку.

Посреди дубравы рьяно
Соблазняет бык пастушку.

Пляшет Плоть в обнимку с Духом,
Сладко чмокая и бляя.
А в углу, собравшись с духом,
Сочиняю под Рабле я...

ЛЕСНАЯ БУЗА

Был козлик бедный и худой,
И жил он у старухи нищей,
Он ждал соития с едой,
Как ангел с вифлеемской пищей.

Он вышел в лес щипать траву,
Бездомен, как герой Феллини.
Алела клюква в черном рву,
Господь играл на мандолине,
И рай явился наяву!

Козла трагичен гороскоп,
Раскручена спираль сиротства.
Жил волк, бездушный мизантроп,
Злодей, лишенный благородства.

По челюстям сочилась брань
Картежника и фанфарона.
Он ждал! Была его гортань
Суша, как пятка фараона.

Он съел козла! Проклятье злу
И тем, кто, плоти возжелая,
Отточит зубы, как пилу,
Забыв о том, что плоть — живая!

Старуха плачет по козлу,
Красивая и пожилая.

А волк, забыв о Льве Толстом,
Сопит и курит «Филип Моррис»,
Под можжевельным кустом
Лежит, читая Юнну Мориц,
И вертит сумрачным хвостом.

Поиск званья

(Александр МОСКВИТИН)

Мне этот мир для поиска завещан.
И все-таки,
чем помыслы ни грей,
Уму непостижимо, сколько женщин
вот-вот получают
звание матерей.

Мир — это поиск — тот, что мне завещан,
надеюсь, мой девиз понятен вам.
Он лапидарно прост: ищите женщин.
французы говорят: «Шерше ля фам».

Все разные,
у всех душа и тело,
в любой из них
одна мечта живет.
Уму непостижимо, сколько дела!
Они вот-вот,
но ведь и мы вот-вот...

Любой мужчина в принципе — родители!
Наш лозунг
надо верно понимать.
Одной сказал я, помню: «Не хотите ль,
я быстро подарю вам звание «мать»?»

Дальнейшее, увы, не для печати.
Зато теперь
я жизнью умудрен.
Чуть что не так,
не обижаюсь, кстати,
И гордо ухожу,
обматерен.

Собравшись с духом

(Юрий НИКОНЫЧЕВ)

Восток послал раскосых орд лавину,
А Запад в кущи райские зовет —
Теснят две силы нашу середину,
Но русский силы дух еще живет.

Лежу на печке, открываю сонник,
Я в середине. Прогреваю зад.
Налево — двухкассетный «Панасоник»,
Направо «Филипс» — сильный аппарат.

Вот-вот с Востока косоглазых орды
Возьмут Россию-матушку в тиски.
А с Запада — зажавшиеся морды
Нам дарят аппетитные куски.

Удобная позиция, ей-богу,
Никто такой бы выдумать не смог...
Пускай натащат нам жратвы к порогу,
А мы уж их не пустим на порог!

Всегда, как та старуха, мы в прорухе,
Сидим в дерьме и сонно чешем плешь.
Все дело в том, что наша сила в духе,
А дух, известно, с кашею не съешь.

Переживем тяжелую годину,
За битого дают небитых двух.
Они пусть кормят нашу середину,
А мы — переведем наш русский дух.

Поэт и табурет

(Лев ОЗЕРОВ)

Что думал, как настроен был поэт,
Как он встречал закаты и рассветы,
Навряд ли объяснит нам табурет,
Или чернильница, или штиблеты.

Позвольте вам представиться: штиблет.
Хозяин мой во мне ходил по свету.
Мне табурет сказал, что он поэт,
Но вряд ли можно верить табурету.

Для табурета, в общем, все равны,
Он в смысле кругозора ограничен,
Людей он знает с худшей стороны,
Поэтому и столь пессимистичен.

Хозяин мой во мне встречал рассвет,
По лужам шел по случаю ненастья,
И вдруг зарифмовал «рассвет» —
«штиблет»,
Признаться, я был вне себя от счастья!

Нет, все же он действительно поэт,
Как не воздать бесценному шедевр!
Поэта угадал в нем табурет
По одному седалищному нерву!

Антипародия на автопародию

(Булат ОКУДЖАВА)

Мы убили комара. Он погиб
в неравной схватке...

Жил на свете таракан,
был одет в атлас и замшу,
аксельбанты, эполеты,
по-французски говорил,
пил шартрез, курил кальян,
был любим и тараканшу,
если вы не возражаете, без памяти любил.
В то же время жил поэт
жизнью странной и тревожной,
только он любовь такую
описать достойно смог,
хоть давно сменил Арбат,
ходят слухи, на Безбожный,
безобразное названье, как не стыдно,
видит Бог!
Все куда-нибудь идут.
Кто направо, кто налево,
кто-то станет завтра жертвой,
а сегодня — палачом...
А пока что тараканша
гордо, словно королева,
прикасалась к таракану
алебастровым плечом.
Жизнь, казалось бы, прекрасна!
И безоблачна!

Но только
в этом мире все непрочно,
драмы стали пустяком...
Появилась злая дама,
злую даму звали Ольга,
и возлюбленную пару
придавила каблуком.
Бейте громче, барабаны!
Плачьте, трубы и гобои,
о развязке вам поведает
серебряный кларнет:
значит, жили тараканы,
тараканов было двое,
было двое тараканов,
а теперь обоих нет...

М аясь животом

(Лев ОШАНИН)

Смотрел сегодня танец живота.
Красивая девчонка, да не та,
Что спать не даст одной короткой фразой.
Восточная красавица, прости.
Восточная красавица, пусти
К непляшущей, к неездешной, к светлоглазой.

В далекой экзотической стране,
Где все принципиально чуждо мне,
Но кое-что достойно уваженья,
Смотрел сегодня танец живота.
Живот хорош, но в общем — срамота.
Сплошное, я считаю, разложение!

Не отведя пылавшего лица,
Я этот ужас вынес до конца,
Чуть шевеля сведенными губами:
Восточная красавица, зачем
Ты свой живот показываешь всем?
С тобой бы нам потолковать на БАМе...

Восточная красotka хороша!
Но кровью облилась моя душа,
Ведь так недалеко и до конфуза...
Халат взяла бы или хоть пальто,
А то нагая... Это же не то,
Что греет сердце члена профсоюза!

Восточная красавица, прости,
Но я хотел бы для тебя найти
Достойное эпохи нашей дело.

Чтоб ты смогла познать любовь и труд,
Но я боюсь, что этот факт сочтут
Вмешательством во внутреннее тело...

Сыр-бор

(Николай ПАНЧЕНКО)

...я люблю тебя этой любовью воды,
что коснется ноги, как сырыми губами.

...моя весна — моя сырая карта...

Но день проходит стороной —
гудком сырого парохода.

...нектар блаженно добывать
сырыми, теплыми губами.

В сырых его очах по солнышку блестит.

Я вот только сырого коня загоню...

Проснусь в сыром и стылом декабре,
с усилием разогну сырые ноги,
в сыром желудке — мокрые миноги,
и хочется подушку укусить.

Потом опять — то плаваю, то сплю
и не пойму — то бубны или пики
в сыром мозгу.

Серьезные улики!

И странно — почему я отсырел?

Казалось бы — давно уж не дитя —
ни мокрой соски, ни сырых пеленок,
которые хоть выжми.

Не ребенок!

И сыромятного нет на меня ремня.

Я весь сырой!

Сырые губы, нос,
любовь сыра, как Сырдарья весною,

все сыростью пропахло областною,
и не понять,
из-за чего сыр-бор!

И чтоб сырыми
не бывать очам,
в постель — как в ванну! — не ложитесь
навзничь,
сырых стихов вы не глотайте
на ночь
и чаще просыпайтесь по ночам.

Если б да кабы б

(Анатолий ПАРПАРА)

Когда бы Пушкин в то восстанье
на площади Сенатской был...

За ним рванулись дружно б роты,
за удаль Пушкина любя...
И долго б ликовал, трубя,
неопалимый дух свободы.

Будь с нами б Пушкин, бард свободы,
дух декабризма б не погиб.
За ним рванулись дружно б роты
и эскадроны б и полки б.

Соединить в буквальном б смысле
седую даль и нашу близь,
и наши пламенные б мысли
в его, бессмертные б, влились.

Неукротимый б дух наш славный
победу б над врагом ковал.
И весь народ наш православный
всенепременно б ликовал.

И, приближая б славы сроки,
писал бы лучше, чем вчера б,
усвоив Пушкина б уроки,
неутомимый Парпара б!

Эксперимент

(Виктор ПАРФЕНТЬЕВ)

Распад во много тысяч лет
Эквивалентен дням разлада,
Ведь человек не элемент,
Недели хватит для распада.

Со вторника эксперимент
Как начался, так не кончался...
И так как я не элемент,
То к понедельнику распался.

Глядела горестно жена
Глазами обреченной птицы,
Как быстро муж распался на
Элементарные частицы.

Непрочен наш материал,
Точней, он вовсе пустяковый...
И по частицам собирал
Меня инспектор участковый.

Не зря один интеллигент
Сказал, сомнения развеяв:
— Парфентьев — это элемент,
Не знал о коем Менделеев...

Слава боцмана Муренова

(Константин ПАУСТОВСКИЙ)

У боцмана Муренова тряслись голова и уши.

— Вы не знаете, — кричал он, — вы не знаете, кто я! Я артист! Вы не были в Африке. Мальчишки! Вы не знаете, как пахнут спелые фиги! Они пахнут фигово! Вы не видели обезьяньего счастья. О Генрих Гейне, Генрих Гейне, почему ты не ловил со мной форель на Котельнической набережной!..

Африканскую ночь написал Гоген.

Пышное солнце, будто сошедшее со страниц Анатолия Франса, напоминало апельсин, который раздавила мадам Лисапед на углу Ришельевской у магазина Альшванга.

— Вас не баюкали на пиратском корабле напевы Чимарозо! — крикнул бойман, и серые слезы потекли по его рыжей бороде.

Варвара, сестра старого боцмана, подошла к нам. В руках она держала секстан, похожий на эолу арфу.

От Варварыпряно пахло луком и страстью.

Она подошла к нам вплотную, и грудь ее задохнулась, как блистающие облака над розовым морем в изумрудной Балаклаве.

— Старый шарлатан! — воскликнула она свистящим басом. — Сухопутная крыса! Он уже си-

дит здесь и ничего не знает. Боже ж ты мой! Поимей в виду, я имею через тебя неприятность. Наш крокодил перепил английской соли и ругается по-французски. Это какой-то бедлам!

— Да, — печально сказал Муренов и заплакал, — у меня на языке типун. Налейте мне вина. Что понимаешь ты, гомеопатка, в тоске бегемота? Что значат крокодиловы слезы для твоей пропахшей клопами души?

Из секстана полились звуки Грига.

Грязно-белый кот по прозвищу Десять Процентов потерялся о Варварины ноги.

Боцман Муренов вышел во двор.

Журчащие звуки наполнили наши сердца восторгом, близким к неземному блаженству.

Забубенность

(Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ)

И поставил все на карту,
До последних дней
На крестовую дикарку
Из страны твоей.

Мо ли в Сочи, то ли в Нальчик
От родных полей
Забубённый ехал мальчик
Из страны своей.

Небеса чисты и сини,
Рай! А из купе
То и дело: «Крести! Вيني!
Буби!...» И т. п.

Мат витает, дым не тает,
Крик: «Вальта не бей!»
Лишь на спинах не хватает
По тузу бубей...

В обстановке этой самой,
Будь он жив сейчас,
Со своей «Винновой дамой»
Пушкин был бы «пас»...

Поездка

(Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ)

Давай, любимая, начнем,
Как говорится, все сначала.

Пусть по Каляевской везет
Нас вновь троллейбус двадцать третий.

За наш проезд, за нас двоих
Я в кассу брошу две монетки.
И вспыхнет свет в глазах твоих,
Как солнышко на мокрой ветке.

Я столько раз звонил тебе,
Ты на звонки не отвечала.
Давай войдем в троллейбус «Б»
И все начнем с тобой сначала!

...Сияет солнце в синеве,
Копеек горсть ладонь ласкает.
Беру четыре (две и две)
И в щелку кассы опускаю.

Тень грусти на лице моем
Ты взглядом жалобным поймала,
Да, если едем мы вдвоем,
То одного билета мало.

Постой-ка... три копейки есть,
Еще одна... Всего — четыре.
Прекрасно, что мужская честь
Еще жива в подлунном мире!

А я — мужчина и поэт!
На небе ни единой тучки.
Держи, любимая, билет,
Я знаю, ты отдашь с получки.

Люби меня и будь со мной,
Поездка снова нас связала.
Как? У тебя был проездной?!
Ну что ж ты сразу не сказала.

Мореплаватель

(Григорий ПОЖЕНЯН)

Лягу в жиже дорожной,
постою у плетня.
И не жаль, что, возможно,
не узнают меня.

Надоело на сушу
пялить сумрачный взор.
Просмоленную душу
манит водный простор.

Лягу в луже дорожной
среди белого дня.
И не жаль, что, возможно,
не похвалят меня.

А когда я на берег
выйду, песней звеня,
мореплаватель Беринг
бросит якорь. В меня.

Звездный час

(Надежда ПОЛЯКОВА)

Мне снилось: я — Анна Маньяни
Не в этом, а в давнем году.

А мы втроем сидели на крыльце,
Жевали хлеб и огурцом хрустели.

Я мыла пол, набрав ведро воды.
Здрав подол, махала тряпкой хмуро.
Но кто-то вдруг меня окликнул: — Нюра!
Маньяни! Кинь ведро да подь сюды!

Жужжали мерзко мухи над крыльцом,
Ступеньки полусгнившие стонали.
В сенях, разумши, Клава Кардинале
Хрустела малосольным огурцом.

Пивной функционировал ларек,
По радио стонал какой-то тенор,
И встряла в разговор Лизуха Тейлор:
— Не скинуться ли нам на пузырек?

Сообразили. Сбегали. Вина
С устатку выпить, видит бог, неплохо.
А Сонька-то Лорен — ну не дуреха! —
Кричит: — Я не могу без стакана!

Светило солнце. Колосилась рожь.
А мы сидели... Вдруг в разгаре пира
Свет застила фигура бригадира,
Который был на Бельмондо похож.

— Мы звезды! — завопили мы. — И где
Тебя носило?.. Подгребай скорее!.. —
Он молча к каждой подошел, зверея,
И, развернувшись, врезал по звезде.

Али я не я

(Борис ПРИМЕРОВ)

Окати меня
Алым зноем губ.
Али я тебе
Да совсем не люб?

Как теперь я
Что-то сам не свой.
Хошь в носу шириай,
Хошь в окошко вой.

Эх, печаль-тоска,
Нутряная боль!
Шебуршит мысля:
В деревеньку, что ль?

У меня Москва
Да в печенках вся.
И чего я в ей
Ошиваюся?..

Иссушила кровь
Маета моя.
И не тут я,
И не тама я...

Стал кумекать я:
Аль пойтить в собес?
А намедни мне
Голос был с небес:

— Боря, свет ты наш,
Бог тебя спаси,
И на кой ты бес
Стилизуисси?!..

Мы с Платоном

(Анатолий ПЧЕЛКИН)

Для счастья людям нужно очень мало:
глоток любви, сто граммов идеала...

Платон мне друг,
а истина... чревата...
Пить иль не пить противоречья яд?..

Глаза однажды разлепив со стоном,
решили счастья мы испить с Платоном.
Платон мне друг,
но истина дороже...
В чем истина — видать по нашим рожам.
Для счастья людям нужно очень мало:
мы взяли
по сто граммов идеала
(любой поймет, что это — для начала),
но нам с Платоном сразу легчало.

Сказав, как мы друг друга уважаем,
сидим с Платоном и соображаем.
Платон мне говорит:
«Для счастья — мало,
возьми еще по рюмке идеала!»
Потом еще по двести попросили
и все
противоречьем закусили.
Потом опять нам показалось мало.

Мы нахлебались
счастья до отвала.
И, задремав в обнимку, словно с братом,
Платон во сне
назвал меня Сократом...

Рок пророка

(Вадим РАБИНОВИЧ)

Кривонос и косорыл,
удивился и смутился:
серафимный шестикрыл
в юном облике явился.

Я хоть музой и любим,
только, как ни ковырялся,
шестикрылый серафим
мне ни разу не являлся.

Вместо этого, уныл,
словно он с луны свалился,
серафимный шестикрыл
на распутье мне явился.

— Ну-с! — свою он начал речь. —
Чем желаете заняться?
— Вот хочу жаголом глечь, —
так я начал изъясняться. —

Сочиняю для людей,
пред людьми предстал не голым,
так сказать, людца сердей
собираюсь глечь жаголом...

Шестикрыл главой поник
и, махнув крылом, как сокол,
вырвал язный мой грешык,
чтобы Пушкина не трогал.

Бег трусцой незадолго до перестройки

(Эдвард РАДЗИНСКИЙ)

Сцена представляет собой мусорную кучу. Чего только здесь нет — сломанная скульптура «Девушка с веслом», помятый «БВМ», пустые бутылки из-под кока-колы, коробки из-под сигарет «Кент», старый видеомагнитофон образца 1981 года.

На сцене бегут трусцой в костюмах «Адидас» Махоньков и Махонькова.

Махоньков. Не отставай! Надралась с утра пораньше, тварь!

Махонькова (глотнув «Белой лошади»). А ты к той рыжей падле спешишь!.. Пользуешься тем, что я постарела... Козел вонючий! Плебей! Недаром я тебе изменяла с кем попало...

Махоньков. Ах ты, тварь. Да, я деревенский! А кто бы на тебе, шлюхе беременной, женился?.. Только я... А как иначе из грязи в князи?.. Соблазнился пастушок вашей дачей да «Мерседесом»... А теперь, когда твой предок копыта отбросил, на кой черт ты мне сдалась?

Махонькова (глотнув «Камю»). Скотина! Я тебя всегда ненавидела! Конечно, сейчас у всех воров дачи и «Мерседесы»... Ладно, поглядим! Ты у меня уедешь в Японию, как же! С остановкой в Магадане. Лет на двадцать пять.

Махоньков. Кончилось ваше время! Теперь больше чем на пятнадцать не содют... А стреляют только таких, как ты. А таких мало...

Махонькова (глотнув «Посольской»). Был бы отец родной жив... Все бы сидели! Эх, жить бы мне во времена Нерона и Сенеки...

На сцену выбегают трусцой в костюмах «Адидас» Маня и Ваня.

Махоньков. О-о-о! Ну-кась, ну-кась...

Маня. Отвали, предок доисторический! Козел! Все вы одинаковые...

Махоньков избивает Маню.

Махоньков. Ну?!

Маня (*целует его*). Ладно, старейшина! Твоя взяла. Куда идем, кобель старый? Сразу в сауну? (*Убегают трусцой*).

Махонькова. Ваня, посмотри, какие у меня ноги!

Ваня. Нормальные.

Махонькова. Ва-аня! Ну же, ну!..

Ваня. Жену не трогайте. Она у меня хорошая. И верная. Я ее с детского сада люблю.

Махонькова. Да ты знаешь, щенок, где сейчас эта падаль Махоньков с твоей задрыгой?

Ваня. Маня на симпозиуме социологов.

Махонькова. Ха-ха! Ха-ха-ха! Откуда ты, такой? Иди ко мне, не бойся...

Ваня. Да кто же вас боится?.. Небось не Вирджиния Вульф...

Общее затемнение. Конец.

Матерое прощание

(Валентин РАСПУТИН)

Олень в воду написал в августе.

Оттого и поднялась Ангара, затоплять стало остров и деревню.

Да тут еще где-то ГЭС городить начали, Евтушенка туда из Америки приехал, в общем, пошло дело.

Вот-вот затопит!

Старик Богувдул мог только рычать и матюкаться. За то и любили его старухи: как загнет — так и вспоминается молодость...

Старухи собирались за самоваром, жгли лучину, скирныкали, жулькали, пружали и говорили:

— Ополе вчерошного, значитца, навроде лутше посередь.

— Однуё назадь утресь-то присбираться. А куды от ее?

— Да хошь туды! Куды доржим.

— Издрябнем. Здря-я-а!

— Ниче! Сколева тутака тростить, ишо тамака надоть тепери вяклить...

— Опеть доджик, то ли ишо че?

— Ли че ли?

— Хуть седни ослобони, осподи, остатний раз ночесь очураться!

— Дак ишо щас об етим самдели не как-нить,
а покуль с им страму отерпать...

— В грудях тошно...

Не разговоры — наслаждение! Кто понимает...

Но как ни бодрились любимые героини моих
романов, пришло время отдавать Богу душу.

Посреди острова очередь образовалась, при-
емный пункт в старой бане открыли. Бог на кате-
ре приплыл из Иркутска.

Отдали — и всем легче стало.

Дурноматом рычал Богувдул.

Ангара разливалась. Только рыба дохла от
прозы и пессимизма.

Многоликость

(Татьяна РЕБРОВА)

Ты думаешь — Джульетта?
Это я.
Я говорю.
Поверь, все доказали
В той драме у Шекспира, где моя
Печаль была в начале той печали.
То Маргарита, думаешь, поет?
То я пою.

Мне непонятна холодность твоя...
Во мне сошлись
Все небыли и были.
Я — это я.
Но я — не только я.
Во мне живут
все те, кто раньше были.
Поэзии связующую нить
Порвать
нет ни стремленья, ни охоты,
Могу такую штуку сочинить,
Что будет посильней,
чем «Фауст» Гёте.
Ведь это мною очарован мир,
Ведь это мне,
сыграв на фортепьяно,
Провинциальных барышень кумир
Сказал: «Ужель та самая Татьяна?»
Да, это я.
Мы с ней слились в одно,
В одно лицо...

Но если б только это!
Ведь я еще — Изольда и Манон,
Коробочка, Офелия, Джульетта.
Ту драму,
не Шекспира, а мою,
Сыграть
не хватит целого театра.
Я — Маргарита. Это я пою.
Ты не шути со мной.
Я — Клеопатра!
И сам Печорин,
отдавая честь,
Сказал мне: «Мадемуазель Реброва!
Я, видит бог, не знаю, кто вы есть,
Но
пишете, голубушка...
отменно!»

Продолжатель

(Александр РЕВИЧ)

Ты скажешь мне: «Унылая пора»,
Ты скажешь мне: «Очей очарованье».

Скажу тебе: «Унылая пора».
Ты скажешь мне: «Очей очарованье».
Красиво сказано! Что значит дарованье
И резвость шаловливого пера!

Продолжу я: «Приятна мне твоя...»
«Прощальная краса», — ты мне ответишь.
Подумать только! Да ведь строки эти ж
Стихами могут стать, считаю я.

«Люблю я пышное...» — продолжу мысль
свою.
Добавишь ты: «Природы увяданье».
Какая музыка! И словосочетанье!
Я просто сам себя не узнаю...

«В багрец и в золото!» — вскричу тебе вослед.
«Одетые леса», — закончишь ты печально...
Наш разговор подслушан был случайно,
И стало ясно всем, что я — поэт.

Когда-то в Москве

(Евгений РЕЙН)

В квартире коммунальной,
теперь таких уж нет,
Из туалета выйдя, не все гасили свет.
Там жили продавщица, профессор и артист,
Худой как черт Данилов, возможно, и альтист,
И одинокий Котов, философ, эрудит,
Как выяснилось позже, убийца и бандит.
И молодая дама, что, кутаясь в манто,
Работала ночами у станции метро...
Никто и никого там на «вы» не называл,
И пятый пункт анкеты жильцов не волновал.
Ко мне по коридору прокрадывались в ночь
То юная портниха, то генерала дочь.
И как же проклинал я, голодный донжуан.
Предательски скрипящий, продавленный диван!..
Объятья, сплетни, ссоры, дешевое вино!
Нам встретиться на свете уже не суждено
Ни в давних тех квартирах в исчезнувших домах,
Ни даже на Багамских волшебных островах...
Кто пил из этой чаши, тот знает, что почем,
А кто не понимает, то я тут ни при чем...
Прекрасную квартиру я вспомню, и не раз.
А смена декораций зависит не от нас.

Я и Соня, или Более чем всерьез

(Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ)

Мог ногой
топнуть
и зажечь
солнце.
Но меня
дома
ждет
Лорен Софа.

Из книги «Всерьез»

...А меня
дома
ждет
Лорен Соня.
Мне домой
топать —
что лететь
к солнцу.
А она
в слезы,
скачет как мячик:
— Что ж ты так
поздно,
милый мой
мальчик? —
Я ей
спокойно:
— Да брось ты,
Соня...
Постели койку

и утри
сопли. —
А она плачет,
говорит:
— Робик!.. —
и —
долой платье,
и меня —
в лобик...
Задремал
утром,
так устал
за ночь...
Вдруг меня
будто
кто-то
хватъ
за нос!
Рвут меня
когти,
крики:
— Встань,
соня!
Я тебе,
котик,
покажу
Соню!!

Страдания юной Лоры

(Михаил РОЩИН)

Лора Д. страстно влюбилась в режиссера П. в то самое мгновение, когда увидела его впервые. Это было в Доме кино на премьере его нового фильма. Режиссер П. был неказист: невысокий, щуплый, лысоватый и не такой уж молодой. Но разве это имело значение? Лора была единственной невинной девушкой в Москве и навеки отдалась своему чувству, которое в последний раз недурно описал Иван Сергеевич Тургенев. Она любила безумно, самозабвенно, без памяти. Готова была пожертвовать ради него всем (правда, у нее ничего и не было). Думала о нем день и ночь, и времени уже ни на что не оставалось. Бросила работу и жила на иждивении своего тихого, безответственного брата и кошки Степана. Она дежурила ночами у его окон, остолбенело наблюдая, как непрерывным потоком к нему входили и выходили женщины. Потом он, смеясь, говорил: «Их нравы!»

Режиссер П. до поры до времени ничего не знал. Но потом Лора написала ему, он расслабился, и они встретились. Случилось то, что неизбежно должно было случиться. После этого она месяц пролежала без чувств.

Лора любила; ее неземная страсть не поддается описанию. Она молилась на него, круглые сутки думала о его машине иностранной марки, о квартире в Измайлово, которую он после развода с женой оставил за собой. Если он пускал ее к себе, могла часами сквозь слезы смотреть, как он мыл на кухне горы грязной посуды, варил кофе, бегал за картошкой и хлебом. Ей хотелось чего-то возвышенного, а он был занят своими бесконечными пустяковыми делами — работал со сценаристами, репетировал с актерами, выезжал на натуру, пропадал за границей, снимал, монтировал, красовался на премьерах, получал призы, огребал невероятные деньги.

В результате у режиссера П. все начало валиться из рук, что-то мучило и тяготило его. Он перестал работать, страдал от бессонницы, плакал по ночам, говорил сам с собой, избегал Лору.

А Лора сгорала в пламени сверхъестественной, небывалой любви. Любовь испепеляла Лору. Порой она чувствовала, что теряет рассудок. Сюжет грозил зайти в тупик. Что-то было не так.

А между тем все было проще пареной репы: Лора Д. хотела выйти замуж за режиссера П., а режиссер П. совершенно не собирался на ней жениться.

Заколдованный круг

(Юрий РЯШЕНЦЕВ)

Площадь круга... Площадь круга... Два пи эр.
— Где вы служите, подруга?
— В АПН.

Говорит моя подруга, чуть дыша:
— Где учился ты, голуба, — в ЦПШ.

Чашу знаний осушил ты не до дна,
Два пи эр — не площадь круга, а длина,
И не круга, а окружности притом;
Учат в классе это, кажется, в шестом.

Ну поэты! Удивительный народ!
И наука их, как видно, не берет.
Их в банальности никак не упрекнешь,
Никаким ключом их тайн не отомкнешь.

Все б резвиться им, голубчикам, дерзать.
Образованность все хотят показать...

Ужин в колхозе (Давид САМОЙЛОВ)

— Встречай, хозяйка! — крикнул Цыганов.
Поздравствовались. Сели.

В мгновенье ока — юный огурец
Из миски глянул, словно лягушонок.
А помидор, покинувший бочонок,
Немедля выпить требовал, подлец.

— Хозяйка, выпей! — крикнул Цыганов.
Он туговат был на ухо.

— Никак Самойлов! — крикнул Цыганов
(Он был глухой). — Ты вовремя, ей-богу!
Хозяйка постаралась, стол готов.
Давай закусим, выпьем понемногу...

А стол ломился! Милосердный бог!
Как говорится: все отдай — и мало!
Цвели томаты, розовело сало,
Моченая антоновка, чеснок,
Баранья ножка, с яблоками утка,
Цыплята табака (мне стало жутко),
В сметане караси, белужий бок.
Молочный поросенок, лук зеленый,
Квашеная капуста! Груздь соленый
Подмигивал как будто! Ветчина
Была ошеломляюще нежна!
Кровавый ростбиф, колбаса салями,
Телятина, и рябчик с трюфелями,
И куропатка! Думаете, вру?
Лежали перепелки как живые,
Копченый сиг, стерлядки паровые,

Внесли в бочонке красную икру!
Лежал осетр! А дальше — что я вижу! —
Гигант омар (намедни из Парижа!)
На блюдо свежих устриц впери́л глаз...
А вальдшнепы, румяные как бабы!
Особый запах источали крабы,
Благоухал в шампанском ананас!..

«Ну, наконец-то! — думал я. — Чичас!
Закусим, выпьем, эх, святое дело!»
(В графинчике проклятая белела!)
Лафитник выпить требовал тотчас!
Я сел к столу... Смотрела Цыганова,
Как подцепил я вилкой огурец,
И вот когда, казалось, все готово,
Тут Иванов (что ждать от Иванова?!)
Пародией огрел меня, подлец!..

Восемнадцатое мгновение весны

(Юлиан СЕМЕНОВ)

Борман смотрел на Штирлица тяжело, с нескрываемой неприязнью. Наконец спросил:

— На кого вы работаете, штандартенфюрер?

— Неважно, — ответил Штирлиц. — Пока неважно. Но я хочу дать вам добрый совет на будущее, рейхслейтер.

Борман медленно выпил рюмку шнапса, занюхал рукавом мундира, закурил предложенный Штирлицем «Беломор».

— Слушаю.

— Бросьте нацистскую шайку! — сурово произнес Штирлиц. — Плюньте на этого шизофреника, готового утопить германский народ в собственной крови. Явитесь с повинной. Или к нам, или к союзникам... Ну, отсидите...

Борман поежился.

— А не вздернут?

Штирлиц вздохнул.

— Могут. Но зато вы умрете с чувством раскаяния, как человек, осознавший свои ошибки.

— Вы так всеильны... — помолчав, обронил Борман.

— Я расстроил переговоры Вольфа с Даллесом, — жестко сказал Штирлиц. — Я натравил

Мюллера на Шелленберга, а самого Мюллера отдал Кальтенбруннеру. Я...

— Вы что же, — тихо спросил Борман, — второй человек в рейхе после фюрера?

Штирлиц скромно потупился.

— Почему же второй...

За окном грохотали разрывы. Берлин обстреливали. Борман понял, что это — конец. Он встал и молча вышел из кабинета. Больше его никто никогда не видел.

На пляжу не лежу...

Три телевизионных звезды: Юрий Сенкевич («Клуб путешественников»), Александр Иванов («Вокруг смеха»), Петр Капица («Очевидное — невероятное»)

Вам мат, гроссмейстер!
Гроссмейстеры смеха Карцев и Ильченко и неподкупный
арбитр Сан Саныч

— Не поддержите ли вы мою кандидатуру?..
Что ответили Борис Ельцин и Наина Иосифовна,
хранится в секретной папке Александра II (Иванова)
под грифом «хранить вечно»

С Булатом Окуджавой

Алла Пугачева на передаче «Вокруг смеха»

Павел Хмара: — Ах ты, пародист!
Александр Иванов: — От такого и слышу!

С Эльдаром Рязановым не соскучишься...

Трио юмористов: Александр Иванов, Виктор Шендерович, Игорь Губерман

Мне не нужен допотоп,
Мне не раб создан в авертюре.
Я хочу купить "Фотос"
И смотреть "Солдат в мире"!

Александр Иванов.

а. иванов

Плакат в честь юбилея Александра Иванова

Высокий звон

(Валентин СИДОРОВ)

Косматый облак надо мной кочует,
И ввысь уходят светлые стволы.

В худой котомк
поклад ржаное хлебо,
Я ухожу туда,
где птичья звон.
И вижу над собою
синий небо,
Косматый облак
и высокий крон.

Я дома здесь.
Я здесь пришел не в гости.
Снимаю кепк,
одетый набекрень.
Веселый птичк,
помахивая хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.

Зеленый травк ложится под ногами,
И сам к бумаге тянется рука.
И я шепчу
дрожащие губами:
«Велик могучим русский языка!»

Орех

(Вадим СИКОРСКИЙ)

Мне больше прочих интересен — я.
Не надо иронических усмешек.
Объект для изучения бытия
я сам себе. Я крепенький орешек.

Не смейтесь! Не впадайте в этот грех.
Не кролик я, не мышь, не кот ангорский.
Я убедился в том, что я — орех.
Не грецкий, не кокосовый — Сикорский!

Приятно говорить с самим собой,
впитать себя в себя, подобно губке.
Вселенная открыта пред тобой,
когда пофилософствуешь в скорлупке,

когда порассуждаешь о мирах
без видимых физических усилий...
Но временами наползает страх —
боюсь, как бы меня не раскусили.

Как я стал поэтом

(Борис СЛУЦКИЙ)

Я в поэзию шел как?
Я в поэзию шел так.

Вдруг почувствовал в пальцах жжение,
а иначе говоря — зуд.
Мысли приняли выражение
и, как войска,
пришли в движение,
я лежу, а они ползут.

Оказывается, есть порядок
в расположении строф и строк.
Стих не должен быть гладок.
Вот так. Самый сок.

Если следовать биографии,
то я
ошибочно должен был
стать учителем географии,
хотя педагогику не любил.

Писал на войне и после войны —
рядовой литературного воинства —
строки неодинаковой длины
и неодинакового достоинства.

К чему ведет излишняя фронда?
Можно остаться членом Литфонда.
Ссуду дадут, а может, нет.

Крутись как хочешь.
И — привет!

А я наловчился писать, при этом
каждое слово блесит.
Вот так я и стал поэтом
и даже
уже мастит.

Ничему нигде не учился,
а поэт из меня получился!

Наливание

(Дмитрий СМИРНОВ)

Твои ресницы, словно коромысла,
Легко несут большие ведра глаз,
Что так полны живой небесной сини,
Плескающейся даже через край.
Я ждал:
а вдруг плеснешь в меня
случайно,
И брызги жгуче звездами сверкнут
И ослепят,
чтоб я других не видел...
Но ты те ведра
мимо пронесла.

Не губы, не колени и не бедра,
А ведра глаз твоих меня пленили,
Их было два.
С ресниц они свисали,
К тому же ты с утра их налила...
И я все ждал:
а вдруг пройдешь и sprыснешь,
Вдруг отольешь,
пускай произвольно...
Но мимо ты прошла,
не отлила.
И я с тоски
свои глаза налил.

Бег внутри

(Лев СМИРНОВ)

Я славлю — посреди созвездий,
в последних числах сентября —
бег по земле, и бег на месте,
и даже бег внутри себя.

Поэт сидит, поэт лежит,
но это ничего не значит,
внутри поэта все бежит,
и как же может быть иначе?..

Бегут соленые грибки,
бежит, гортань лаская, водка,
за ней, естественно, — селедка,
затем — бульон и пирожки.

Потом бежит бифштекс с яйцом,
бежит компот по пищеводу,
а я с ликующим лицом
бегу слагать о беге оду.

Бежит еда в последний путь,
рифмуясь, булькая, играя,
не замедляю бег пера я,
авось и выйдет что-нибудь!

Свидетельствую вам

(Сергей СМЕРНОВ)

Я родился на земле Тавриды
И за это
Крым превозношу.
Запахи Массандры и ставриды
Персонально с той поры ношу.

Жил на Волге, зрея постепенно,
Грамоте учился, не зевал.
Был на стройке метрополитена
Плюс
потом, конечно, воевал.

Проходя по всем анкетным данным,
Стал поэтом,
сидя на «губе».
Преодолевая постоянно
Вотум недоверия к себе.

Время шло,
меня начальник штаба
Ел глазами из-под козырька,
Мой талант районного масштаба
Вырос под эгидой ПУ РККА.

Жил я,
не надеясь на кривую,

Не копил зажиточных телес,
Заимел жену как таковую,
Уникально в классики не лез.

Путь торил
и в радости и в горе,
Лишних причиндалов не беря.
И сутубо горд, что в общем хоре
Есть мое
конкретное
«Уря!».

Не привык завидовать чужому,
У меня и мысли этой нет.
Если делать — только по большому
Счету, разумеется.
Привет!

Береза

(Ирина СНЕГОВА)

Березы — это женщины земли.

Да, я береза. Ласковая сень
Моя —
приют заманчивый до всхлипа.
Мне безразлично, что какой-то пень
Сказал, что не береза я, а липа.

И нипочем ни стужа мне, ни зной,
Я все расту; пускай погода злится.
Я наливаюсь каждою весной,
Чтоб в «Августе» страницами пролиться.

Пусть критик
на плетень наводит тень,
Пусть шевелит зловердными губами.
Мы, женщины-березы,
каждый день
Общаемся с мужчинами-дубами.

Обжалованию подлежит

(Владимир СОЛОУХИН)

Страдал Гаврила от гангрены,
Гаврила от гангрены слег...

Никифор Ляпис (Трубецкой)

Все началось с того, что проездом из Оленина в Париж был я на приеме у патриарха всея Руси.

Услышав мою фамилию, патриарх благосклонно сказал: «Христос с тобою!» — кивнул, пригубил рюмочку коньяка и откусал ложечку икорки.

Но в этот незабываемый для меня момент я вдруг почувствовал легкую ущемленную боль. Придя домой, я поднял ногу и спустил трусы (вернее, сначала спустил трусы, а потом поднял ногу). Сантиметрах в пяти ниже... и сантиметрах в трех правее я увидел крохотный бугорочек.

Естественно, я тотчас сел в машину, включил зажигание (опять кольнуло), выжал сцепление (слегка зануло) и дал газ (боль отдалась в пояснице).

...Светило было старое. Оно долго прилаживало слуховой аппарат, потом слушало мои сбивчивые объяснения, затем минут сорок искало очки и бинокль, потом вяло мяло пергаментными пальцами мой бугорок и наконец сказало: «Э-гм».

Итак, приговор вынесен! Значит, я обречен! Меня не будет! Конечно, я предполагал, что рано или поздно это произойдет. Но почему именно я и так рано? Беру наугад знаменитые имена.

Франс — 80, Тагор — 80, Толстой (Лев) — 82, Гете — 83, Чуковский — 83, Шоу — 94, Джемс — 99.

Главное, что меня угнетало, это огромное количество незавершенных дел.

Надо начать и кончить два романа, повесть и три рассказа (стихи не в счет). Посадить и вырастить хотя бы корней 500 яблонь и груш. Взять со сберкнижки немножко денег (они как раз у меня кончились) и посмотреть у какой-то бабки икону якобы XIV века. Надо свести счета с врачами нашей ведомственной поликлиники, которые ничего не понимают ни в литературе, ни в медицине и лечат всех писателей только от геморроя (но ведь не все писатели сидят; некоторые пишут стоя и даже лежа). И, наконец, заказать в Литфонде путевки в Коктебель на август и, огорчив старую семью, осчастливить мою молодую и прекрасную Еву, к которой раньше все относились плохо, зло, жестоко, потребительски (а я превыше всего ставлю духовное начало).

Интеллигентные кавказцы на «Волгах», взглянув на нее, превращались в баранов за баранкой. Но Ева, будучи белой женщиной, предпочитала волосатым грудям и цитрусам интеллект и антоновку.

...В конце концов выяснилось, что светило потухло, совершив последнюю в своей жизни ошибку (я был здоров как племенной бык).

Если бы я был верующим, а не членом СП СССР, то, подложив домотканый коврик (чтобы не портить брюки), встал бы на колени перед иконой XVI века (10 000 долларов на международном рынке коллекционеров) и сказал бы: «Благодарю, господи!»

У подножия Машука

(Валентин СОРОКИН)

Качнулся Лермонтов, и пуля
Впилась в меня, пронзая тишь.
Россия, ты на карауле,
Так почему же ты молчишь?

Я замер, варезку разинув,
Когда, кривя в улыбке рот,
Передо мной возник Мартынов,
Не Леонид, не наш, а тот...

Играл убийца пистолетом,
На что он руку поднимал?!
Я с Лермонтовым был, об этом
И сам Андроников не знал.

И вот он выстрелил, мошеник,
И пуля мне заткнула рот.
Навек! А как же современник,
Страна, поэзия, народ?!

Что ж, не от пули, так от яда...
Судьба поэта догнала.
Ну пусть бы Лермонтов... Но я-то!
Россия, где же ты была?

Россия по-сиротски взывала
И покачала головой:
— Ах, если б так оно и было —
Ты пал, а Лермонтов — живой...

Матренино подворье

(Владимир СУВОРОВ)

Что делать нам, Матрена Алексеевна?
Еще в полях не пахано, не сеяно,
А и посеют — не сберут добром.
Что ждет тебя, мою голубку сизую?
Ни паспорта с израильскою визою,
Ни брата, ни сестрицы «за бугром».

А нас с тобою не года состарили,
А мы пошли талоны отоварили
Да и ведем за чаем разговор.
О том, о сем... Но больше о божественном,
О праведном, возвышенном, торжественном...

В колхозе у Матрены Алексеевны
Уж сколько лет не пахано, не сеяно
И мяса вкус Матреною забыт.
Давно она не ждет Иван-царевича,
Проханова читает, Шафаревича,
«Наш современник» на столе раскрыт.

Душой мы не приемлем буржуазности,
А праведность — она всегда от праздности,
А праздность — это праздник для души.
Вот если бы по щучьему велению
Да если бы по нашему хотению...
А на какие — вот вопрос — шиши?

А может, взять и просто потрудиться нам?
Но это, право, чуждая традиция,
Попробуем — и не туда зайдем...
И сразу же погрязем в бездуховности,

В комфорте, изобилии, греховности,
Не зря же мы идем другим путем.

Пускай теперь Гайдар, Собчак, Пияшева
Потрудятся для процветанья нашего,
А мы покуда — в баньку, на полук.
Потом накупим на талоны водочки,
Сопрем в колхозе ржавый хвост селедочки
И поплюем с Матреной в потолок.

А то слетаем к Сарре Моисеевне,
И вспахано у них там и засеяно,
И убрано!.. Евреи — ловкачи!
И мясо там у них, и фрукты-овощи,
Живут же без гуманитарной помощи...
Но мы зато — веками на печи!

Рабочая неделька

(Михаил ТАНИЧ)

На недельку до второго
Я уеду в Комарово,
За недельку я за эту
Что-нибудь соображу.
Прибежит тогда к поэту
Композитор, спросит: «Нету?»
Я отвечу: «Что ты, милый,
Я друзей не подвожу!»

Хорошо, не зная горя,
Хоть чуть-чуть побыть у моря,
Наблюдая острым глазом
Рыжих белочек возню.
Если ум зайдет за разум,
Стану храбрым водолазом.
Впрочем, лучше на земле я
Снова песню напишу.

А потом я вновь уеду,
А потом опять приеду,
Может, где-нибудь в Анапе
План свой выполню сполна.
Тексты есть — и дело в шляпе,
Ты найдешь меня в ВААПе,
На общественных началах
Пусть работает волна...

Любовь и витамины

(Лариса ТАРАКАНОВА)

Ты востренький глаз положил
на кого-то.
Тебе не любви — витаминов охота.
И слаще любого любовного вздора
Прозрачный апрельский кружок
помидора.

Я тщетно пыталась понять,
в чем причина,
Но как измельчал в наше время мужчина!
Какое он жалкое нынче создание!
Он ходит на рынок, а не на свиданье...
Он губ не кусает в истоме любовной,
Грызет с наслаждением хвостик морковный.
Дороже и слаще любовного бреда
Сопенье блаженное после обеда...
Скажи мне, мужчина,
ответь, современник,
Зачем ты любовному делу изменник?
И он отвечает — не скажешь яснее:
— Намного дешевле, полезней, вкуснее...

Давай не говорить

(Марина ТАРАСОВА)

Давай не говорить о лете,
лоскутик памяти порви.
Сегодня нет со мной
на свете
ни колоска твоей любви.

Судьбы моей поникли перья,
любви загнулся колосок.
Порвалась ниточка доверья,
и выпал дружбы волосок.

Подохла в клетке птичка страсти,
котенок ласки не поет.
И щепочка бывшего счастья
в корыте памяти плывет.

Давай погасим пламя муки,
обида тряпочку порви.
Меж нами дырочка разлуки
и нет ни корочки любви.

Ты не смотри на это косо,
как ясный полдень на грозу.
Ведь я нашла отличный способ
немножко выжимать слезу...

Тори оно огнем

(Виктория ТОКАРЕВА)

Свой талант я ощущаю по утрам. И ежедневно с 9 до 12 отдаю его человечеству.

В воскресенье я встаю в десять пятнадцать и сажусь писать рассказ о своей подруге детства. Ее зовут Рената. У нее красивые волосы, стройные ноги и глаза беременной ехидны.

Рената работает в Бюро эстетики. Она путает эстетику с косметикой, но ей нравится слово «бюро».

У нее был муж по фамилии Христозопуло. В прошлом году он навсегда уехал в Аддис-Абебу стрелять пингвинов. Об этом он мечтал с детства.

За Ренатой уже двенадцать лет ухаживал Кузькин по прозвищу Членистоногий. У них двое детей и «Жигули». Они не любят друг друга, но делают вид, что любят. Он кинооператор-подводник. Во время съемок акула откусила ему два пальца. С тех пор он немного прихрамывает и невнимательно застегивает брюки. О Ренате он говорит: «Это ей как два пальца откусить».

Если бы Рената была космонавтом, то давно улетела бы к Кузькиной матери. Она любит ее всеми фибрами и хромосомами. Если бы это случилось, Кузькин, осознав свою не востребова-

ность, с удовольствием захромал бы на свои съемки. И, может быть, разыскал ту акулу...

Они входят в ту минуту, когда я подношу к бумаге свой «Паркер».

— Пишешь? — спрашивает Рената. Она видит, что я пишу, но ей нравится действовать мне на нервы.

— Пишу, — отвечаю я, хотя уже не пишу, а испытываю желание завять с постепенным крещендо.

— Что такое любовь? — спрашивает Кузькин.

Вопрос обращен ко мне. Как будто я Марина Влади, Черчилль или Коперник!

— Любовь — это болезнь, похожая на аппендицит, — говорю я.

Кузькин хохочет. Это кажется ему остроумным.

Он хохочет, а у меня повышается субфебрильная температура. Как у обезьяны из сухумского питомника, когда она слышит голос Кобзона.

Мои глаза наполняются слезами. Я понимаю, что день пропал.

Я вспоминаю Христозопуло, с ним мы дружили в школе.

Уезжая, он мне сказал:

— Рената дура. А Виктория значит «победа». В жизни нет счастья, девочка. А если тебе захочется чего-нибудь щемящего, сунь голову в пасть медведя. Лучше гималайского.

Другое прощание

(Юрий ТРИФОНОВ)

Она проснулась, хотя не спала уже два года, и стала думать о ревности, какое это глупое чувство, особенно теперь, когда его нет и чувства тоже нет, а что есть, и есть ли вообще что-нибудь, она не знала.

Она вспомнила, как они познакомились, и он пленил ее тем, что мог, не задумываясь, произносить слова наоборот, как она крикнула: «Электрификация!», уверенная, что он запнется, не сможет сразу, а он немедленно сказал: «Яицакифирткелэ», — они проверили, оказалось все точно, она засмеялась и уехала с ним в Ялту.

Он писал диссертацию, тема интереснейшая, исторический казус, вернее, парадокс — жил ли денщик генерал-аншефа Дурново Никифор в октябре — ноябре 1913-го с кухаркой Грушей, а если не жил, то откуда у Груши в самый канун первой империалистической ребенок. Он и ребенка этого разыскал, живет в Париже, командировку в Париж ему не дали, ученый секретарь сказал только: «Вы что, охренели?» — а ведь учились вместе, сидели за одной партой, он написал тому в Париж, ответ пришел только через полгода из прокуратуры. Потом пришло письмо из клиники, приглашали на конференцию, обсуждали что-то

вроде наличия навязчивой идеи при отсутствии диссертательности, Сережа бешено хохотал, крича при этом: «Пусть у них голова остынет!», свекровь обвиняла во всем Ольгу Васильевну, хотя маразм старухи крепчал день ото дня и это было неправдой.

Потом в их жизнь вошел спиритизм, черная и белая магия, оккультизм и парапсихология. Она мучилась, ей казалось, что психология ему не пара, боялась, что ему пара — Мара из пивного бара, где он ежедневно обмывал свои неудачи.

Плохо было и с дочерью — Ирка совсем от рук отбилась, тринадцать лет, трудный возраст, встречалась с Борей, мать Ольги Васильевны у него училась, восемьдесят первого года рождения, прекрасно сохранился, академик, ездила с ним на каток, академик блеял от радости, стучаясь библейской лысиной об лед, обещал жениться, как только разрешит его мама, а Ирка возвращалась под утро, грубила Ольге Васильевне, а потом рыдала, и она рыдала тоже, а нарыдавшись, пили чай на кухне, ловили за усы рыжих тараканов и запускали ночью под дверь в комнату свекрови — ей тоже одиноко, хотя в прошлом она юрист и знакома с Луначарским.

Все это было утомительно и непонятно, она понимала, что прощание оказалось слишком долгим и надо было начинать другую жизнь в новом мире.

Разговор с вороном

(Николай ТРЯПКИН)

Говорят — промчатся годы,
и кругом померкнут воды,
И восходы и закаты
запакуются в багаж;
И фотонные ковчеги
прорыдают в мертвом снеге,
А потом за пылью Млечной
промерцают, как мираж.

Как-то в полночь за деревней
я сидел на лавке древней,
И, чего-то вспоминая,
кой о чем подумал я.
Вдруг летит из мрака птица,
на плечо ко мне садится,
И скажу я вам, ребята,
обмерла душа моя.

Я сказал ей: «Птичка божья,
ты на всех чертей похожа,
На испуг берешь поэта,
чтоб тебя, нечистый дух!
Отвечай-ка мне без спора,
буду ль я прославлен скоро,
И когда по всей России
обо мне промчится слух?»
Погрустнела ворон-птица,
головую вниз клонится,
Жутко стало отчего-то;
темнота вокруг и тишь...

Наконец, расправив перья,
скрипнув клювом, точно дверью, —
«Nevermore!» — прокаркал ворон,
что по-русски значит «шиш».

Красная Пашечка

(Людмила УВАРОВА)

В конце лета мать с трудом оторвала голову от подушки и слабым голосом позвала Пашечку.

Уж лет десять прошло с тех пор, как ушел от нее муж, Пашечкин отец, красавец, певун, гулена, бабник, любитель выпить и закусить.

Мать слегла. Врачи определили полиомиелит, потерю памяти, тахикардию с перемежающейся экстрасистолой, хронический гастрит, чесотку и энцефалопатический синдром.

— Сходи к бабушке, дочка, — прошептала мать. — Отнеси ей пирожков. Пусть порадует. Недолго уж ей осталось.

Мать хитрила. Она сама чувствовала приближение рокового конца и хотела отослать дочь подальше...

Бабушка жила одна в глухом лесу, где до ухода на пенсию по инвалидности работала уборщицей в театре оперы и балета.

Как-то, заменяя внезапно умершую балерину, она упала в оркестровую яму, сломала ноги, руки, шею, позвоночник и выбила зубы.

С тех пор уже не вставала.

Раз в год Пашечка носила ей пирожки с начинкой из продукции фирмы «Гедеон Рихтер». Бабушка радовалась, ничего не видя и не слыша, и толь-

ко выбивала желтой пяткой мелодию вальса «Амурские волны».

Вот и сейчас Пашечка собрала корзинку и, тяжело опираясь на костыли, вышла из дому.

Все называли ее Красной Пашечкой из-за нездорового румянца, который был у нее с детства. Она страдала рахитом, эпилепсией, слуховыми галлюцинациями и аневризмой аорты. И ходила поэтому с трудом.

На лесной тропинке встретился ей Алексей Сергеевич Волк, лучший в лесу хирург, золотые зубы, резавший безболезненно и мгновенно.

У него было размягчение мозга, и он знал это. Жить оставалось считанные минуты.

Еле передвигая ноги, Волк подошел к упавшей от изнеможения Красной Пашечке. Она слабо улыбнулась.

— К бабушке? — тихо спросил Волк.

— К ней.

— Поздно, — сказал Волк и, привалившись к березе, дал дуба.

Пашечка вздохнула и отошла. Последнее, что она увидела, был пробежавший мимо хромой заяц с явными признаками язвы желудка и цирроза печени.

Она приказала ему долго жить.

Среди грибов

(Владимир УРУСОВ)

Я с любимой запрюсь где-нибудь,
учиню ей допрос, да с пристрастьем.

Взгляд блестящий — как лед голубой.
Закурю и вздохну отрешенно:
— Мухомор, что гуляет с тобой,
чем он лучше меня, шампиньона?

Замер лес, дух лесной затая,
когда крикнул я басом гневливым:
— Я слышал, что волнушка моя
загуляла с масленком сопливым?!

Я сдержать возмущенья не мог,
И ревнивою злобой налился.
— Это что ж за поганый грибок?
И откуда он вдруг появился?!

А она — видно, совести нет;
мол, о чем говорить с дурачками?
только шляпкой качнула в ответ:
— Надоело гулять со сморчками!..

Пират

(Эдуард УСПЕНСКИЙ)

Лился сумрак голубой
В паруса фрегата,
Собирала на разбой
Бабушка пирата...

Лился сумрак голубой,
Шло к июлю лето.
Провожала на разбой
Бабушка поэта.

Авторучку уложила
И зубной порошок,
Пемзу, мыло, чернила
И для денег мешок.

Говорила: — Ты гляди,
Дорогое чадо,
Ты в писатели иди,
Там разбой что надо!

Не зевай, не болтай,
Дело знай отменно.
Ты давай изобретай
Крокодила Гену!

Ты гляди, не будь дурак,
Ром не пей из бочки.
И старушку Шапокляк
Доведи до точки...

Это сущий пустяк, —
Ремесло пирата...
Ну а если что не так, —
Бабка виновата...

Ты запомни одно,
Милый наш дурашка:
Золотое это дно —
Крошка Чебурашка!

Флоды вДохновения

(Раим ФАРХАДИ)

С лозы моей две виноградины
Твоими глазами украдены.
Два персика. Яблока два.

Вчера увела ты ручьи.
Теперь они — косы твои.

Мы месяц ко мне приходила.
Весь месяц по саду ходила.
Теперь я по саду брожу.
Тебя вспоминая, дрожу.
Две дыни. Четыре арбуза.
(Еще называется — Муза!)
Урюка шестнадцать мешков.
С айвой шестьдесят пирожков.
Не зря ты ходила по саду...
Двенадцать кг винограду.
И персиков восемь кг.
Да центнер кизила. Эге!
Приехала ты на Пегасе.
Он крыльями хлопал и пасся...
Расходов моих на фураж
Уже не окупит тираж.
Какие жестокие пытки —
Подсчитывать скорбно убытки!
Как после набега хазар
Мне не с чем спешить на базар.

Однако и дал же я маху!
Не бросить ли рифму к аллаху...
Спокойно дехканином жить —
Дешевле, чем с Музой дружить...

Безумные груди

(Василий ФЕДОРОВ)

Я не знаю сам,
Что делаю...

Ослепили груди белые,
До безумия красивые.

И, быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую,
То целую эту, правую...

Я не знаю сам,
Что делаю.
Вы, надеюсь, мне поверите.
Ослепили груди белые,
Расположенные спереди.

Уж они такие
Смутлые,
До того ж они отличные!
До безумия округлые
И на диво симметричные.

По какому только
Праву я,
Сам не знаю,
Их обследую?
Та, что справа грудь, та — правая,
Ну, а слева, значит, левая.

И о них слагаю
Гимны я,

Что ни строчка,
То признание.
До того ж они интимные,
Что теряется сознание.

Грудь моя
Томленьем скована,
Поцелуи намечаются.
Но... писать уже рискованно.
На грудях стихи кончаются.

Не до Европ

(Ольга ФОКИНА)

Мне рано, ребята, в Европы
Дороги и трассы торить...

Мне рано в Европы, ребята,
Меня не зови, Лиссабон.
Мне ехать еще рановато
В Мадрид, Копенгаген и Бонн.

Билет уж заранее куплен
В деревню, где буду бродить.
Не сетуйте, Лондон и Дублин,
Придется уж вам погодить.

Мужайся, красавица Вена,
Боюсь, мы не свидимся, Киль...
Ведь мне, говоря откровенно,
Милей вологодская пыль.

Не ждите, Альпийские горы,
Не хнычьте, меня не вина...
Какие поди разговоры
В Европах идут про меня!

Смеются Женева и Канны,
От смеха Афины в слезах:
— Мадам, вам действительно рано,
Сидите в своих Вологдах...

Уход Фонякова из дома рано утром по своим делам

(Илья ФОНЯКОВ)

Парк пел и плакал на ветру
До полшестого.
Хватились в доме поутру:
Нет Льва Толстого.

Куда ж девался Лев Толстой?
Ведь не иголка...

Ведь как-никак — «Война и мир»
И «Воскресенье»...

Парк пел и плакал на ветру,
Выл бестолково.
Хватились в доме поутру:
Нет Фонякова!

В саду следы от башмаков...
Стол, кресло, полка.
Куда ж девался Фоняков?
Ведь не иголка.

Вот приготовлена еда,
И стынет кофе.
Неужто сгинул навсегда,
Как на Голгофе?!

Все в панике, кричат: «Эге!»
Ворон пугают.
Ведь как-никак спецкор «ЛГ»,
Стихи слагает!

Неужто вышел просто так
И не вернется?
Ведь он писатель как-никак,
Он издается!

Ушел, быть может, как Толстой,
Судьбу почуяв?
Ведь как-никак не Островой,
Не Феликс Чуев!

И только дворник дед Егор
Стоит, смеется:
— Да просто вышел он во двор.
Сейчас вернется...

Разговор знатоков

(Яков ХЕЛЕМСКИЙ)

«Боржоми» лучше пить в Боржоми
и «Ашахени» — в Ашахени.
Пленяет вас в открытом доме
Первоисточника вкушенье.

— Скажу как можно откровенней,
Мне с каждым годом все яснее,
«Бордо» в Бордо куда отменней,
А «Херес» в Хересе вкуснее.

— Отведав несравненной влаги,
Познавши истину в стакане,
«Малагу» лучше пить в Малаге,
Как и «Шампанское» в Шампани.

— «Кагор» в Кагоре лучше вдвое!
— «Токай» в Токае свалит черта!..
Так мило рассуждали двое
В квартире у Аэропорта.

Мужчина и женщина

(Дмитрий ХОЛЕНДРО)

Галя была маленькая, все у нее было маленькое, и даже рассказ о ней получился маленький.

Работала она завклубом. Клуб сельский, маленький, село маленькое, и даже море из маленького окошка казалось маленьким.

Влюбился в нее местный бандит Коля Бряк, большой, все у него было большое, большой он был дурак, и чувство его к Гале было большим и чистым.

Большими пальцами он терзал балалайку, вздыхал, изредка избивал односельчан, читал Агату Кристи.

А Галя плакала, не зная, как написать отцу. Ведь он старенький, седенький, и сердце у него было слабенькое. И он ее любил.

— Коля, — говорила она.

— Нельзя? — спрашивал он и, легонько размахнувшись, бросал в море эвкалипты.

— Ну почему я такая маленькая и глупенькая? — плакала Галя.

И рассказ маленький, тепленький такой, но все равно, как ни крути, художественное произведение...

Вчерашний день

(Евгений ХРАМОВ)

Золотились луковицы храмов,
Вышел я, Евгений Львович Храмов,
И собою солнца диск затмил.
Я царю сказал: «Посторонитесь...»
Все вокруг шептались: «Что за витязь?
Как красив он, смел, умен и мил!»

Кубок опрокинув без закуски,
Говорил я только по-французски,
В золотой затянут был мундир.
Треуголку снял Наполеошка
И сказал, грассируя немножко:
«Ша, французы, это — командир!»

Я в салоне сел к роялю «Беккер»,
Несравненный Вилли Кюхельбекер,
Рдея от смущенья, подошел.
Говорить хотел, но не решался,
А потом и вообще смешался,
Высморкался, хмыкнул и ушел...

...В этом месте разлепил я веки,
Жаль, что я живу в двадцатом веке
И былого не вернуть, хоть плачь...

Ничего со мною не случилось.
Это мне с похмелья все приснилось,
Я очкарик, рохля и трепач.

Лирика с изюминкой

(Владимир ЦЫБИН)

Я слышу, как под кофточкой иглятся
соски твои — брусничинки мои,
ты властна надо мною и не властна,
и вновь сухи раскосинки твои...

Мы вся была с какой-то чертовщинкой,
с пленительной смешинкой на губах,
с доверчинкой до всхлипинки, с хитринкой,
с призывной загогулиной в ногах.

Ты вся с такой изюминкой, с грустинкой,
с лукавинкой в раскосинках сухих,
что сам собою нежный стих с лиринкой
слагаться стал в извилинках моих.

Особинкой твоей я любовался,
вникал во все изгибинки твои,
когда же до брусничинок добрался,
взыграли враз все чувствинки мои.

Писал я с безрассудинкой поэта,
возникла опасенка уж потом —
вдруг скажут мне: не клюквинка ли это
с изрядною развесинкой притом?..

Серебряное сердце

(Владимир ЧИВИЛИХИН)

Удивительный человек Алексей Шерешперников!

Кряжистый, поперек себя ширше. Хотя и не чалдон, а к Сибири прикипел, в урмане спал, пихтой укрывался.

Образованный, даже таблицу умножения чуть ли не наизусть помнил.

Одно слово — изыскатель.

Еще со студенческой скамьи умных разговоров не переваривал. Когда затевался разговор о любви там или о княжестве Монако, молча поворачивался и уходил в спортзал. Брал пару двухпудовок и в окно к спорщикам... Кровь молодая, горячая.

Молчун. Безответный, слова не вытянешь. Но смеяться любил смачно, заразительно, без причины. И пел.

Жену свою видел два раза. Любил крепко.

А интеллигентной пижонинки не терпел.

Слов на ветер не бросал. Да и знал их не много: от силы тридцать пять — сорок, в том числе «однако».

Зато работник был замечательный, золотая голова, серебряное сердце, медные волосы, железные кулаки.

Однажды на него напал медведь. На крик медведя сбежались люди из соседних партий. Прибежали, видят — мокрое место, а Шерешперников сидит и плачет.

Как-то доверил студенту-практиканту сопку взорвать. Динамит из Новосибирска самолетом доставили. А сам на ту сопку спать лег, умаялся за день, забыл... Под Абаканом дело было. Очнулся в Переделкино. Ну, раз такое дело, в Москву съездил. Не понравилось. Квартиры отдельные, спать на кровати, сидеть на диване, если что — санузел. Махнул рукой и махнул назад. А студенту тому только и сказал, усмехнувшись:

— Теодолит твою в кедрач!

Сколько трасс проложил он по Сибири, сколько начальников обложил по России-матушке, о том одни кержаки знают.

Шайтан, однако, мужик!

Величальная

(Феликс ЧУЕВ)

Каким здоровьем нужно обладать,
чтоб быть на свете русским человеком!

Какую ж нужно силушку иметь,
чтоб всю отдать
и стать еще сильнее!

Мне гордости вовеки не избыть,
я горд всегда
и не могу иначе.
Каким же нужно фантазером быть,
чтоб все спустить
и стать еще богаче!

Как нашему народу не воздать,
как из него не сотворить кумира.
Каким здоровьем нужно обладать,
чтоб все сгноить
и содержать полмира!

Кто б мог такое, кроме нас, суметь —
терпеть гордась,
склоняться и не охнуть.
Какую ж нужно силушку иметь,
чтоб все сгубить
и до сих пор не сдохнуть!

Размышления о бессоннице, фасоне и Фогельсоне

(Олег ЧУХОНЦЕВ)

Люблю, простите бога ради,
Всю ночь стихи писать в тетради,
Под утро погружаясь в сон.
Люблю друзей. И с ними иже
Мне более всех прочих ближе
Мой друг — редактор Фогельсон.

Он дядя самых честных правил,
Когда мои стихи он правил,
По слухам, сильно занемог.
Его пример другим наука,
Теперь здоров. Но в том и штука,
Что лучше выдумать не мог.

Не описать моих страданий,
Я долго ожидал изданий —
Отныне мне сам черт не брат!
Теперь убогих нет чухонцев,
Но есть поэт Олег Чухонцев,
Который славен и богат.

И я готов слагать бессонно
Стихи во славу Фогельсона,
Пусть убедятся в этом все.

Хотя мне далеко до срока,
Лев Аннинский, великий дока,
Мне посвятил свое эссе.

Я отдал должное указу,
Не тяпнул водочки ни разу,
Все силы — резвому перу.
А впрочем, что там эссеисты,
Ведь вот уже и пародисты...
Отныне весь я не умру!

Зацеп

(Александр ШЕВЕЛЕВ)

Терпким словом меня зацепила
И во тьму за собой повела.
Лишь на самом рассвете спросила:
— На твоей я ладони спала?

Женский взгляд — это страшная сила,
Все сметающий бурный поток...
Терпким взглядом меня зацепила,
Так что я отцепиться не смог.

Ты меня до рассвета любила,
Я тебя до рассвета любил...
Ты на Невском меня подцепила,
Я к утру у тебя подцепил...

Кладбищенский мотив

(Екатерина ШЕВЕЛЕВА)

А холмик да обугленный лесок
Легенду о компартии хранят.

Зачем я до сих пор в ней состою?
Зачем на протяжении стольких лет
Себя я ощущала как в бою,
За пазуху запрятав партбилет?

За пазуху запрятав партбилет,
Себя я ощущала как в бою.
И вот теперь, увы, на склоне лет
У холмика могильного стою.

Кладбищенский покой и птичий писк
И траурно шуршащий скорбный лес...
Подгнил и покосился обелиск.
Читаю надпись: «Спи, КПСС».

Я чувствую, как мой пылает лоб,
Народ звереет от марксистских клизм,
И вот, к всеобщей радости, усоп
Построенный в боях социализм.

Внезапно наступил позорный крах
Так мною обожаемых идей...
Марксизма-ленинизма тлеет прах.
А может, это лучше для людей?

Партвзносы я платила столько лет,
Ну а теперь вот-вот пойду с сумой...
Пожалуй, сдам в музей свой партбилет,
А деньги — пригодятся мне самой.

О ранних и поздних стихах

(Олег ШЕСТИНСКИЙ)

И мне никто сейчас не говорит,
что гласом я
с Державина пиит,
наоборот — косят меня иные.

Что я не Пушкин,
в этом спору нет.
Но неужели даже не Державин?!
Ведь я с годами
с виду стал державен,
и теща говорит, что я — поэт.

Ну, не Державин.
Даже пусть не Блок.
Не Маяковский в лихорадке буден.
Но, черт возьми,
неужто я не Дудин?
Я сочинил немногим меньше строк...

Пускай не Дудин.
Он большой поэт
и, говорят, бывает в Эрмитаже.
Но неужели
я не Кобзев даже?
Ведь дальше никого уже и нет!..

Но как-то раз,
прервав мои мечты,

в приемный день ко мне явилась муза
и молвила:

— Вы — секретарь Союза,
служенье муз не терпит суеты...

На пути к себе

(Вадим ШЕФНЕР)

Говорят, что плохая примета
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне.

Безусловно не веря приметам,
Чертовщиной мозги не губя,
Тем не менее перед рассветом
На дороге я встретил себя.

Удивился, конечно, но все же
Удивления не показал.
Я представился: «Шефнер». Я тоже
Поклонился и «Шефнер» сказал.

Мы другу другу понравились сразу.
Элегантны и тот и другой.
Я промолвил какую-то фразу,
Я ответил и шаркнул ногой.

Много в жизни мы оба видали,
Но свидание пользу сулит.
Я себе рассказал о Дедале,
Я поведал себе о Лилит.

Я и я очарованы были,
Расставались уже как друзья.
Долго шляпы по воздуху плыли,
Долго я улыбался и я.

К чудесам мы приучены веком,
Но такое — непросто суметь!
С умным, знаете ли, человеком
Удовольствие дело иметь!

Мень фортуны

Конспект книг Игоря Шкляревского

(Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ)

Момление. Весна. Болит колено.
Уехал брат. Приехала Елена.

Похолодание. Приехал брат.
Уехала Елена. Снегопад.

Зима. Спилили тополь на полено.
Уехал брат. Приехала Елена.

Уехала Елена. Выпал град.
Тень птицы на стене. Приехал брат.

Елена! Брат! Елена! Я меж вами!..
Как воздух пуст! Я не могу словами...

Я пришел дать вам репку

(Василий ШУКШИН)

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. И в ту же пору занедужил старик. Ишо нонче шабаршился в огороде, сурьезное дело исделал: от репки курок отогнал: склюют раскуды. А даве маяться начал, формально одурел, усох.

Душа стала вялая, как ботва.

«Нет счастья в жизни», — подумал старик.

Выпил красенького стакан. Оно ить скусно.

— Помираю я, бабка, — сказал старик. — Конец.

— Да ну тя!.. Почто гнусишь задарма? Чего эт надумал! А репку тянуть? Хоть счас-то не ерепенься. Что жа я одна могу? Оклимаисси! Поисть дать?

— Всю жизнь растил репку, — прохрипел старик. — Вытянуть бы, наверно, с год все село кормить можно было. Сей жа час отпиши внучке. Она красивая кыса. Пушай суды едет. Да и хахаль у ней. Живет такой парень.

— У ей, кажись, два Федора, — робко сказала бабка. — Нешто приедут они? Рази отсудова выбересси! Они на Кафкас ездют, раскасы пишут, на пианинах мучаются. Сороконожки!

— Молчи, дура! Ни под каким лозунгом такого быть не может. Почто страшисси? Приедут они, сымут репку, заодно и кино вытянут. Баламуты.

Подошла Жучка, сука добрая, но шалавая. Слабеющей рукой поднял дед кипящий самовар, запустил в Жучку. И ожил.

А в огороде истлевала репка.

Когда скошено и вылазит

(Александр ЩУПЛОВ)

У меня нахальством плечи скошены
и зрачки вылазят из углов.
Мне по средам снится критик Кожин
с толстой книгой «Тютчев и Щуплов».

Сегодня я — болтун, задира, циник —
земную тяжесть принял на плечо,
и сам себе — и Лев Толстой, и Цыбин,
и Мандельштам, и кто-то там еще.

Собрались вместе Лев Толстой и Цыбин,
и Мандельштам, и кто-то там еще.
И вроде бы никто из них не циник
и все что нужно принял на плечо.

— Вы кто такой? — у Цыбина Володи
спросил Толстой. — Не знаю вас, мой друг,
мы в свете не встречались раньше вроде...
— А я Щуплов! — ответил Цыбин вдруг.

Толстой застыл, сперва лишился слова,
потом смутился и сказал: — Постой,
не может быть, откуда два Щуплова?
Ведь я Щуплов! — промолвил Лев Толстой.

Стояли молча рядом два титана.
— И я Щуплов! — кричали где-то там.
И, чувствуя себя довольно странно:
— И я Щуплов! — воскликнул Мандельштам.

Вокруг теснилась публика, вздыхала,
и кто-то молвил зло и тяжело:
— На молодого циника-нахала,
должно быть, вновь затмение нашло.

Мера, химера, я

(Илья ЭРЕНБУРГ)

Когда я приехал в Париж в семьдесят первый раз, Эйфелева башня стояла на прежнем месте. Химеры Нотр-Дама вполголоса повторяли мои стихи: «Арбат мне с каждым годом ближе, привет Арбату из Парижа». Над Европой сгущался коклюш. Тигр Клемансо подхватил насморк и забросил его в Алжир. По всему чувствовалось, что без меня не обойдется. Толпы парижан осаждали отель, где я жил. Они скандировали: «В Африку, к макакам!» Полиция с трудом сдерживала толпу людей. Нужен был я. Все хотели пожать мне руку. Я подавал ее всем без разбора, так что через неделю почувствовал, что очень устал. Назревала эпидемия эренбургизма. Химеры Нотр-Дама перестали читать мои стихи и перешли на прозу. Одна из химер охрипла, у другой сделалась дизентерия. Помочь мог только я. Все стремились меня увидеть. Я не показывался, потому что курил трубку и думал: что будет? Было все. Журналисты фотографировали пепел, упавший к моим ногам. Подойдя к окну, я увидел нечто удивительное, но не удивился. Все аплодировали. Оказалось, что аплодируют мне. Лишь через сорок лет выяснилось, что меня приняли тогда за

великую Анну Павлову. Прав был Блок, сказав мне по секрету: «Покой вам только снится». ЛЮДИ жили, ГОДЫ шли, ЖИЗНЬ, как я и предполагал, шла тоже. Об этом мне сообщил Корнель де ля Чуковский. Он жил тогда без меня в Лондоне. «Дай отдохнуть и резервуару», — говаривал Косьма-Пьер Прутков. Оревуар. По-французски это означает «здрасьте, я ваша тетя».

Зубря латынь

(Александр ЮДАХИН)

Давно не навещал друзей в Сибири.
Когда-то с ними мы латынь зубрили,
таскали шпалы ночью сверхурочно,
пивали пиво, выражались точно.

Для счастья много ль нужно человеку,
я жил в Сибири, изучал Сенеку.
В свои мозги латынь вбивал я прочно,
латынь под пиво выходила сочно.
Потом случилось так — я плавал в море,
на вахте повторял: мементо мори!
А дальше жизнь пошла как в киноленте,
короче говоря — фестина ленте.
Пишу стихи, бываю на Пицунде.
Сик транзит gloria, ей-богу, мунди.
Живу, кручусь средь суеты и вздора
по принципу перикуюм ин мора....
Внезапно мне удар нанес редактор:
«Стихи — не люкс. Но — терциум нон датур!»

ПАРТОРГ КОБЫЛИЦЫН

Плач Ярославны, члена бывшей КПСС

Четвертые сутки гуляет столица,
В огнях презентаций родная страна.
Не падайте духом, парторг Кобылицын,
Комсорг Охмуренский, налейте вина,

Мы жертвою пали коварной измены,
Идешь на Лубянку — Дзержинского нет...
А в наших райкомах сидят бизнесмены
И экс-комсомолок ведут в кабинет.

Режим проституток, воров, хулиганов,
На сердце России пульсирует шов.
Оплеван врагами товарищ Зюганов,
Посмешищем стал генерал Макашов.

Вокруг «дерьмократов» поганые лица,
Свободы буржуйской хлебнула страна.
Достать партбилеты, парторг Кобылицын,
Комсорг Охмуренский, начисть ордена!

Где наши литовцы, узбеки, грузины?
Все вдруг устремились в открытую дверь.
Где наши спецдачи и спецмагазины,
Как думать о благе народа теперь?!

ГУЛАГ опустел, ни расстрелов, ни «троек»,
Корабль коммунизма пустили ко дну.
Парторг Кобылицын, не время попок,
Комсорг Охмуренский, налейте одну...

Ах, солнце марксизма, великое солнце!
Оплот ленинизма врагам не сгубить.
Парторг Кобылицын, а может, вернемся?..
Что значит «не любят»?! Заставим любить!

О Ленине нашем плетут небылицы,
Из глоток партийных — то ругань, то стон.
Раздайте пистоны, парторг Кобылицын,
Мы снова России поставим пистон!..

Мы снова загоним баранов в траншею,
Чтоб вновь до получки хватало рубля.

**Мы вновь оседлаем народную шею,
Иначе зачем нам
такая
земля?..**

*Август 1992 г.
Нью-Йорк.*

Эпиграммы

Аркадию Адамову

Следы, следы, следы, следы
Усеяли его труды.
Прочтешь — и новая беда:
Не остается ни следа!

Чингизу Айтматову

Хоть наш читатель умудрен,
Но тут он натерпелся страху.
Ведь он не просто покорен,
Он угодил на «Плаху»!

Ираклию Андроникову

Кипеньем, страстью, живостью
Его отмечен путь.
Чем-чем, а молчаливостью
Его не попрекнуть...

Владимиру Арро

У драматурга острое перо,
Не зря мир театральный удивился.
«Смотрите, кто пришел!» — сказал Арро
И сам явился.

Эдуарду Асадову

Нрочтя Асадова, живите осторожно,
Не он ли объяснил вам, юные друзья,
Когда, где, с кем и что конкретно — можно,
Когда и где и что и с кем — нельзя.

Виктору Астафьеву

Мы ценим писателя острое слово,
Стремимся прочесть поскорей.
Но после «Царь-рыбы» — такого улова! —
Неловко ловить пескарей...

Белле Ахмадулиной

Она читала... Я внимал
То с восхищеньем, то с тоскою...
Нет, смысла я не понимал,
Но впечатление — колдовское!

По поводу книг «Струна» и «Уроки музыки»

Игра талантлива вполне,
Да жаль, что на одной струне.

Олегу Басилашвили

Один момент мне непонятен,
Да как же так, в конце концов:
Интеллигентен, мил, приятен,
А все играет подлецов?..

Юлии Борисовой

Сие — не эпиграмма, а елей.
Я гениальной назову вас даже.
Что за многообразие ролей!
А интонация одна и та же...

Георгию Вицину

Зритель любит Вицина и ждет,
А увидев, горестно вздыхает.
Дело в том, что сам артист не поет,
А его герой не просыхает...

Всеволоду Вишневскому

Нам ли жалеть о временах иных,
О, бедные трагедии античности!
Страстей и бед вполне хватало в них,
Но не хватало им... оптимистичности.

Игорю Волгину

Имя Волгина лишь создается,
Мы за новое имя — горой.
Волгин, Волгин, чей стон раздается?
То читатели стонут порой.

Расулу Гамзатову

Суспехом демонстрирует поэт
Всю многогранность творчества богатого.
Уж невозможно отыскать предмет,
На коем не было бы надписи Гамзатова.

Валентину Гафту

На Гафта? Эпиграмму? Ну уж нет!
Ведь от него же никуда не скроешься.
А Гафт, хоть он актер, а не поэт,
Так припечатает, что не отмоешься...

Илье Глазунову

Вы восторгаетесь? Я — за!
Но смущены, однако, вы:
Что ни портрет — одни глаза,
И всюду — одинаковы!

Григорию Горину

На память я не жалеюсь. И кстати
Больной вопрос о памяти замнем.
Возможно ли забыть о Герострате,
Когда сам Горин написал о нем!

Николаю Доризо

«...**О**гней так много золотых...»
Посмотришь — и не верится.
Стихов так много холостых
У Доризо имеется.

Юлии Друниной

Битвы. Штурмы. Укрепленья.
В доте. В роте. В эскадроне.
Поэтесса — в наступленье.
Мы, простите, — в обороне.

Александру Жарову

О нем скажу я не без лести:
Агитпоэт, невольник чести!

Рине Зеленой

И десять лет спустя,
И двадцать лет спустя,
И тридцать лет спустя —
Дитя!

Михаилу Зощенко

Показал этот маг,
Мастер слова искусного:
От смешного до грустного,
К сожалению, — шаг.

Людмиле Зыкиной

Удалека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга,
Но очень уж долго.

Валентину Катаеву

Кто этой книги не читал,
Пусть горько пожалеет.
Уже и автор белым стал,
А парус все белеет.

Иосифу Кобзону

Как не остановить бегущего бизона,
Так не остановить поющего Кобзона!

Евгению Лебедеву

Играет лошадь. Пожинает лавры.
Теперь ему завидуют кентавры.

Валерию Леонтьеву

Муалеты у него —
Рюши, блестки, вытачки...
А движенья?! Кто его
Дергает за ниточки?

Георгию Маркову

Не оценить мы не могли
Его полотен ширь.
Кто не осилит «Соль земли»,
Тому грозит «Сибирь»!

Сергею Михалкову

Шел трамвай десятый номер
По Бульварному кольцу.
Мимо ехал на машине
Сам писатель Михалков.

Юрию Никулину

О Никулине вовек
Не напишет худо пресса.
Он же умный человек,
Но — под маскою балбеса.

Сергею Образцову

Все видят, что у Образцова
Театр поставлен образцово.
Ведь многие, в конце концов,
Не знают лучших образцов.

Булату Окуджаве

Читатель наш рожден был хватом,
Да жаль его — сражен Булатом...

Раймонду Паулсу

Он пишет музыку без пауз,
В ней есть и радость и печаль.
И, безусловно, Раймонд Паулс
Сам элегантен, как рояль.

* * *

Он с детства с музыкой дружил,
А их так мало, нот...
И если что-то одолжил,
То, видимо, вернет.

Майе Плисецкой

Я говорить о вас бы мог
Экспромтом и не вдруг;
Большой театр без ваших ног
Буквально как без рук.

Борису Полевому

Малант редактора! О, это не пустяк!
Он должен быть и тверд
и в то же время гибок.
И Полевой таков. А если что не так,
То кто же в «Юности»
не совершал
ошибок...

Алле Пугачевой

Никого не обижаю
И в пророки не гожусь.
Пугачеву обожаю,
Пугачевщины — боюсь!..

Эдварду Радзинскому

Во времена Нерона и Сенеки
Ведь тоже жили люди-человеки.
И чтобы быт познать их исполинский,
Туда командирован был Радзинский.

Роберту Рождественскому

Среди песенников ты — первый,
Рядом некого с тобой ставить.
Вспоминаю я твои песни,
Что-то с памятью моей стало...

Юрию Сенкевичу

Свидания с ним интересны всегда —
Весь мир перед нами прошествует!
К тому же у нас разделение труда:
Мы смотрим, а он — путешествует...

Вячеславу Тихонову

Всем и каждому знаком,
Налицо успех и слава.
Все давно «под колпаком»
Обаянья Вячеслава.

Георгию Товстоногову

Достиг в искусстве многого
Кумир проспекта Невского.
Мы любим Достоногова...
Простите, Товстоевского!

Михаилу Ульянову

От роли к роли постоянно рос
Запомнившихся образов создатель.
Героев у Ульянова — колхоз,
А сам он в том колхозе —
«Председатель».

Геннадию Хазанову

Узнав, что Хазанов меня пародирует,
Я было решил, что артист деградирует.
Потом, посмеявшись, открыл как бы заново
Любимого мною артиста Хазанова.

Михаилу Цареву

Мало ль что могло случиться,
Если б в матушке-Москве
Малый жил, как говорится,
Без Царева в голове!..

Мариэтте Шагинян

Кто не видит, так услышит:
Шагинян всегда в труде.
Пишет. Ездит. Ездит. Пишет.
Пишет. Ездит. И т. д.

Владимиру Шаинскому

Так бы слушал целый век,
Да с вокалом тут промашка.
Пишет он как человек,
А поет — как Чебурашка.

Виктору Шкловскому

Виктор Шкловский о Толстом
Сочинил солидный том.
Хорошо, что этот том
В свет не вышел при Толстом...

Сергею Юрскому

Когда б его услышал сам
Месье Гюи де Мопассан,
Должно быть, слезы б он глотал:
«Мне б так писать, как он читал!..»

Евгению Ясину

Шел я мимо Белого — за оградой — домика,
Повстречал профессора, ох и боевой...
Я спросил у Ясина: как там экономика?
Ясин не ответил мне, качая головой.

Владимир Новиков

Александр ИВАНОВ или «Полезный волк»

В современном литературном процессе не много можно насчитать столь противоречивых репутаций, какая сложилась на сегодня у Александра Александровича Иванова (р. 1936). О нем постоянно спорят на самых разных уровнях. Телезрители от души хохочут, когда он с удивительно непроницаемым выражением лица и с отличными актерскими паузами читает свои пародии, а глубоко оскорбленные пародируемые авторы выключают телевизор и строчат реплики в газету или жалобы в инстанции. На своем творческом вечере Булат Окуджава получает записку с вопросом: почему он не подает на А. А. Иванова в суд за пародию «Песня об отсутствии присутствия», а вышеозначенный Иванов тут как тут: поэт сам пригласил его на свой вечер, чтобы он исполнил злополучную пародию в промежутке между песнями. Строгий, взыскательный критик и отличный пародист Зиновий Паперный публикует об Иванове весьма положительную статью под названием «Полезный волк». Другой строгий, взыскательный критик и отличный пародист Бенедикт Сарнов публикует об Иванове весьма отри-

цательную статью под названием «Плоды изнурения»...

Кто же прав?

Не будем спешить с однозначным приговором. Давайте поговорим о конкретном своеобразии работы пародиста, посмотрим на нее с разных сторон.

Для начала с количественной. Александр Иванов печатается с 1963 года. У него вышли книги «Любовь и горчица», «Смеясь и плача», «Не своим голосом», «Откуда что...», «Красная Пашечка», «Пегас — не роскошь», «С Пушкиным на дружеской ноге», «Плоды вдохновения», «Избранное у других», «Слово — не дело». 6 января 1985 года Иванов сообщил корреспонденту газеты «Московский комсомолец», что за 22 года работы он написал 818 пародий, из которых 642 опубликованы (не исключено, что пока печатается наша книга, Иванов уже перекроет тысячный рубеж). Б. Сарнов в своей статье «Плоды изнурения» приводил эти рекордные цифры с нескрываемым ужасом. По его убеждению, такое количество написанных Ивановым пародий не могло не пойти в ущерб их качеству.

Давайте все-таки разберемся с вопросом о соотношении количества и качества в принципе, безотносительно к Александру Иванову и даже отвлекшись от пародии. Вспомнился совсем другой Александр Иванов — художник, работавший двадцать лет над картиной «Явление Христа народу», которая стала главным и самым известным его произведением. И тут же вспомнился Айвазовский, творивший по морскому пейзажу чуть ли не ежедневно. Кто из этих двух художников прав в

выборе стиля творческой жизни и количественных нормативов работы?

Оба. Одни творческие индивидуальности удачно реализуют себя, создавая малое число произведений, другие — большое. Точно так же графоманы и бездарности бывают двух типов: кто-то производит великое множество никому не нужных картин или рукописей, а кто-то всю жизнь неустанно трудится над столь же беспомощным полотном или романом. «Плодовитые» — «малопишущие» и «талантливые — бездарные» — два совершенно разных аспекта. Каждого причастного к творчеству индивидуума надлежит характеризовать и по качественным, и по количественным показателям отдельно, иначе мы рискуем оказаться в плену у ложной схемы, делящей всех литераторов на малопишущих, но взыскательных художников и многопишущих, но нетребовательных к себе ремесленников.

Испанский драматург Лопе Фелис де Вега Карпьо написал за шестьдесят лет работы от 1800 до 2200 пьес (точная цифра неизвестна). А кроме того — два десятка поэм, романы, стихотворные трактаты. Не много есть людей, прочитавших полностью даже те 474 пьесы Лопе, которые сохранились до нашего времени. Тем не менее никто не ставит в вину великому испанцу его бешеную плодовитость. Кому сколько писать — это одному богу известно. Богу Аполлону.

Перейдем теперь к вопросу о качестве. В работе Александра Иванова наиболее отчетливо проявились характерные черты всей нашей пародии 70—80-х годов. Серьезные, досадные ее недостатки, а также имеющиеся наряду с ними отдельные достоинства. Да, значительная часть пародий Иванова

построена на назойливом обыгрывании одной-двух строк, выдернутых из контекста. Да, любит он грубовато обыгрывать имена и фамилии пародируемых авторов (Юнна Мориц у него непременно рифмуется с «Филип Моррис», Эльмира Котляр — с «маляр» и «столяр», пародия на Анатолия Зайца полностью посвящена фамилии поэта), фамильярно проходить насчет чужих гонораров (вспомним хотя бы печально известную пародию на Эдуарда Успенского). Да, в поисках повода для пародии Иванов нередко нацеливает свою сатирическую пушку на слишком мелких литературных воробьев, берется высмеивать стихи и строки, которые настолько нелепы и смехотворны, что в пародийной критике едва ли нуждаются. Да, Иванов иной раз не прочь потрогать невзыскательному читателю (и слушателю! эстрадно-концертная практика наложила неизгладимый отпечаток), прибегая к отнюдь не пародийному комизму, к непристойным, сальным остротам.

Не беремся защищать Александра Иванова от тех упреков, которые высказала пародисту критика: тем более что среди упрекавших нередко бывал сам автор настоящей книги и ни от одной из своих инвектив по адресу Иванова он не отказывается. Но не стоит ли посмотреть и на удаchi самого плодовитого пародиста XX века? Тем более что наш разговор идет в контексте истории жанра. А в истории литературы прежде всего остается то лучшее, что сделано литератором (даже если львиная доля его «валовой» продукции будет «списана» грядущими поколениями и выброшена ими на свалку).

Мы вслед за Архангельским, сказавшим: «хорошо пародировать всего писателя, а не его очередное произведение», — очень ценим пародии «портретные». Но, согласитесь, без пародирования «очередных произведений» жанр утратил бы и свою критическую силу, и оперативность (ведь иногда читателю очень хочется сверить свое впечатление с откликами критиков и пародистов: дорога ложка к обеду). Иванов не раз выступал с пародиями-рецензиями, где высказывал свою недвусмысленную оценку простых литературных явлений.

В 1964 году вышла в свет поэма Евгения Евтушенко «Братская ГЭС». Она открывалась «Молитвой перед поэмой»:

Поэт в России — больше чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

«Уюта нет, покоя нет» — это цитата из Блока. Но ею «цитатность» «Молитвы» не исчерпывается, поскольку автор, приступая к своему глобальному и грандиозному (по замыслу) труду, взывает к славным предшественникам:

И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...

После чего автор «Братской ГЭС» обращается в хронологическом порядке к семи великим русским поэтам, используя стихотворные размеры их наиболее известных произведений, стремясь в одной строфе дать как бы целостный образ художественного мира каждого из классиков.

Этот диалог Евтушенко с классиками тут же стал живо обсуждаться читателями, критиками. Иванов незамедлительно выступил с пародией под названием «Панибратская ГЭС». Мы приведем ее параллельно с фрагментом из поэмы, чтобы точнее и конкретнее прочесть смысл пародийной критики.

БРАТСКАЯ ГЭС

Дай, Пушкин, мне свою
певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая, глаголом жесть.

Дай, Лермонтов, свой желчный
взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра —
лампада тайного добра.

Дай, Некрасов, уняв мою
резвость,
боль иссеченной музыки твоей —
у парадных подъездов,
у рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный
твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.

О, дай мне, Блок, туманность
вещую
и два кренящихся крыла,

чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.

Дай, Пастернак, смещение дней
смещение веток,
сращение запахов, теней
с мученьем века,
чтоб слово, садом бормоча,
цвело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.

Есенин, дай на счастье
нежность мне
к березкам и лугам, к зверью
и людям
и ко всему другому на земле:
что мы с тобой так беззащитно
любим.

Дай, Маяковский, мне
глыбастость,
буйство,
бас,
непримиримость грозную
к подонкам,
чтоб смог и я,
сквозь время прорубясь,
сказать о нем
товарищам потомкам.

ПАНИБРАТСКАЯ ГЭС

Быть может, я поверхностный
поэт?
Быть может, мне не стоило
рождаться?
Но кто б тогда сварганил
винегрет

из битников, Хеопса и
гражданства?

...Мой Пушкин, самых честных
правил,
когда я Братском занемог,
ты б замолчать меня заставил
и разнеможиться помог.
М. Лермонтов, прошу тебя,
дай силу жить, врагов губя,
чтоб я в противника воткнул
и там два раза повернул
свое оружие. Враг завыл,
ругаясь из последних сил.

Назови мне такую обитель
образцовых читательских душ,
где бы мой не стонал
потребитель,
где оркестр не играл бы
евТУШ!

Есенин, дай на счастье руку
мне.
Пожми мою. Дружить с тобой
желаю.
Давай с тобой полаем при луне.
Ты помолчи. Я за двоих полаю.

Пройду я с Блоком мимо
столиков,
туда, где скреперы ворчат
и женщины с глазами кроликов
«In Женья veritas!» — кричат.

И вот теперь я обретаю вес,
как тот певец неведомый, но
милый.
Творение мое о Братской ГЭС,
клянусь, не стало братскою
могилой.

Прежде всего обратим внимание на два вопроса, которыми начинается пародия. Иванов не просто воспроизводит характерный для Евтушенко мотив беспощадной «самокритики», а сгущает его, подчеркивая то игровое начало, которое неизменно присутствует в самобичевании пародируемого поэта. Автор «Братской ГЭС» спешит сказать о себе самое худшее сам — чтобы этого не смогли сделать другие. «Быть может, мне не стоило рождаться?» Согласитесь, надо быть очень недобрым и нетактичным человеком, чтобы ответить: «Да, не стоило». В общем такое уничижение — паче гордости и гораздо расчетливее, чем наивное самовосхваление.

Пародируя «Молитву перед поэмой», Иванов не буквально следует за текстом, а «охватывает» лишь пятерых из семи классиков. И этого достаточно. Иванов «расшифровывает» несложные реминисценции, обыгрывая те же источники («Мцыри», «Незнакомка», «Собаке Качалова»), при этом он гиперболизирует некоторую банальность представлений о Пушкине, Лермонтове, Некрасове, Есенине и Блоке, отразившихся в поэме. Творческий дух этих поэтов в «Молитве» воскресить не удалось, великие тени не заговорили — поэтому оказывается мотивированным грубоватый эпиграмматический выпад: «Ты помолчи. Я за двоих полаю». А в итоге весь этот эффектный фрагмент поэмы, несмотря на всю коленопреклоненность автора, изрядно отдаёт духом саморекламы, что и подчеркивает пародист.

Пародия, пожалуй, огорчительна для пародируемого автора. Но вот что сказал по этому поводу он сам: «Если говорить об Иванове, он бывает жестковат, ядовит, но почти всегда — по делу. Сознательно

гиперболизируя недостатки поэтов, он выполняет роль язвительного, но умного друга, а иногда и противника. Умный же противник полезней дурака обожателя.

Иванов написал обо мне, например, хлесткую, весьма нелицеприятную, но обворожительную пародию с колючим остроумным названием «Панибратская ГЭС». Зачем же опускаться до глупости, обиды?»

Обижаться или нет — это, конечно, личное дело пародируемого автора, это вопрос уже не литературы, а литературного быта. Но стоит обратить внимание на такую закономерность: среди тех пародируемых авторов, которые печатно выражали свою обиду на Иванова, никогда не было ни Ахмадулиной, ни Винокурова, ни Вознесенского, ни Жигулина, ни Кушнера, ни Мориц, ни Окуджавы, ни Самойлова, ни Слуцкого, — в общем, ни одного из настоящих, больших поэтов. В роли жалобщиков неизменно оказывались обладатели скромных или более чем скромных дарований. Настоящий поэт умеет постоять за себя не жалобами и протестами, а просто своим талантом, которого у него никто не отнимет, которому не страшны пародийные придирки.

Портретные пародии Иванова уступают аналогичным пародиям Левитанского и в тонкости, и в точности. Тем не менее у Иванова есть свое понимание и своя трактовка творчества обладающих индивидуальностью поэтов: назовем хотя бы пародии «Письмо Франсуа Вийону» (на Б. Окуджаву), «Глазковиада» (на Н. Глазкова), «Профессор, поэт и Анна», «Ужин в колхозе» (на Д. Самойлова), «Крик рака» (на В. Соснору), «День в Гиперборее» (на

Ю. Мориц). Конечно, с трактовками Иванова можно спорить. В частности, пародист бывает чересчур консервативен в своих вкусах, недоверчив к дерзким словесным и образным поискам — в этом отношении он единоклубен с количественно большей частью современных критиков. Но уже эта возможность спора снимает с лучших пародий Иванова обвинение в пустоте и бессодержательности.

В отличие от многих своих коллег, занятых лишь выискиванием дурацких строчек и разворачиванием их в не очень умные и чересчур длинные пародии, Иванов знает современную литературу и постоянно интересуется ею. Об этом свидетельствуют и его прозаические пародии: на М. Анчарова и М. Жванецкого, Ф. Искандера и В. Катаева, В. Липатова и В. Токареву, В. Распутина и В. Чивилихина. Вот фрагмент из пародии «Другое прощание» (на Ю. Трифонова):

«Плохо было и с дочерью — Ирка совсем от рук отбилась, тринадцать лет, трудный возраст, встречалась с Борей, мать Ольги Васильевны у него училась, восемьдесят первого года рождения, прекрасно сохранился, академик, ездила с ним на каток, академик блеял от радости, стучаясь библейской лысиной об лед, обещал жениться, как только разрешит его мама, а Ирка возвращалась под утро, грубила Ольге Васильевне, а потом рыдала, и она рыдала тоже, а нарыдавшись, пили чай на кухне, ловили за усы рыжих тараканов и запускали ночью под дверь в комнату свекрови — ей тоже одиноко, хотя она в прошлом юрист и знакома с Луначарским.

Все это было утомительно и непонятно, она понимала, что прощание оказалось слишком долгим и надо было начинать другую жизнь в новом мире».

Сгущая бытовую прозаичность атмосферы трифоновских повестей, пародист вместе с тем схватил и гиперболизировал повествовательный темп, динамику, ощущение беспощадного бега времени, столь характерное для произведений этого писателя. В конце пародии шутливо обыгрывается тот факт, что повести Трифонова «Долгое прощание» и «Другая жизнь» печатались в журнале «Новый мир». Это, кстати, не просто житейская подробность, а важный факт литературного процесса, идейно-духовной атмосферы того времени: для обретения Трифоновым своего твердого пути огромное значение имели отношения с главным редактором «Нового мира» Твардовским. Ориентируясь на «новомировские» идеалы, Трифонов вместе с тем сохранял самостоятельность позиции, а в семидесятые годы (когда и появилась «Другая жизнь») оказался одним из самых стойких и серьезных продолжателей идейной традиции Твардовского. Так что здесь не просто каламбур. Тревожная мысль о «другой жизни», о «новом мире» (иначе говоря — о будущем, о бессмертии души, о высшем смысле жизни) мучает героев Трифонова и самого автора, который не спешил с категорично-легкомысленным ответом на этот главный для отечественной интеллигенции вопрос. Кстати, ключевые слова Трифонов нередко давал разрядкой — в этом отношении пародист следует за «оригиналом».

Пародия не производит впечатления такой уж «дружеской», есть в ней ироническая дистанция. Но написана она единомышленником Трифонова. Не случайно, когда в 1986 году в «Огоньке» пол-

ный, без купюр, вышел текст воспоминаний Трифонова о Твардовском и некоторые литературные чиновники попытались печатно скомпрометировать этот важнейший документ нашей духовной истории, именно Александр Иванов выступил в печати с отважно недвусмысленной репликой в защиту Трифонова и Твардовского.

Прозаические пародии Иванова бывают и резко критического характера: они направлены против стереотипов массовой культуры и беллетристического чтения (на «Семнадцать мгновений весны» Ю. Семенова), против мемуарного эгоцентризма (на повесть В. Крупина «Прости, прощай...»). Даже самый ярый недоброжелатель Иванова не сможет поставить ему в вину гражданскую бесхребетность, равнодушие к социальным проблемам. А это ведь для русской пародии всегда было важно.

Поэтому хочется оспорить еще одну претензию к Иванову, высказанную Б. Сарновым; дескать, как можно пародировать полторы сотни стихотворцев, если поэтической индивидуальностью, собственным художественным стилем из них обладает абсолютно меньшая часть? Но ведь пародировать можно не только оригинальный стиль, но и менее индивидуальную манеру (по терминологии Гёте), да и стиль (или хотя бы его зачатки) пародируется в сравнении с кругом идей, образов, сюжетов, в сравнении со стилем мышления и чувствования пародируемого автора. Скажем, в поэзии Ф. Чуева самый изощренный филолог не отыщет элементов индивидуального художественного стиля. Стиля мышления там, пожалуй, тоже нет. Но вот зато стиль чувствования есть — и очень последовательный. В пародии на

Ф. Чуева «Двоечница» Иванов отталкивается от лирического сюжета. Вот эпиграф-цитата:

Куплю рубаху, брюки темно-синие,
пройду по половицам, как по льду,
и двоечницу, самую красивую,
на зависть всей площадке, уведу.

Пародист уловил, что лирический герой увлечен не столько «двоечницей», сколько самим собой, и подчеркнул это в финале пародии, заодно выявив и тот «идеал», на который ориентируется пародируемый автор в своих духовных поисках (чему есть свидетельства во многих его произведениях):

Она вдруг слезы принялась размазывать,
они ручьями брызнули из глаз.
Тогда я начинаю ей рассказывать,
что я не кто-нибудь, а красный ас!

И вроде шансы сразу же повысились,
вот мы уже заходим к ней во двор...
И я шагаю как генералиссимус
и мну в руках «Герцеговину Флор».

Не отличается ярко выраженным стилевым своеобразием и поэзия Станислава Куняева (ведь даже в пародии Левитанского мы узнаем этого автора главным образом по легендарно известной и восходящей к М. Светлову строке «Добро должно быть с кулаками...», а не по ритму и не по словесному строю). Но Иванов пародирует Куняева прежде всего как активного участника нынешних идейно-политических споров. И когда Иванов выносит в эпиграф своей пародии «Турусы на то-

росах» (Огонек. 1987. № 31) такие вот куняевские строки:

Нет, не зря в ледовитый торос
упирается русская карта:
одинаково страшен мороз
и для СПИДа, и для Бонапарта.

Поскользнешься в родной темноте,
чертыхнешься в морозных потемках...
Вспомнишь — мамонты спят в мерзлоте
и алмазы хранят для потомков, —

то это строки не случайные, для поэта достаточно заветные. Здесь выражена вполне определенная точка зрения на историческую судьбу России, отражена определенная модель патриотического сознания: сила отечества связывается с «родной темнотой». У пародиста на этот счет точка зрения другая, он спорит с поэтом, гиперболизируя в финале не особенности стиля своего оппонента (ввиду их отсутствия), а его идейную концепцию:

Поскользнешься в родимой грязи,
и на сердце озябшем теплеет.
Не впервой нам в сплошной мерзлоте
первородство отстаивать в драке.
Не сподручней ли жить в темноте,
в наготы, в запустенье, во мраке?..

Нельзя сказать, что пародия эта виртуозна. Но никак нельзя сказать, что это сатирическое стихотворение касается несущественного вопроса. Каждый литератор и каждый читатель должен как-то определить свою позицию в споре Куняева и Иванова. И очень существенно, что такая позиция у пародиста имеется.

Пародии Иванова редко вызывают восторг. Порою они вызывают отталкивание, неприятие, спор. Но все-таки — при всей своей многочисленности — они не бывают бесхарактерными и скучными. А это уже немало.

Пародист не растерялся в новой общественно-нравственной ситуации, ветры перемен не застали его врасплох: быстрее закрутилась его пародийная мельница. Мы продолжаем говорить и спорить о пародиях Иванова. Так что не будем спешить с подведением итогов и с однозначной оценкой.

От составителя

Эта статья из фундаментального труда В. И. Новикова, доктора филологии, написана двадцать лет назад, еще при жизни Сан Саныча (так его весело называли читатели и многочисленные зрители телепередачи «Вокруг смеха», ведущим которой был А. А. Иванов). Можно соглашаться или не соглашаться с автором статьи, но в ней прозорливо угадано главное: Александр Иванов играл заметную роль в литературном процессе второй половины XX века.

«*И* путем взаимной переписки»

Письмо, открывающее эту подборку, А.А. Иванов написал мне в ответ на мою статью о нем. («Плоды изнурения. Литературная пародия вчера и сегодня», «Вопросы литературы», 1984, № 11.) Уже из одного только названия этой статьи видно, что была она резкая, можно даже сказать, издевательская. Поэтому я был очень удивлен и даже слегка обескуражен, узнав, что А.А. на нее не обиделся. Ведь это же означало, что моя критическая стрела пролетела мимо, даже не задев объект моей критики. Об этом я говорил Александру Александровичу в тогдашних — устных — наших разговорах. И даже написал ему по этому поводу большое письмо. (Оно, к сожалению, у меня не сохранилось.)

Тем временем в «Вопросах литературы» появились полемические отклики на ту мою статью. И я ответил на них еще одной, новой статьей на ту же тему. («О плохих стихах и хороших пародиях», «Вопросы литературы», 1985, № 6.) Вот тут-то и завязалась переписка, которую я предлагаю вниманию читателей этой книги.

Решив обнародовать эти давние наша письма, я подумал, что лучшего заглавия для этой публи-

кации, чем название знаменитого рассказа Владимира Войновича, мне не найти. Надеюсь, что автор рассказа простит мне этот невинный плагиат.

Б. Сарнов

4.XII.84 г.

Дорогой Бенедикт Михайлович!

Пять минут назад закончил внимательнейшим образом читать вашу статью.

К сожалению, мы живем в эпоху страшных, извращенных, омерзительно-мелких литературных взаимоотношений. Они настолько уродливо деформированы, что даже Вы, похоже, несколько смутились при моем неожиданном появлении.

Ума не приложу, кем надо быть, чтобы воспринять Вашу статью как негативную в мой адрес!

По поводу себя я отметил с Вашей стороны три момента: во-первых, Вы меня хвалите; Во-вторых, жалеете; в-третьих, подвергаете сомнению, всего лишь сомнению, а не отрицанию, мой творческий метод; при этом оговариваясь, что, возможно, ошибаетесь, приводя примеры подобных ошибок.

Что же во всем этом плохого?!

Статья получилась замечательная, нужная, острая, тонкая. Я очень рад ее появлению и поздравляю Вас.

Хочу, чтобы эта записка осталась в Вашем архиве, хотя, конечно, смешно переписываться, живя через два дома.

Спасибо, крепко жму Вашу руку, искренне
Ваш

Ал. Иванов

Р. С. Моя жена впервые вдруг поверила, что я
хоть чего-то стою.

А. И.

14.9.85 г.

Уважаемый Бенедикт Михайлович!

Долгое отсутствие было причиной того, что
только вчера я прочитал «ВЛ» № 6.

По поводу вышеизложенного могу сообщить
нижеследующее.

Я вовсе не такой уж анемичный вегетарианец,
как Вы полагаете. Сказав Вам, что я не обиделся,
я ничуть не погрешил против правды. Я не **оби-**
делся, но был сильно **задет**, так как Вы написали
о том, чем я занимаюсь много лет. А рад был пото-
му, что впервые на моей памяти появилось о па-
родии нечто серьезное и объемное.

Мое отношение к критике, даже самой уничто-
жающей, вообще, видимо, отличается от обще-
принятого сейчас. Я не могу понять, как можно
обидеться на человека за то, что он думает иначе,
чем ты! Ведь это же интересно! А у нас так: тебе не
понравилось сделанное мной, значит, ты мой
враг! Чушь — и все.

Не знаю, читали ли Вы, но некоторое время
назад Н. Старшинов обрушился на меня в «На-
шем современнике». Обрушился грубо (это ниче-
го), но что гораздо хуже — абсолютно бездоказа-

тельно поддавшись эмоции. С Н.К. мы знакомы давно, много лет, и отношения у нас вполне корректные и даже доброжелательные. Он, видите ли, обиделся за книгу «Молодые голоса», которую составил; а я отозвался о ней пренебрежительно. Через какое-то время мы столкнулись на совместном выступлении. В его глазах я прочел некоторое замешательство — что будет? Я улыбнулся и протянул ему руку, которую он и пожал. Но по его глазам было видно, что замешательство перешло в изумление: ты что ж, мол, не читал?! А я читал. Не согласился. И — не обиделся. Это не то слово.

Теперь по существу дела.

Уже вторично Вы повторили, что нельзя пародировать пустоту. Пустоту — да! Но какая же это пустота, если ею забиты все магазины? Десятки тысяч кропают, миллионы как-никак читают. Конечно, это — антилитература. Но ведь она официально выдается за литературу! И пародировать ее, по-моему, надо. Надо разоблачать, издеваться, показывать ПУСТОТУ, несостоятельность. Хотя бы потому, что у нас очень велика вера в печатное слово. Раз напечатано, значит, это и есть поэзия. А как же иначе?!

Вот пример. Сейчас критика выделила из последних волонтеров стихосложения несколько имен: Иван Жданов, Парщиков, Еременко, Кудимова. Кудимову пока не читал, что касается трех первых, то даже смешно, что об этом пишут серьезно: ни черта, по-моему, за этой «метафоричностью» не стоит. Психи какие-то! Но ведь ломают копья! С умным видом разбирают, анализируют. Пройти мимо?! Дескать, время рассудит, отбросит... Не знаю, не знаю.

Другое дело, что лучше пародировать ярко и талантливо, чем плоско и бездарно. Кто спорит?

Сейчас большое количество пустых, никаких пародий — это плохо. Пусть бы их писали все, кому не лень, не беда, важно их не печатать. А печатают все и всё. Пародия вошла в моду. Это тревожно. Жанр девальвируется, и быстро.

Что касается лично меня, то, озирая пройденное, полагаю, что удачи есть (их меньше, чем хотелось бы), есть вещи проходные, есть просто слабые (увы, много). Что ж, надо работать и мучиться от сознания, что опять и опять не то, не так... И надеяться.

Желаю Вам всего самого доброго.

Найдете нужным ответить — буду рад. Хотя мы и живем рядом. Надо же порядочным людям подумать о будущем ЦГАЛИ. А то туда попадет переписка Куняева с Кожинным, и будущим исследователям придется работать в перчатках.

Ваш Иванов

1 ноября 1985 г.
Москва.

Уважаемый Александр Александрович!

Из дальних странствий воротясь, обнаружил Ваше письмо. Извините, что отвечаю с таким опозданием, но — лучше поздно, чем никогда.

Итак, по пунктам.

1. Относительно обид и «вегетарианства». Мне очень симпатично Ваше отношение к критике. Особенно симпатично, потому что за многие годы встречаюсь с таким отношением едва ли не впервые. Нет числа литераторам, которые прекрати-

ли со мной всяческое общение и даже перестали здороваться, обидевшись на критику. Как Вы понимаете, такие «обиды» отнюдь не греют и не вдохновляют меня. Я целиком за то, чтобы люди, нелюбезно высказавшие друг другу свои литературные претензии, оставались добрыми знакомыми и даже друзьями. Я говорил не о бытовой обиде, а о чисто профессиональной задетости. (Хотя в иных случаях это трудно разделить. На статейку Старшинова можно обидеться и лично, а не только профессионально: это не критика, а начальственный окрик. В иных случаях критика превращается у нас в политический донос. Тут уж можно не только обидеться, но и руки автору не подавать. Но это — совсем другая, особая тема.)

Говоря о том, что Вы «не обиделись» на мою критику, я имел в виду, что Вы в том, прежнем своем письме как-то чересчур поспешно согласились со мной чуть ли не по всем пунктам, недостаточно горячо отстаивали свою позицию. А ведь она, как я понимаю, сильно отличается от моей.

На сей раз Вы высказались определеннее. Поэтому есть смысл еще раз попробовать объяснить, поставить все точки над ё.

2. Я совершенно согласен с вами в том, что ПУСТОТУ, АНТИЛИТЕРАТУРУ, получившую у нас такое неслыханное распространение, необходимо разоблачать, издеваться над ней, демонстрировать ее убожество, ее полную художественную несостоятельность. Но как? Способов много. Можно писать критические (сатирические) фельетоны, эпиграммы, памфлеты. Можно издеваться, глумиться, стирать в порошок. Но пароди-

р о в а т ь пустоту невозможно, в этом я убежден. Для пародии необходим п р е д м е т. (Предметом вовсе не обязательно должен стать с т и л ь пародируемого автора, можно пародировать его общественную позицию, убожество его мысли и т.п.)

Слов нет: у Вас есть и удачи. Вероятно, их даже немало (хотя и меньше, чем могло бы быть). Но в статье моей речь шла о другом. О направлении, избранном Вами. О тенденции, которую я считаю ошибочной, ведущей к деградации жанра.

Ваши «пародии», написанные по поводу какой-нибудь монструозной, графоманской строки, в лучшем случае являются растянутыми эпиграммами. Это не пародии в собственном смысле слова. Поймите меня правильно: я вовсе не такой уж строгий пурист и ревнитель чистоты жанра, не пограничник Карацупа, бдительно следящий, чтобы «граница жанра» была н а з а м к е. В конце концов, не все ли равно, как назвать меткую стрелу или пулю: важно, чтобы она точно ложилась в цель и поражала эту цель.

Но тут есть один чрезвычайно важный момент, на который я хотел бы обратить Ваше внимание.

Вот, скажем, «критик» В. Бушин написал статью о романе Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов». Он нашел у автора романа множество мелких огрехов: фактических, бытовых, стилистических и т.п. Всласть порезвился, глумясь над «невежеством» писателя. Но статья его тем не менее отнюдь не является критической статьей в собственном смысле слова. Потому что критик так и не смог (а может быть, даже и не пытался)

вскрыть художественную слабость анализируемого им произведения.

Таким методом можно распатронить и «Войну и мир»!

В свое время генерал Драгомиров опубликовал работу — «Война и мир» графа Л.Н. Толстого с военной точки зрения». Боевой генерал весьма профессионально доказывал несостоятельность воззрений Толстого на роль и поведение военачальника в бою. Однако Драгомиров был весьма далек от того, чтобы ставить под сомнение художественную ценность романа Л.Н. Толстого.

Я сейчас оставляю в стороне то немаловажное обстоятельство, что позиция В. Бушина по отношению к роману Окуджавы весьма нечистоплотна. (Вся вторая половина статьи представляет собой грязный политический донос.) Ваша литературная позиция всегда благородна. Но, к сожалению, сути дела это не меняет. Ополчаясь на очередной графоманский перл, выдергивая из контекста стихотворения строку или полустроичие и сочиняя по этому поводу «пародию», Вы не обнажаете художественную несостоятельность пародируемого поэта, потому что Вашим методом можно сочинить пародию на кого угодно! Даже на Пушкина! Об этом я подробно говорил в своей статье. Кстати, я пытался в ней наглядно продемонстрировать суть Вашего метода и даже спародировать его. Бдительная редакция мне эту пародию на Вас вычеркнула. (Вероятно, боясь обидеть Пушкина.) Привожу это вычеркнутое место:

«Пользуясь методом А. Иванова, написать пародию на Пушкина ничего не стоит.

Она выглядела бы примерно так:

Твоих ночей

Люблю тебя, Петра творенье...
Твоих задумчивых ночей...

Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

А. Пушкин

Как я люблю твоих ночей,
Твоих порывов и лобзаний,
Твоих колен, твоих очей.
Твоих последних содроганий.

Люблю я ласк твоих и яств,
Твоих грудей и бёдер знойных.
Люблю прыщей, болячек, язв
Твоих, в особенности — гнойных...

и т.д.»

Сплошь и рядом Вы действуете именно таким образом. Придравшись, скажем, к тому, что какой-то поэт употребил архаическое «облак» вместо употребительного в современном языке «облако», Вы построили на этом свою «пародию». Поэт и впрямь плохой, никудышный. Но беда в том, что ВЫ ЭТОГО СВОЕЙ ПАРОДИЕЙ НИКАК НЕ ДОКАЗАЛИ. Ведь и хороший поэт, склонный к архаике, мог употребить такой оборот. (Вот, скажем, у Булата: «На твои упадает плеча» — «упадает» вместо «падает», «плеча» вместо «плечи». А строчка прекрасная!)

Ваш иронический выпад против Ряшенцева остроумен и прелестен. Но он не дает никакого

представления о том, хороший поэт Ряшенцев или плохой, поэт он или графоман. Перепутать длину окружности с площадью круга мог бы даже гениальный поэт. Вот, скажем, у Лермонтова л ь в и ц а оказалась обладательницей гривы, в то время как грива бывает только у л ь в а. А какую «пародию» могли бы Вы сочинить по поводу знаменитых лермонтовских строк: «Из пламя и света рожденное слово». Грамматически правильно было бы: «из пламени и света». Но стихи гениальные, несмотря на неправильность. Даже, может быть, благодаря этой грамматической неправильности. Лермонтову ничего не стоило исправить этот мелкий «огрех». Но он не стал этого делать, потому что вышло бы грамматически безупречно, а поэтически — бледнее, анемичнее: не так страстно, не так мощно.

Я не стал бы говорить обо всем этом так подробно, если бы не знал, что Вы умеете точно, а иногда даже и весьма тонко пародировать самую художественную ткань. Показательны в этом смысле не только некоторые поэтические Ваши пародии, но и прозаические (скажем, пародия на Трифонова). Но, к сожалению, Вы почти полностью оставили этот единственно плодотворный путь ради другого — неизмеримо более легкого, но куда менее плодотворного.

Помимо всего прочего, Ваши «подопечные» в массе своей просто не стоят того, чтобы тратить на них три, а то и четыре строфы. Сплошь и рядом тут довольно одного меткого четверостишия.

Вот, собственно, все, что я хотел Вам сказать.

На Вашем месте я бы постарался разнообразить «виды оружия». Чаще обращался к эпиграм-

ме, стихотворному фельетону, другим сатирическим жанрам. Но это уж, как говорится, дело хозяйское.

Всего Вам доброго.

Ваш
Б. Сарнов

10.II.85 г.

Дорогой Бенедикт Михайлович!

Внимательнейшим образом дважды прочитал Ваше письмо. И опять-таки, хоть убейте, во многом согласен!

Видите ли, любой художник вне зависимости от природной одаренности, приступая к работе над произведением любого жанра, твердо намерен написать замечательно, в худшем случае — очень хорошо. Никто не садится за стол писать плохо. И однако же, в большинстве случаев именно так и происходит. Почему? Да просто потому, что талант — величайшая редкость. А на свой счет я никогда особенно не обольщался. Хотя какая-то (небольшая) часть написанного мной кажется мне удавшейся (в пределах отпущенных мне возможностей, конечно).

Бушинская пакостная статья мне памятна. Еще бы! Такое не часто встретишь.

За пресловутый «облак» меня матом ругал еще Ярослав Смеляков. Это — пустячок, тот случай, когда «ради красного словца...» и т. д. А право на существование все же имеет.

На Старшинова я обиделся **литературно**, а не **лично**. Мне кажется, есть разница. Вы, вероятно, читали критику в мой адрес в журнале «Журна-

лист» № 7 за этот год (стр. 48). Там много говорится о Вас. И как ни печально — Вы там рука об руку с... Старшиновым. Ваша серьезная работа приравнена к выпадку Н.К. Думаю, что Вас это не радует. Не считаю нужным не здороваться с Колей. Куняев — дело другое. Не здороваюсь.

Конечно, я понимаю, что пародия, вытекающая из эпиграфа, — второго сорта. (Хотя, согласитесь, бывают исключения: у Архангельского блистательная «Магдалиниада» на Жарова с эпиграфом; а как же — повод-то, стихи-то — баракло, а пародия — отличная!)

Мне очень хотелось издать когда-нибудь отдельно лучшие безэпиграфные пародии, причем немного, штук 30. Один лист. Но издавать пока никто не хочет.

Но — и это главное, что я хочу Вам сказать, — пишу как могу, как получается. Если Вы думаете, что не ищу, не пытаюсь, не бьюсь, то ошибаетесь. Хотя какая-то эксплуатация найденных приемов налицо; увы! А вот выходить из границ двух жанров — пародии в стихах и прозе и эпиграммы, может быть пока, — не тянет. Вы же, будучи известным и авторитетным критиком, не пишете басни и не кропаете киносценарии...

Полагаю, что в наше время человек может чего-либо добиться только на узком участке. Век Ломоносовых миновал. Гений не сумеет. А этого я в себе не подозреваю.

И еще одно, что, возможно, заставит Вас усмехнуться. Вторая грань моей работы — эстрада, концертная деятельность. Я выступаю практически столько же, сколько пишу, — 23 года. («Вокруг смеха» не считаю, это нечто особое, развлекатель-

ный телеширпотреб, строжайший многоступенчатый контроль, так и надо расценивать, хотя многим нравится.) Выступать доводилось везде — от Дворцов спорта до крохотных клубов. И везде получаю удовлетворение — люди радуются. А на фоне нашего тусклого, убогого существования доставлять людям радость, вызывать улыбку, смех — значит, приносить пользу.

Я искренне люблю пародию, и, если моя деятельность объективно наносит вред жанру, очень жаль... Но так ли уж все зависит от меня?

А что касается места в истории российской словесности, то тут я не оболющаюсь. Впрочем, нет. Место уже есть. Булат Окуджава, которого я очень люблю, хотя стихи предпочитаю прозе, посвятил мне и напечатал стихотворение. Так что в комментариях к произведениям Булата без меня не обойдется...

Как Вы понимаете, мое письмо не содержит вопросов, все точки над ё поставлены, так что и ответа оно не требует. Впрочем, буду рад и получить, если Вы захотите что-либо мне написать. Беседа и телефонный разговор — одно, а это — документ!

Жму руку, всего доброго,

Ваш
Ал. Иванов

16 ноября 1985 г.
Москва.

Дорогой Александр Александрович!

Все точки над ё и в самом деле уже поставлены. Но, хотя Ваше последнее письмо и не требует ответа, я хочу высказаться по нескольким пунк-

там, почти никакого отношения к основному предмету нашей маленькой дискуссии не имеющим.

1. О заметке в «Журналисте», где я, как Вы справедливо отметили, выступаю «рука об руку» со Старшиновым. Вы правы: удовольствия это мне не доставило. Но тут, к сожалению, ничего не поделаешь. Это, кстати, одна из причин, побудивших меня почти совсем отказаться от занятия литературной критикой. (Если Вы заметили, последние 20 лет я почти не выступал со статьями о современной литературе.)

Первый раз это со мной случилось, когда я написал статью о Вознесенском и он пожаловался мне, что если раньше (до моей статьи) В. Карпова («Сов. пис.») заворачивала его стихи только по политическим мотивам, то теперь, вооруженная мною, она заворачивает их, говоря: «Это не настоящая, а синтетическая поэзия».

В сталинские времена это выглядело бы примерно так:

СТАЛИН. Я тут прочитал статью критика Сарнова о пародисте Иванове. По-моему, критик неправильно оценил работу нашего замечательного пародиста. Расстреляйте товарища Сарнова.

Второй вариант:

СТАЛИН. Я тут прочитал статью критика Сарнова о пародисте Иванове. По-моему, критик совершенно правильно оценил работу этого незадачливого пародиста. Расстреляйте товарища Иванова.

Заметка в «Журналисте» показывает, что до сих пор действуют только эти два варианта.

Третьего не дано. Будем благодарны судьбе, что по крайней мере до расстрелов дело не доходит.

2. Вы справедливо пишете, что в наш век человек может чего-либо добиться только на узком участке. Но вывод из этого справедливого утверждения Вы, по-моему, делаете неверный. «Вы же, будучи известным и авторитетным критиком, — обращаетесь Вы ко мне, — не пишете басни и не кропаете киносценарии».

Увы! И сценарии сочинял, и радиопьесы («Занимательное литературоведение») идут по радио постоянно, и даже с подстрочника перевожу грузинские, дагестанские и татарские романы для серии «Пламенные революционеры» в Политиздате. И все это для того, чтобы не разменяться на пустяки или халтуру в том жанре, который считаю главным (в сущности, единственным) делом своей жизни.

Мог бы кормиться, конечно, и одной критикой. Но это резко снизило бы уровень моих критических писаний. Поэтому предпочитаю уходить в «отхожие промыслы». Но это так, к слову. Свой опыт никому навязывать не смею. К тому же от «занимательного литературоведения» получаю истинное удовольствие. (В Вашем случае эту роль, вероятно, играет эстрада.)

3. И последнее. Мне кажется, Вы зря (коли не шутите) взяли установку на то, чтобы остаться в литературе лишь в комментариях к стихам Булата. Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Может быть, какая-нибудь Нора Яворская останется в литературе только потому, что Вам удалось написать на нее удачную пародию. Как, скажем, Иван Молчанов остался в литературе

только стихами Маяковского да пародией Архангельского.

Быть может, у Вас так и не получится, но стремиться к этому надо.

От души желаю Вам успеха.

Б. Сарнов

Литературно-художественное издание

Александр Иванов

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том сорок шестой

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *А. Мусин*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Т. Комарова*

Корректоры *Л. Квашук, Т. Павлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 28.03.2006.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Букмэн».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 15,96+вкл.

Тираж 7100 экз. Заказ № 2316.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-699-14551-6

9 785699 145515 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 266-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

**Антология
Сатиры и Юмора России
XX века**

**Единственная в России серия,
собравшая лучшие образцы
юмора и сатиры
от классиков до современников!**

Также в серии:
«Аркадий Бухов», «Леонид Филатов»

Золотая коллекция остроумия!

Чингиз Айтматов	Николай Алешков
Евгений Антошкин	Михаил Анчаров
Наталья Астафьева	Белла Ахмадулина
Василий Белов	Виктор Боков
Аркадий Вайнер	Георгий Вайнер
Петр Вегин	Ирина Велембовская
Александр Володин	Владимир Высоцкий
Инна Гофф	Анатолий Гребнев
Сергей Давыдов	Владимир Дворянсков
Николай Дмитриев	Вероника Долина
Юлия Друнина	Евгений Евтушенко
Тамара Жирмунская	Василий Журавлев
Фазиль Искандер	Александр Исполюнов
Валентин Катаев	Игорь Кобзев
Владимир Костров	Диомид Костюрин
Юрий Кузнецов	Евгений Кулькин
Виль Липатов	Евгений Лучковский
Сергей Макаров	Новелла Матвеева
Юнна Мориц	Александр Москвитин
Буллат Окуджава	Виктор Парфентьев
Лев Ошанин	Константин Паустовский
Григорий Поженян	Надежда Полякова

Чингиз Айтматов Николай Алешков
Евгений Антошкин Михаил Анчаров Ар
Астафьева Белла Ахмадулина Эдуард
Василий Белов Виктор Боков Юрий Бо
Аркадий Вайнер Георгий Вайнер
Петр Вегин Ирина Велембовская Евгений
Волгин Александр Володин Владимир Высо
Инна Гофф Анатолий Гребнев Николай
Сергей Давыдов Владимир Дворянсков
Николай Дмитриев Вероника Долина
Юлия Друнина Евгений Евтушенко
Памара Жирмунская Василий Журавлев
Фазиль Искандер Александр Исполюно
Валентин Катаев Игорь Кобзев Яко
Корин Владимир Костров Димитр
Кузнецов Евгений Кулькин Станислав К
Виль Липатов Евгений Лучковский Иван
Сергей Макаров Новелла Матвеева
Юнна Мориц Александр Москвитин
Окуджава Лев Ошанин Николай П
Парфентьев Константин Паустовский
Григорий Поженян Надежда Полякова

Елена Андреева	Лев Аннинский
Аркадий Арканов	Эдуард Асадов
Наталья Балашов	Юрий Беличенко
Майя Борисова	Анатолий Брагин
Константин Ваншенкин	Лариса Васильева
Виктор Винокуров	Андрей Вознесенский
Игорь Голоскинский	Людмила Гончарова
Владимир Гордейчев	Григорий Горин
Андрей Дементьев	Николай Денисов
Евгений Долматовский	Николай Доризо
Александр Еременко	Михаил Жванецкий
Василий Захарченко	Анатолий Заяц
Римма Казакова	Геннадий Касьянин
Виктор Козловский	Григорий Конецкий
Анисим Костерин	Юрий Кронгауз
Николай Курицын	Александр Кушнер
Игорь Ляпин	Владимир Маканин
Сергей Михалков	Сергей Минакаев
Юрий Никончев	Лев Озеров
Анатолий Парпара	Виктор Панченко
Михаил Пляцковский	Анатолий Передреев
Анатолий Пчелкин	Борис Примеров

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Александр Иванов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Ты пиши и мой призыв
Не сочти за лесть,
Потому что пародист
Тоже хочет есть!

Александр Иванов.

А.С. ИВАНОВ АЛЕКСАНДР
260308 Цена 166 00 р

9

Антология Сатиры и Юмора России XX века